

ИНСТИТУТ РУССКОГО ЯЗЫКА им. В. В. ВИНОГРАДОВА РАН
УРАЛЬСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
им. А. М. ГОРЬКОГО

ВОПРОСЫ ОНОМАСТИКИ

2010. № 1 (8)

Выходит 2 раза в год

ЕКАТЕРИНБУРГ
Издательство Уральского университета
2010

Редакционная коллегия

Главный редактор

А. К. Матвеев (Екатеринбург)

Заместители главного редактора

Е. Л. Березович (Екатеринбург),
М. Э. Рут (Екатеринбург)

Ответственный секретарь

Л. А. Феоктистова (Екатеринбург)

Члены редколлегии

М. В. Голомидова (Екатеринбург), *Н. В. Васильева* (Москва),
А. Ф. Журавлев (Москва), *Н. В. Кабинина* (Екатеринбург),
И. И. Муллонен (Петрозаводск), *Е. Н. Полякова* (Пермь),
В. И. Супрун (Волгоград), *С. М. Толстая* (Москва),
К. Хенгст (Лейпциг, Германия)

СОДЕРЖАНИЕ

СТАТЬИ

<i>Лома А.</i> Из топонимии древней Скифии — в поисках страны будинов	5
<i>Кузьмин Д. В.</i> К проблеме происхождения названий с формантами <i>-ngV/-n(b)zV</i> в топонимии Карелии	18
Шилов А. Л. Этнонимы и неславянские антропонимы берестяных грамот	33
<i>Шипкова М.</i> Словарь микропонимов Моравии и Силезии: теоретический и интерпретационный аспекты	55
<i>Чижмарова Л.</i> О методологических принципах работы над «Словарем микропонимов Моравии и Силезии»	67
<i>Атрошенко О. В.</i> К составлению словаря русской народной хрононимии	78

СООБЩЕНИЯ

<i>Цыпанов Е. А.</i> Клички собак в коми языке	94

МАТЕРИАЛЫ

<i>Зеленцов П. С.</i> Повторяемость названий населенных пунктов и географический фактор	101

Трибуна ономастолога

<i>Матвеев А. К.</i> Субъективные факторы и лженаука в топонимических исследованиях	110

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Конференции, съезды, симпозиумы

Международная научная конференция «Этнолингвистика. Ономастика. Этимология» (<i>Е. Л. Березович</i>)	118
XVI Общепольская ономастическая конференция «Имена собственные и общество» (<i>Б. Афельтович</i>)	124
IV Чешская ономастическая конференция «Многообразие и специфика ономастики» (<i>А. А. Макарова</i>)	132
Краткая информация	135

Рецензии

<i>Муллонен И. И.</i> [Рец. на:] Кюршунова И. А. Словарь некалендарных личных имен, прозвищ и фамильных прозваний Северо-Западной Руси XV–XVII вв.	137

Книжная полка

Библиография работ А. Л. Шилова (<i>А. А. Макарова</i>)	143
Новые книги	149

Из истории ономастики

У истоков казахской ономастики (<i>Г. Б. Мадиева</i>)	157

СЛОВО ОБ УЧЕНОМ

Ю. А. Карпенко. Ad memoriam	168

СОКРАЩЕНИЯ	171

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ	172

CONTENTS

ARTICLES

- Loma A.* Looking for the land of the Boudinoi. A toponomastic research in ancient Scythia 5
- Kuzmin D. V.* On the problem of the origin of names containing formants *-ngV/-h(b)zV* in Karelian toponymy 18
- Shilov A. L.** Ethnonyms and non-slavic anthroponyms in the writings on birch bark 33
- Shipkova M.* Anoikonymic Dictionary of Moravia and Silesia: Theoretical and Interpretative Aspects 55
- Chizhmarova L.* Methodological Principles of the Dictionary of Moravian and Silesian Anoikonyms (Minor Place Names) 67
- Atroschenko O. V.* On the composition of the Dictionary of Russian National Chrononyms 78

REPORTS

- Tsypanov E. A.* Dog names in the Komi language 94

MATERIALS

- Zelentsov P. S.* Repetition of the settlements and geographic factor 101

ONOMATOLOGIST'S TRIBUNE

- Matveev A. K.* Subjective factors and pseudo-science in toponymical researches 110

SCIENTIFIC LIFE

Conferences, congresses, symposiums

- International conference «Ethnolinguistics. Onomastics. Etymology» (*E. L. Berezovich*) 118
- XVI All-Polish onomastical conference «Proper names and society» (*B. Afeltovich*) 124
- IV Czech onomastical conference «Diversity and specificity of onomastics» (*A. A. Makarova*) 132
- Short reports 135

Reviews

- Mullonen I. I.* [Review of:] *Kiurshunova I. A.* The dictionary of non-calendar proper names, nicknames and family names in the North-West Russia of XV–XVII centuries 137

Bookshelf

- Bibliography of A. L. Shilov's works (*A. A. Makarova*) 143
- New books 149

From the history of onomastics

- At the origins of Kazakh onomastics (*G. B. Madieva*) 157

SPEECH ON THE SCIENTIST

- J. A. Karpenko. Ad memoriam 168

- ABBREVIATIONS 171

- ON THE AUTHORS 172

СТАТЬИ

УДК 81'373.21 + 81'286 + 811.221.16

А. Лома

ИЗ ТОПОНИМИИ ДРЕВНЕЙ СКИФИИ — В ПОИСКАХ СТРАНЫ БУДИНОВ*

К л ю ч е в ы е с л о в а: историческая география, топонимика; Скифия, Россия; Геродот; будины, меланхлены, борисфениты.

Древнерусский город *Курьскъ*, впервые упомянутый в 1035 г., получил свое имя, по-видимому, от руч. *Кур*, впадающего в р. Тускарь. Без надежной этимологии этот гидроним подозревается в неславянском происхождении. В самом деле, Курск лежит в области распространения балтийского гидронимического субстрата и юхновской археологической культуры железного века, приписываемой древним балтам, а точнее, предположительно, балтоязычным будинам Геродота. Ввиду этих фактов кажется возможным отождествление Курска с древним Кариском, упоминаемым Аристотелем в качестве населенного пункта в стране будинов. Гласный *-у-* славянской формы можно объяснить переходом *ā* в *ō*, происшедшим в большинстве балтийских диалектов достаточно рано, чтобы отразиться в субстратных гидронимах на русской почве, например *Ужсена* ~ лтш. *Āžupe* «Козлиная река». Следовательно, **Kurbь*, **Kurbьskъ* возводимо к **Kāros*, **Kāriskos* через балт. **Kōr-(as, -iskas)*, учитывая, что вторичный суффикс **-isko-* является общим наследием в балтийских, славянских и германских языках и был присущ континентальному кельтскому. Оставив в стороне этимологию основы **Kār-*, отметим, что предложенная нами топонимическая преемственность находит подтверждение в пересмотре некоторых проблем, касающихся исторической географии Скифии. Уже замечено, что маловероятное продление скифского похода Дария вплоть до Волги

* Работа выполнена в рамках проекта № 148004 «Этимологические исследования по сербскому языку и разработка Этимологического словаря сербского языка», финансируемого Министерством науки Республики Сербии.

© Лома А., 2010

в геродотовском рассказе, по всей вероятности, произошло из-за смешения двух рек, т. е. Днепра (*Varu-*) с Волгой; то же самое следует принять и относительно размещения Геродотом земли будинов между Доном и Волгой, кстати, противоречащего его утверждению, что будины были восточными соседями невра. Если допустить, что они в самом деле жили на территории юхновской культуры, в современных областях Курской, Брянской, Орловской и Черниговской, все как будто складывается само собой: невра в верхнем Приднепровье, отождествляемые с носителями милоградской археологической культуры в южной Белоруссии и восточной Украине; приднепровские скифы (др.-греч. *Borysthenenítai*, др.-иран. **Varu-skula-*, откуда гидроним *Ворскла*) на юге; меланхлены («черноодетые», др.-иран. *Sau-dar-ata-*) на востоке. Будины, живущие около Кариска, в пограничной зоне к меланхленам, отмечались, согласно Аристотелю, разведением черных овец, что, очевидно, находится в связи с черными шерстяными плащами (др.-греч. *chláina*) меланхленов.

В отличие от славянского юга, где на территориях, входивших некогда в состав Римской империи, в ряде мест обнаруживается не только преемственность славянских поселений с древними городскими, но и сохранение их дославянских имен — например, *Pulprudeva* > *Пловдив* в Болгарии, *Scupi* > *Скопје* в Македонии, *Naišsus* > *Ниш* в Сербии, *Салона* > *Солин* в Далмации, *Risinium* > *Рисан* в Черногории и т. д., — субстратная топонимия севернославянского ареала, за малыми исключениями, ограничивается гидронимией. Да и пока единственный случай *Калиша* в южной Польше, возводимого к *Калисии*, которая упоминается Клавдием Птолемеем, теперь ставится под сомнение¹. Подобное положение вещей можно объяснять тем обстоятельством, что, кроме греческих колоний в северном Причерноморье, куда славяне попали довольно поздно, вряд ли можно рассчитывать на существование в доисторическом и древнем периоде настоящих городов в тех частях Европы, где находится прародина славян (или, пожалуй, балто-славян), не говоря уже об исторических изменениях в жизни городов. Однако надо учесть и другую причину — недостаток письменных источников, сопоставимых с теми, которые освещают прошлое стран, лежащих ближе к очагам средиземноморской цивилизации. По меньшей мере, рассказ Геродота о деревянном городе Гелоне в стране будинов и современные раскопки на Бельском городище доказывают, что и в глубинах материка были уже в скифскую эпоху большие, длившиеся столетиями городские агломерации. К вопросу о местоположении Гелона и попыткам отождествить его с Бельским городищем мы еще вернемся, хотя не этот, а другой топоним земли будинов стоит в центре внимания настоящей статьи.

¹ Ввиду отождествления древнего *Laugaricio*, современного Тренчина в западной Словакии, с Левкарисом на карте Птолемея приблизительное совпадение местоположения Калиша с птолемеевскими координатами оказалось мнимым.

Речь идет об отрывке из какого-то потерянного сочинения Аристотеля, сохраненном Клавдием Элианом в трактате «О природе животных» (Claudius Aelianus, *De natura animalium* XVI, 33). В переводе В. В. Латышева [ВДИ, 1948/2, 225] данное место гласит:

Аристотель говорит, что у быков в стране невров рога и уши вырастают из одного и того же места и связаны между собой... Приведем еще и следующее *известие*² сына Никомахова: он говорит, что у будинов, живущих кругом Кариска, не рождаются белые овцы, но что все они черные.

Формулировка «живущих кругом Кариска» (ἐν τοῖς περὶ τὸν Κάρισκον... οἰκοῦσιν) указывает на то, что Кариск был населенным пунктом, достаточно большим и известным, чтобы можно было использовать его в качестве ориентира. В комментарии к переизданию латышевского свода [Там же, прим. 6] Л. А. Ельницкий относительно имени *Кариск* замечает: «Вероятно, следует сопоставить с пунктом *Κάρισκα* (Theophilact., VIII, 8, 7) или *Securisca* (Itin. Ant. 221) в Нижней Месии». На самом деле это сопоставление несостоятельно ни географически, ни филологически. Согласно Геродоту, будины обитали не на правом берегу нижнего Дуная, а в верховьях Дона³. *Κάρισκα* на указанном месте из Феофилакта Симокаты — явно искаженная форма, которую издатели исправляют на *Κοῦρισκα*, как сам Феофилакт обозначает тот же пункт в другом месте своей Истории (VII, 2, 19), а это *Κοῦρισκα*, в свою очередь, является искажением в рукописной передаче или в живой речи VII в. н. э. топонима *Securisca*, отмеченного Итинерарием Антонина [ср.: СДПИС, II, 32, 42, 44, 58, прим. 113]. Ясно, что данная местность к аристотелевскому Кариску не имеет никакого отношения. Но где его искать?

Тридцать лет назад, когда начинали заниматься скифскими и славянскими древностями, мы пришли к предположению, что Кариском мог бы быть современный и уже древнерусский город Курск⁴. Однако несколько соображений заставило нас не выступать тогда с этой гипотезой. Первое касается истории гласных: как соотносить *a* древней формы с корневым *y* славянского имени? Другое — словообразовательной природы: древнерусский топоним *Курьскъ* является вторичным производным от имени речки *Кур*, в устье которой лежит город, и более того, он образован посредством суффикса **-ьскъ*, праславянская древность которого спорна. И наконец, если верить Геродоту (там, где он определенно высказывается), земля будинов лежала гораздо восточнее Курской и прилегающих к ней областей, а значит, далеко от тех территорий, куда большинство ученых помещают прародину славян.

² Курсивом в ВДИ обозначаются дополнения С. П. Кондратьева к переводу В. В. Латышева.

³ Или, по меньшей мере, в среднем Приднепровье, см. ниже.

⁴ Др.-рус. *Курьскъ* (Жит. Феод. Печ., около 1035; Лавр. лет., 1095), *куряни* (Сл. полк. Иг., 1185) и т. д.

Как видно, сначала мы исходили из допущения, что будины были праславянами, и попытались установить прямолинейную связь между формами *Кариск* и *Курск*. С течением времени в результате, скажем, более глубокого проникновения в этническую и палеолингвистическую проблематику доисторического периода дело представилось нам в новом, для сопоставления двух топонимов более надежном свете. Здесь очень важным оказалось свидетельство археологов, согласно которому в железном веке на территории Курской, Брянской, Орловской и Черниговской областей была распространена так называемая юхновская культура. По преобладающему мнению (опирающемуся, между прочим, на лингвистический анализ гидронимии верхнего Поднепровья, проведенный В. Н. Топоровым и О. Н. Трубачевым [1962], обнаружившими там плотный пласт балтийских названий), носители этой культуры были балтоязычны [ср., например: Седов, 1970, 31–32]. Отдельные ученые, например Б. А. Рыбаков [1979, 152 и далее], прямо относят их к геродотовским будинам. Итак, если будины были юхновцами, а те — прабалтами, через балтийский языковой фильтр уже можно попасть от *Кариска* к *Курску*.

Исходя из предпосылки, что в *Kúrisko* *a* было долгим, отсюда могло получиться славянское *Kurьskъ* посредством какого-то идиома, в котором совершался переход $\bar{a} > \bar{o}$, поскольку в раннюю эпоху в славянском долгого \bar{o} не существовало и в иноязычных словах оно воспринималось как свое *ou > ū*. Яркий пример подобного развития представляет собой гидроним **Dunavъ* ‘Дунай’, восходящий через гот. **Dōnawi* к лат. *Dānūvius*. Готское посредство и в данном случае теоретически представимо: в III в. н. э. часть готов, передвигающихся с нижней Вислы к Причерноморью, могла остановиться в Курской области, перенять у юхновцев название местности и позже передать его в измененном виде славянам. Все-таки в отсутствии других археологических или топонимических следов древних германцев на данной территории гораздо более вероятным представляется для славянской словоформы непосредственное заимствование ее от прабалтов.

И.-е. долгое **ā* в прабалтийском сохранялось, но позднее в большей части древнебалтийских диалектов оно перешло в \bar{o} , \bar{u} , и только в латышском не совпало с рефлексамми долгого \bar{o} , ср. лит. *mótė*, др.-прус. помезанское *mothe*, самбийское *mūti*, лтш. *māte* ‘мать’ из и.-е. **mātēr*. Это случилось довольно рано, когда древние балты еще жили на территориях, занятых потом восточными славянами, свидетельством чего является гидронимический субстрат. В топонимии балтийских земель хорошо представлено прабалтийское название козла **āžjas*, лежащее в основе лит. *ožys*, лтш. *āzis*. В верхнем Поднепровье оно отражено с начальным **ā-* в *Ажовка / Ажевка* [Топоров, Трубачев, 1962, 175], но в Калужской области имеется гидроним *Ужена*, который уже Фасмер удачно сопоставил с лтш. *Āžupe* «козлиная река» [Vasmer, 1971, 233, 235, 238]; следовательно, балтийское слово для козла там славяне слышали с \bar{o} -анлаутом. Подобные явления, очевидно, связаны с диалектными различиями внутри древнебалтийского языкового комплекса и с различным временем славизации отдельных территорий. Следует

допустить, что и топоним *Курск* славяне почерпнули из какого-то балтийского \bar{o} -диалекта.

Аристотелевское Κάρισκος представляет собой гапакс, и если оно хорошо передано нам, интерпретировать его можно по-разному, но самой вероятной интерпретацией этого топонима представляется выделение в нем корня (основы) $*kar-$ и суффикса $-isko-$. Некоторые исследователи так же, как Антуан Мейе и ученик его Андре Вайан, оспаривают исконность суффикса $*-isko-$ в балто-славянском и выводят слав. $-ьскъ$ из германского, а лит. $-iškas$ из славянского [Meillet, 1905, 332; Vaillant, 1958, 682, § 319]. Мы не видим для этого никаких оснований. Если данный суффикс и заимствован романскими языками из германского, если даже др.-прус. $-iska-$ из немецкого, это еще не означает, что славянский и литовский языки, в которых он столь продуктивен, не унаследовали его вместе с германским из праиндоевропейского. Суффикс не является исключительной принадлежностью германского, он был присущ и кельтскому, судя по названиям галльских племен скордисков, таврисков и эрависков ($\Sigma\kappa\omicron\rho\delta\acute{\iota}\sigma\kappa\omicron\iota$, *Scordisci*; Ταυρίσκολ , *Taurisci*; *Eravisci*). Эти этнонимы появляются в источниках с III в. до н. э., тогда как Аристотель писал раньше, в предшествующем столетии. Следовательно, если оставить в стороне древнегреческое уменьшительное $-ισκος$, можно говорить об общем кельтско-германско-балтийско-славянском суффиксе $*-isko-$, засвидетельствованном впервые в IV в. до н. э. именно топонимом Κάρισκος , в одной отнюдь не германской, а, по всей вероятности, древнебалтийской этнической среде.

Первоначальной функцией суффикса $-isko-$ считается вторичная топонимическая деривация типа лит. *Kūpiškis* «поселение на реке *Kupa*» [Otrębsky, 1963, 294], ст.-сл. *Иерусалимьскъ*, др.-рус. *Вутебскъ* (от имени реки *Вутьба* > *Вудба*), так что и *Karisko-* прежде всего могло бы быть прилагательным, производим от какого-то гидронима или топонима с основой $*kar-$. Данная звуковая цепочка слишком коротка, при невозможности определения количества гласного a в греческой передаче, чтобы подвергнуть ее надежной этимологической интерпретации. Но если *Karisko-* действительно продолжается в славянском *Курск*, тогда, согласно вышесказанному, в корневом слого древнего названия надо принять долгое \bar{a} , а таким способом выбор возможных этимологий сужается, поскольку фонема \bar{a} в индоевропейских языках довольно редка. Собственно в балтийском можно указать на общебалтийский корень $*k\bar{a}r-$, без явных внутрибалтийских связей и без надежных индоевропейских соответствий [ср.: Fraenkel, 283; Smoczyński, 305], к которому возводятся лтш. *kāre(s) / kāris* «соты», лит. *korj̄s*, род. *kōrio* «то же; сотовая ячейка», *korūs* «дырявый, пористый», *korėti, koryti, koriūoti* «стать дырявым, пористым», возвр. *koriūotis* «выгибаться, таять (о грунте), размораживать»⁵. При этом

⁵ Можно сравнить с.-х. *krávitūi (ce)* «растоплять(ся), таять», рус. диал. *откороветь* «отбухнуть, отомкнуть, оттаять», без надежной этимологии [ср.: ЭССЯ, 11, 116–117], только ударение указывает на прасл. $*korv-$ ($-\bar{a}$), а не $*karv-$ ($-\bar{a}$).

в фокусе нашего исследования не происхождение данной основы — допустимо, что оно добалтийское и даже доиндоевропейское, — а балтийский характер производного *Karisko*- и возможность отражения его в древнерусском *Курьскъ*. Это подразумевало бы, что и гидроним *Кур* (*Кура*) продолжает первичное название **Kār-*, обозначавшее либо сам ручей Кур, либо место впадения его в Тускарь.

Наша гипотеза не имела бы смысла, если бы *Кур*, с вариантом *Кура*, встречающимся в качестве гидронима и в других местах (семь раз в [WBRGN, II, 619], s.v.), поддавался убедительному толкованию на славянской почве, но из обзора предложенных до сих пор интерпретаций можно сделать вывод, что такого нет. Преобладает мнение, что этимология этого имени неизвестна [Никонов, 1966, 222; Нерознак, 1983, 98–99; Смолицкая, 1996, 5, 76; Журавлев, 2007, 145–146]; отождествление его со славянскими апеллятивами *кур* ‘петух’ [Vasmer, 1956 = 1971 (II), 768; Роспонд, 1972, 21–22] или *кур* ‘прах, пыль’ [Роспонд, 1972, как альтернатива предыдущему], со словообразовательной точки зрения довольно странное, считается сегодня малоубедительным [Нерознак, 1983; Журавлев, 2007]; связь с *курья* ‘речной залив’ [Яценко, 1958; он же, 1973; Поспелов, 1998, 232; ср.: СРНГ, 16, 151–152, s. v.] отвергается из-за того, что это слово — северновеликорусское, заимствованное из финно-угорского [Журавлев, 2007; ср.: Матвеев, 2001, 195–196; Аникин, 2000, 334–335]⁶. Притом есть ученые, в частности Нерознак [1983], допускающие балтийское происхождение, кстати без конкретного этимологического уточнения, только с указанием на такие созвучия, как *Корейка* / *Курейка* в верхнем Поднепровье, сопоставляемое В. Н. Топоровым и О. Н. Трубачевым с др.-прус. *Kureyn* / *Koreyn* [Топоров, Трубачев, 1962, 191, 192]⁷. Созвучные производные в топонимии славянских земель вроде рус. *Курск*, владение Новгорода, пол. *Kursko* у Познаня, приведенные Ст. Роспондом в пользу славянской этимологии, также поддаются различным толкованиям; между прочим, в их основе допустим балтийский этноним *куры*, *куруши*, нем. *Kuren*, *kurisch*. Есть и попытка объяснить др.-рус. *Курьскъ* именно из этого этнонима (согласно В. А. Никонову [1966]), но в этом случае следовало бы исходить из его форм без *-s/-š-*, которые в русский и немецкий проникли через финское посредство [ср.: Фасмер, II, 338]. Звуковое совпадение различных по происхождению имен — вещь не редкая. Чтобы ограничиться примерами топонимов на **-bškъ*, ср. рус. *Середская* и серб. *Средска* на северных склонах Шар-планины, предположительно отражающее дославянское имя горы *Scardus* [см.: Лома, 1991, 131–133], пол.

⁶ Источником заимствования является коми *kurja* ‘то же’, вероятно, родственное финскому *kuri* ‘борозда’ [ср.: Фасмер, II, 431]. Согласно В. А. Никонову [1966], с гипотезой о связи имени *Курск* с балт. [sic!] *куру* ‘ущелье, борозда’ выступил уже М. В. Веске [1890].

⁷ По поводу гидронима *Кур* Ст. Роспонд упрекал В. Н. Топорова и О. Н. Трубачева в том, что в их труде «круг ономастических балтизмов понимается иногда слишком широко», хотя соавторы его не упоминают; на указанных Роспондом страницах ими только сопоставляется *Корейка* / *Курейка* с др.-прус. *Kureyn* / *Koreyn*. Ср.: [Журавлев, 2007, 146, прим. 63].

Grodzka (*wieś*) и серб. *Гроцка*, городок у Белграда, имя которого, согласно И. Поповичу, возводимо к латинскому названию пункта близ Сингидунума *Gratiana* [Poročić, 1960, 104]⁸. Таким особым случаем топонима с внутриславянскими созвучиями, но возможными дославянскими корнями является, вероятно, *Курск*.

С историко-географической точки зрения небезынтересно, что Аристотель говорит о том, «что у будинов, живущих кругом Кариска, не рождаются белые овцы, но что все они черные» (ἐν τοῖς περὶ τὸν Κάρισκον Βουδίνοις οἰκοῦσιν οὐ γίνεσθαί φησι πρόβατον λευκόν, ἀλλὰ μέλανα πάντα). Это сведение тем или иным способом должно быть связано с меланхленами (Μελάγχλαινοι), греческое название которых, согласно Геродоту (IV, 106), произошло от того, что все они носили черные одежды; греч. χλαῖνα собственно — шерстяной плащ; мало вероятно, что шерсть для выделки своих плащей меланхлены нарочно окрашивали в черный цвет или что они черную шерсть импортировали; по всей вероятности, у них разводились только черные овцы, как и у будинов в области Кариска, упомянутых Аристотелем⁹. Безусловно, эта область граничила со страной меланхленов. Правда, Курск находится на юго-восточном рубеже юхновского ареала, тогда как из Геродота (IV, 20–21) можно сделать вывод, что меланхлены, помещаемые им где-то между Днестром и Доном, были западными соседями будинов, якобы обитающих по ту сторону среднего Дона¹⁰. Такое местоположение земли будинов противоречит не только склонности современных археологов помещать ее в область распространения юхновской культуры, но и рассказу самого Геродота в главе 105, откуда следует, что будины были восточными соседями невраов,

⁸ Хотя есть основания допустить здесь и нерегулярный на южнославянской почве рефлекс прасл. **gordь* [ср.: Лота, 1991, 113 и далее].

⁹ Интересной этнонимическо-этнографической параллелью к геродотовским меланхленам являются *Каракачаны*, греч. Σαρακατσάνοι и Καραγκούνηδες, серб. *Црногуьци*, *Црновунци* «носящие черные гуни (т. е. шерстяные одеяла)», румыноязычные или грекоязычные этнические группы на Балканах неизвестного (древнегреческого, фракийского, влашского, тюркского?) происхождения, характеризующиеся отгонным скотоводством, черными одеждами из шерсти и выращиванием черных овец (якобы белых барашков закалывали, выращивали только черных). Эта параллель могла бы быть не только типологическая, но и генетическая, особенно если допустить, что меланхлены были фракийским племенем. Но их иранское происхождение более вероятно ввиду сарматского этнонима Σαυδάραται, который убедительно истолкован Фасмером как *saw-dara-ta* «одетые в черное»; речь шла бы о самоназвании древнеиранского племени, которое греки перевели как Μελάγχλαινοι. Возможно, на данной территории древние балты смешивались с иранскими скотоводами, ср. предложенное В. Н. Топоровым и О. Н. Трубачевым толкование гидронима *Тускар(ь) / Тускорь* из иран. **tusk-* ‘пустой’ [Топоров, Трубачев, 1962, 227]; можно исходить и из осет. *tusk'a* ‘кабан’, скиф. Θυσκης имя собственное [ср.: Абаев, 3, 320–321].

¹⁰ «По ту сторону Герра [?] ... живут самые лучшие и многочисленные скифы [т. е. царские] ... часть же их владений простирается до реки Танаиса [т. е. Дона]. Местности, лежащие к северу от царских скифов, занимают меланхлены ... (21) За рекой Танаисом уже не скифская земля; первый из тамошних участков земли принадлежит савроматам ... выше савроматов ... живут будины» (перевод В. В. Латышева) [ВДИ, 1947/2, 262–263].

живших правее от Днепра¹¹. Отец истории очевидно где-то запутался; уже замечено [Schramm, 1973, 113–115; Harmatta, 1990, 129], что путаница произошла из-за смешения Днепра с Волгой. В самом деле, Геродот большую реку, которую в данных контекстах следует отождествлять с Волгой, обозначает именем Ὀαρος, являющимся довольно точной древнегреческой передачей древнеиранского прилагательного *varu-* ‘широкий’¹². Волга в действительности широкая река, но в древности она была известна под другим именем, восходящим к древнеиранскому **Rāha-*¹³, тогда как именем **Varu-* причерноморские иранцы обозначали Днепр; это название отразилось в гуннском *Var* у Иордана и в печенежском *Вароуѡх* у Багрянородного, с расширением, присущим осет. ирон. *vaeræx*, дигор. *urux* ‘широкий’, *Urux* река в Осетии [Vasmer, 1923, 161; Абаев, 1979, 308; 4, 90–91; Schramm, 1973, 99–100], а к нему, по всей вероятности, восходит первый компонент древнегреческого имени Днепра *Вору-σθένης*¹⁴. Приняв Волгу за Днепр, Геродот не только переместил будинов из верхнего Приднепровья в задонские

¹¹«Невры ... поселились вместе с будинами, покинув свою родину» [ВДИ, 1947/2, 278], ср. в гл. 17–18: «Начиная от Торжища борисфенитов ... первыми живут каллипиды ..., а выше их другое племя, которое именуется алазонами ... Выше алазонов живут скифы-пахари ... Выше них живут невры. (18) Эти племена живут по реке Гипанису к западу от Борисфена [= Днепра]» [Там же, 261–262].

¹²«В продолжение своего пути через Скифию и Савроматию персы ... вторглись в землю будинов ... встретили здесь на своем пути деревянное укрепление [= Гелон] ... и сожгли его. После того они продолжали свое наступательное движение по следам скифов, пока не вступили в пустыню, пройдя страну будинов. Над пустыней живут фиссагеты, а из земли их четыре большие реки текут через землю меотов и впадают в озеро, называемое Меотидою; имена их следующие: Лик, Оар [= Волга?], Танаис и Сиргис. (124) Дарий, пришедший в пустыню, приостановил свое наступательное движение и расположился с войском у реки Оара (Hdt. IV, 123–124) [ВДИ, 1947/2, 282].

¹³‘Rā у Птолемея; ср. авест. *Raṣhā* — название мифической реки, др.-инд. *Rasā* — то же, сущ. *rāsa-* m. ‘сок, жидкость’, далее лит. *rasà*, слав. *rosa*, лат. *rōs*, *rōris*. Древнеиранское имя Волги продолжается в мордвинском *Rav(-a, -o)*, а косвенно и в русском *Волга*, от прасл. **vьlga* ‘сырость, влага’, очевидно калькирующем его [ср.: Фасмер, 1, 336–337; Schramm, 1973, 115 и далее].

¹⁴Вторым членом этого названия, очевидно, уподобившегося греческим личным именам типа Διμο-σθένης, являлось бы, согласно наиболее широко принятому толкованию, др.-иран. *stāna* — ‘стояние; стоянка; место’ [Müllenhof, 1866, 574; Vasmer, 1923; Абаев, 1979; и т. д.]. Все-таки, если принять скифское развитие и.-е. **k’ > θ* [Витчак, 1992, 55–57; Лома, 2000, 341], семантически более вероятной кажется связь с авест. *sanaka-* (*sanake Raṣhaya* ‘в пойме [лучше чем: в устье] реки Раха [= Волги?]', см. выше прим. 12), хот.-сак. *san-* ‘подниматься’, согд., парф. *sn-* ‘то же’, др.-инд. *śānaiḥ* ‘постепенно’, следовательно, скиф. **Yuru-* < **Varu-ḍana-* или **Varauš* (род.) *ḍana-* ‘пойма реки Вару = Днепра’ как обозначение нижней части течения реки, где и находился «город борисфенитов» — греческая колония Ольвия. Возможно даже, что др.-греч. Τάναϊς ‘река Дон; город в его устье’ отражает не др.-иран. **dānu-* ‘река’ (откуда слав. *Дон*, др.-рус. род. *Дону*), как это обыкновенно предполагается, а древнеиранский местный падеж **ḍanai* ‘(город) в пойме (Дона)’. Переход **θ > t-* в данном имени мог совершиться в сарматских устах, поскольку Дон во времена Геродота являлся границей между скифами и сарматами, а в осетинском (и уже в сарматском) др.-иран. **θ* перешло в *t*.

земли, но и скифский поход Дария вопреки всякой вероятности протянул на восток вплоть до Поволжья. Итак, если причислить геродотовскую Задонщину к списку заблуждений отца истории, оставшиеся кусочки складываются в гармоничную картину: будины помещаются там же, где и юхновцы, между неврами на западе, соотносимыми с милоградской археологической культурой в южной Белоруссии и северной Украине [ср.: Седов, 1970, 34 и далее; Рыбаков, 1979, 145–148], и меланхленами на востоке, в Воронежской области, а ареал черных овец в юго-восточной части земли будинов около Кариска — предположительно, Курска — соприкасается с ареалом «черных платьев», расположенным между верхним Поднепровьем и средним Доном.

Если Курск действительно древний Кариск, это по-новому объясняет и проблему местонахождения другого города в стране будинов, Гелона, описываемого Геродотом (IV, 108). Юхновская культура распространялась, кроме Курской, и в современных Брянской, Орловской и Черниговской областях; городище на реке Ворскле у села Бельск Полтавской области, отождествляемое частью археологов с Гелоном, лежит гораздо южнее; кроме того, гидроним *Ворскла*, др.-рус. *Върьскла*, *Ворскола*, *Ворскль* возводим к праформе **Vorъskъl-* / *Въръskъl-*, отражающей скифское племенное название **Varu-skula-*, дословно «днепро-скифы», словосложение, где первым компонентом является вышеупомянутое др.-иран. прилаг. **varu-* ‘широкий’ (возможно, с перегласовкой **vuru-*, как в *Ворυσθένης*) в качестве скифского имени Днепра, а другим — самоназвание скифов **skula-*, передаваемое Геродотом как *Σκόλο-τοι* = **skula-ta*, восходящее к более древнему **skuda-*, откуда др.-греч. *Σκόθα*, ассир. *Ašguzzai* [Szemerényi, 1980; Loma, 2000, 343; ср.: Schmitt, 2003, 20–21; Maqrhofer, 2006, 16]. Этот этноним, пожалуй, был распознан в составе имени *Ворскла* уже Б. А. Рыбаковым, который, между тем, предлагал иную интерпретацию его первой части, вряд ли более убедительную, чем прежние этимологии данного гидронима¹⁵. Принятое нами толкование опирается на тот факт, что уроженцев днепровского левобережья, «скифов-земледельцев» (греч. οἰγεωροὶ Σκόθα), ольвийские греки называли «приднепровцами» (*Ворυσθενεῖται Σκόθα*). Если мы правы, это греческое название представляет собой, как в случае меланхленов-савдаратов, перевод древнеиранского, реконструируемого нами как **Varu-skula-* «приднепровские скифы». Следовательно, Бельское городище приходится связывать с борисфенитами или скифами-земледельцами, которые были южными соседями будинов, если землю последних отождествлять с областью распространения юхновской культуры. Тем самым Гелон следует искать не на Ворскле, а севернее. Из гидронимов, на которые указывалось как на возможные отражения топонима *Γελωνός* [Стрижак, 1988, 103–109], два находятся вне границ юхновского ареала (летописная *Желянь* не-

¹⁵*Ворьсколь* «пограничное укрепление скотов»; в первой части — слав. *ворь* ‘забор, бревенчатое укрепление’ (!?) [Рыбаков, 1979, 218 (прим. 30); ср. Фасмер, 1, 356].

далеко от Киева, *Желонь* в бассейне Припяти), а два — внутри него, оба в бассейне Десны; из них *Желень* / *Жилень*, приток Сейма, течет по Курской области, а *Желонка*, укр. *Жолонка*, приток Снопоти, находится на Брянщине, т. е. на противоположном от Курска, северо-западном крае предположительной страны будинов. Для Гелона надо предпочесть последнее местоположение, исходя из отождествления Кариска с Курском и ввиду географической логики, предполагающей, что если в стране существовали два больших городских центра, вряд ли оба были расположены в одной и той же ее части, недалеко друг от друга. В этимологию основы *Gelōnō-* здесь пускаться не будем, хотя и есть у нее балтийские созвучия¹⁶. Кстати, подлинность переданной Геродотом словоформы в двух отношениях неизвестна. Она могла видоизмениться в рукописной передаче под влиянием греческого имени собственного Γέλων, но и до того, за счет посредствующего скифского языка, для которого был характерен переход $d > \delta > l$, так что надо учесть и исконное **Ged-*, перенятое славянами как **Жед-*. Кроме подлинной формы, есть и другая неизвестность, связанная с названием Γελωνός, а именно — относилось ли оно изначально, в качестве топонима, к городу, или, в качестве этнонима, к его тезоименным жителям (Γελωνοί). Геродот уточняет, что у эллинов будины неправильно называются гелонами; согласно ему, гелоны, т. е. жители города Гелона, — греческого происхождения, культурно и расово отличные от окружающих их будинов (Hdt. IV, 108–109). Те эллины, которых он обвиняет в неправильном, обобщающем употреблении имени *гелоны*, очевидно, причерноморские греки, поскольку в их версии легенды о происхождении скифов, приводимой самим Геродотом (IV, 8–10), Гелон фигурирует наряду со Скифом и Агафирсом как родоначальник-эпоним целого народа (т. е. тех, кого Геродот называет будинами), а не только греческого анклава в их стране, которому одному, по его утверждению, подходит имя *гелоны*. Следовательно, сведения о будинах, включая и само название Βουδῖνοι, Геродот черпал из какого-то другого источника, негреческого и, по всей вероятности, скифского. Возможная причина двуименности будинов-гелонов состоит в том, что греки обозначали их именем Γελωνοί, предположительно восходящим к самоназванию, тогда как у скифов для гелонов было свое, древнеиранское название, передаваемое Геродотом как Βουδῖνοι. В скифском языке геродотового времени зубной свистящий δ не отражает древнеиранское **d*, которое в нем уже перешло в *l* (ср. Σκόλοτοι, Παράλαται = *paradata-*), а, как в древнеперсидском, и.-е. звонкий палатальный **ǵ(h)*, т. е. соответствует авестийскому и мидийскому *z* [Витчак, там же; Лома, 2000, 342]. Ввиду этого можно сравнивать скиф. **Būdīna-* «будины» с авест. *būza-* «козел», мидийскими антропонимами в эламской передаче *Būza-*, *Būzina-*. «Козлы» — насмешливое прозвище, мотивированное, скорее всего,

¹⁶Ср. др.-прус. Nom. pr. *Gelune* и т. п. [Топоров, 1979, 198, s. v. **gel-*].

культовыми обычаями гелонов, якобы совершавших через каждые два года празднества с оргиями в честь Диониса, греческого божества, представляемого в виде козла¹⁷. Скифы ощущали особое отвращение к оргиастическому культу Диониса, ярким свидетельством чего является геродотовский рассказ о царе Скилле (IV, 78–80), которого свои казнили из-за заимствования эллинских обычаев, в частности совершения вакханалии¹⁸. Существование чуждых обрядов, похожих на дионисийские, у их северных соседей, вроде почитания козла, которое засвидетельствовано у древних прусов и, вероятно, связано с культом бога плодородия Пушкайтса [Топоров, 1974, 20–22], могло дать повод скифам сложить версию о греческих переселенцах в глубине материка.

Нельзя сказать, что наш поиск страны будинов привел к однозначным выводам; наши топонимические и источниковедческие наблюдения в большой мере гипотетичны. Неоспоримо доказать, что Курск — аристотелевский Кариск и тем самым город с древнейшей родословной в северо-восточной Европе, мы не в состоянии. Здесь, пожалуй, невозможно ожидать счастливую находку, подобную той, когда выдающийся археолог Драгослав Срелвич (Срејовић), исследовавший руины римского дворца в северо-восточной Сербии и уже выступивший с предположением, что это была древняя Ромулиана, обнаружил там архивольт с надписью *Felix Romuliana*. Тем не менее, учитывая совокупность взаимосвязанных фактов, кажется, что выдвинутое нами отождествление приобретает некоторую степень вероятности.

Последнее слово будет за археологами. Ничего похожего на описанный Геродотом город Гелон пока не обнаружено на территории племен юхновской культуры. Вопреки возможным преувеличениям и фантастическим добавлениям в этом описании, Гелон, а вероятно, и знакомый Аристотелю Кариск, должны были быть городскими центрами гораздо большими, чем раскопанные до сих пор юхновские городища.

Абаев В. И. Историко-этимологический словарь осетинского языка. Т. I–V. М.; Л., 1958–1995.

Абаев В. И. Скифо-сарматские наречия // Основы иранского языкознания. Древнеиранские языки. М., 1979. С. 272–346.

Аникин А. Е. Этимологический словарь русских диалектов Сибири. Заимствования из уральских, алтайских и палеоазиатских языков. 2-е изд., испр. и доп. М.; Новосибирск, 2000.

¹⁷Ср.: «Там [в Гелоне] есть святилища эллинских богов, по-эллиниски снабженные кумирами, жертвенниками и деревянными храмами, и в честь Диониса они через каждые два года совершают празднества с оргиями» (Hdt. IV, 108; перевод В. В. Латышева [ВДИ, 1947/2, 278]).

¹⁸«Скифы осуждают эллинов за их вакхические празднества, говоря, что не подобает выдумывать такого бога, который приводит людей в исступление» [Там же, 273]. Подробнее см.: [Лома, 1997, 160–162].

- ВДИ — Вестник древней истории. М.; Л., 1948/2.
- Веске М. В. Славяно-финские культурные отношения по данным языка // Изв. общ-ва археологии, истории и этнографии при Казан. ун-те. Т. 8. Вып. 1. Казань, 1890.
- Витчак К. Т. Скифский язык: опыт описания // Вопр. языкозн. 1992. № 5. С. 50–59.
- Журавлев А. Ф. Российская городская геральдика и наивная этимология // Словенска етимологија данас: 36. симпозијума. Београд, 2007. С. 133–153.
- Лома А. “Дрвоједи” // Кодови словенских култура. 2. Београд, 1997. С. 153–162.
- Матвеев А. К. Субстратная топонимия Русского Севера. I. Екатеринбург, 2001.
- Нерознак В. П. Названия древнерусских городов. М., 1983.
- Никонов В. А. Краткий топонимический словарь. М., 1966.
- Поспелов Е. М. Географические названия мира. Топонимический словарь. М., 1998.
- Роспнд Ст. Структура и стратиграфия древнерусских топонимов // Восточно-славянская ономастика. М., 1972. С. 9–89.
- Рыбаков Б. А. Геродотова Скифия. М., 1979.
- СДПИС — Свод древнейших письменных известий о славянах. Т. II. М., 1995.
- Седов В. В. Славяне Верхнего Поднепровья и Подвинья. М., 1970.
- Смолицкая Г. П. Топонимический словарь Центральной России // Рус. речь. 1994–2001.
- СРНГ — Словарь русских народных говоров. М.; Л.–СПб., 1965—... . Т. I—... .
- Стрижак О. С. Етнонімія Геродотової Скифії. Київ, 1988.
- Топоров В. Н. Об индоевропейских соответствиях одному балтийскому мифологическому имени. Балт. *Puš(k)ait-*: др.-инд. *Pūśán*, др.-греч. *Πύς* // Балто-славянские исследования. (1) М., 1974. С. 3–36.
- Топоров В. Н. Прусский язык: Словарь. Е—Н. М., 1979.
- Топоров В. Н., Трубочев О. Н. Лингвистический анализ гидронимов верхнего Поднепровья. М., 1962.
- Фасмер М. Этимологический словарь русского языка / Пер. и доп. О. Н. Трубочева. М., 1986–1987.
- Яценко А. И. Топография Курской области. Курск, 1958.
- Яценко А. И. Курск. К 1000-летию основания // Рус. речь. 1973. № 7/3. С. 134–135. (Цит. по: Zpravodaj Místopisné komise ČSAV. XV. 1974/1. Praha, 1974, S. 144).
- Fraenkel E. Litauisches etymologisches Wörterbuch. I–II. Göttingen, 1962–1965.
- Harmatta J. Herodotus, Historian of the Cimmerians and the Scythians // Hérodote et les peuples non Grecs Vandœuvres; Genève, 1990. (Entretiens sur l’antiquité classique. XXXV). P. 115–130.
- Loma A. Vorskavisches Substrat in der Toponymie Serbiens // Die Welt der Slaven. XXXVI. München, 1991. S. 99–139.
- Loma A. Skythische Lehnwörter im Slavischen. Versuch einer Problemstellung // Studia etymologica Brunensia. 1. Praha, 2000. S. 333–350.
- Mayrhofer M. Einiges zu den Skythen, ihrer Sprache, ihrem Nachleben (= Österreichische Akademie der Wissenschaften, Philosophisch-historische Klasse, Sitzungsberichte. Bd. 742; Veröffentlichungen zur Iranistik Nr. 36). Wien, 2006.
- Meillet A. Études sur l’étymologie et le vocabulaire du vieux slave. 2. Paris, 1905.
- Müllenhof K. Über die herkunft und sprache der pontischen Scythen und Sarmaten // Monatsbericht der Königlich Preussischen Akademie der Wissenschaften zu Berlin. 1866. August. S. 549–576.
- Otrębsky J. Gramatyka języka litewskiego. T. II // Nauka o budowie wyrazów. Warszawa, 1963.
- Popović I. Bemerkungen über die vorskavischen Ortsnamen in Serbien // Zeitschrift für slavische Philologie. 28. Leipzig; Heidelberg, 1960. S. 101–114.
- Schmitt R. Die skythischen Personennamen bei Herodot // Annali, Università degli studi di Napoli “L’Orientale”. 2003/63. S. 1–31.
- Schramm G. Norpontische Ströme. Namenphilologische Zugänge zur Frühzeit des europäischen Ostens. Göttingen, 1973.

- Smoczyński W.* Słownik etymologiczny języka litewskiego. Wilno, 2007.
- Szemerényi O.* Four Old Iranian ethnic names: Scythian — Skudra — Sogdian — Saka. Wien, 1980. (Перепечатано в: *Szemerényi O.* Scripta minora. IV. Innsbruck, 1991. P. 2051–2093).
- Vaillant A.* Grammaire comparée des langues slaves. II/2. Paris, 1958.
- Vasmer M.* Untersuchungen über die ältesten Wohnsitze der Slaven. I // Die Iranier in Südrußland (Veröffentlichungen des baltischen und slavischen Instituts an der Universität Leipzig. 3). Leipzig, 1923. (Цит. по: [Vasmer, 1971 (I), 107–170]).
- Vasmer M.* The Meaning of Russian River Names // Oxford Slavonic Papers. 1956/6. P. 44–55. (Цит. по: [Vasmer, 1971 (II), 765–775]).
- Vasmer M.* Schriften zur slavischen Altertumskunde und Namenkunde. I–II. Wiesbaden, 1971.
- WBRGN — Wörterbuch der russischen Gewässernamen / Zsgest. von A. Kernd'l, R. Rihhardt u. W. Eisold, unter Leitung von M. Vasmer. Bd. II. Berlin; Wiesbaden, 1963.

К ПРОБЛЕМЕ ПРОИСХОЖДЕНИЯ НАЗВАНИЙ С ФОРМАНТАМИ *-ngV/-nъgV* В ТОПОНИМИИ КАРЕЛИИ

Ключевые слова: финно-угорские языки, карельский язык, топонимия, этимология.

В статье рассматриваются географические названия Республики Карелия, содержащие формант *-ngV/-nъgV*. Автор детально анализирует ареальные, фонетические и структурные особенности карельских топонимов этого типа, отмечает их соотнесенность с аналогичными названиями Финляндии, Кольского полуострова и Русского Севера. Характеризуя карельские топонимы на *-ngV/-nъgV* в этимологическом и этноязыковом отношениях, автор учитывает различные возможности, однако убедительно показывает, что на определенном историческом этапе формант *-nkV/-ngV* получил в карельском языке статус самостоятельного и достаточно продуктивного средства топонимической номинации.

В топонимии Карелии выделяется целая группа названий, главным образом гидронимов, которые содержат формант *-ngV/-n(ъ)gV*. Этот топонимический аффикс известен и за пределами Карелии — в собственно прибалтийско-финской топонимии и в русскоязычной топонимии Русского Севера.

Изучение форманта началось в середине XIX в., когда российский академик И. А. Шегрен впервые попытался проанализировать ряд названий на *-ngV/-nъgV* [Sjögren, 1861, 301]. После него к вопросу об истоках форманта обращались мно-

гие исследователи Финляндии и России: М. А. Кастрен, Д. Европеус, В. Ниссиля, Э. Кивиниеми, А. Ряйсянен, А. К. Матвеев, Б. А. Серебренников, И. И. Муллонен и др.¹ Однако топонимы Карелии с формантом *-ngV/-nhgV* оставались до сих пор вне поля исследований.

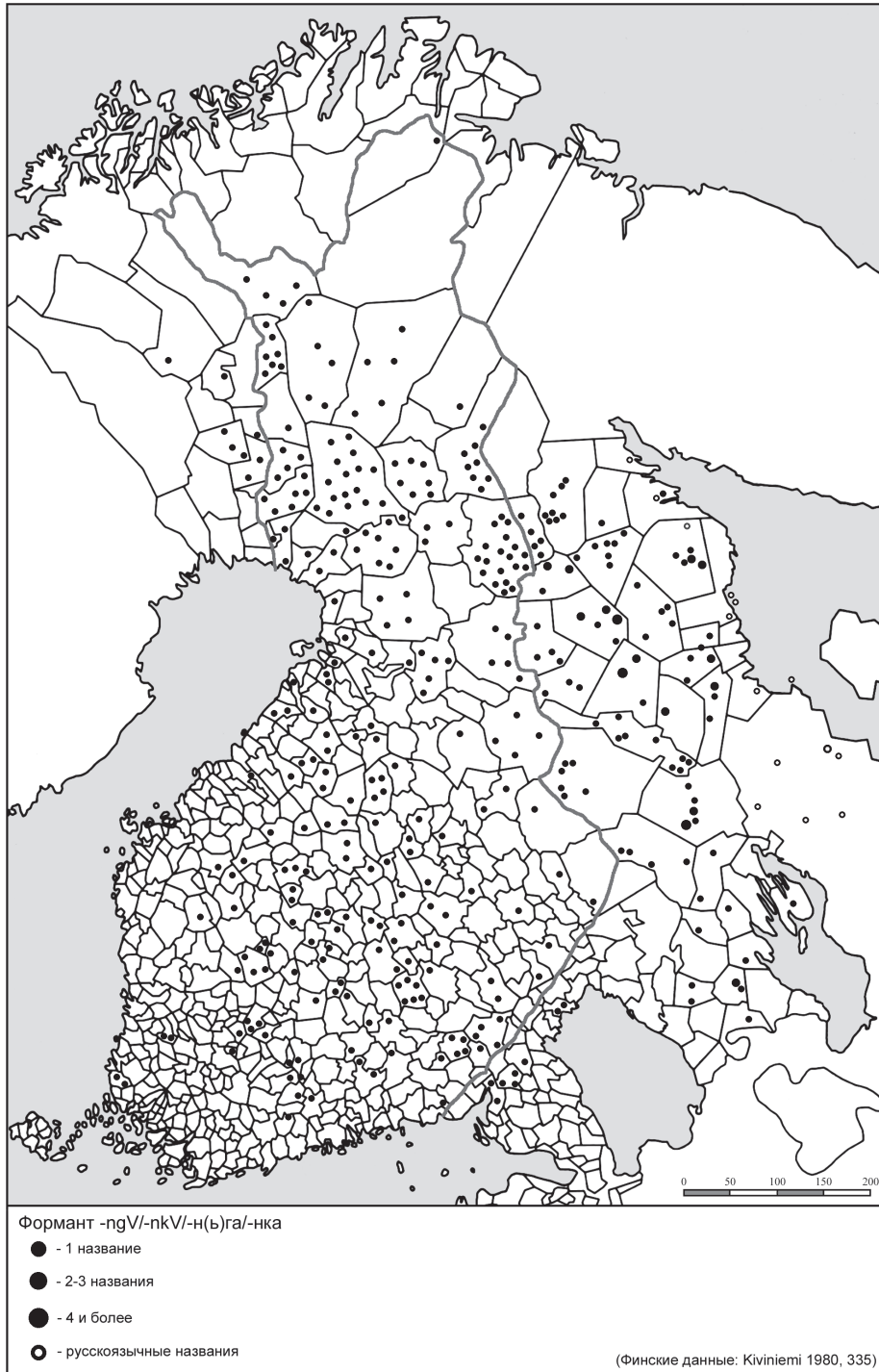
В топонимии, как известно, нередко закрепляются суффиксы, которые малопродуктивны в апеллятивном словообразовании, что обусловлено общей тенденцией разграничения апеллятивных и онимических суффиксов. Поэтому анализ топоформанта *-nkV/-ngV* должен быть предварен рядом замечаний о его функционировании в апеллятивной лексике.

На основе словарей карельского языка [KKS; СКЯ, 1990, 1994] нам удалось выявить 60 лексем, включающих формант *-nkV/-ngV*. С учетом диалектного членения карельского языка мы представили данные о продуктивности форманта в таблице; см. также карту на с. 20.

Диалекты карельского языка	Кол-во слов с формантом <i>-nkV/-ngV</i>	
	Всего	Только в данном диалекте
Севернокарельские	17	5
Южнокарельские	41	22
Южнокарельские диалекты Тверской и Ленинградской областей	2	—
Ливвиковские	24	10
Людиковские	6	1

Из данных таблицы видно, что на апеллятивном уровне рассматриваемый суффикс представлен во всех наречиях карельского языка, однако его активность в разных диалектах различна. В корпусе апеллятивов с суффиксом *-nkV/-ngV* отмечено только три слова, которые известны на всей территории Карелии: *alanko* ‘низина’, *karanko* ‘сухостойное дерево’ и *vahinko* ‘убыток, несчастье’, — при этом два последних слова представлены и в лексике карел, проживающих в Тверской и Ленинградской областях. Апеллятивы на *-nkV/-ngV* фиксируются также в вепском языковом ареале: ср. вепс. *alang* ‘низина’, *karangišt* ‘ельник с большим количеством сухостойных деревьев’, *sohring* ‘болотина’, *tazangišt* ‘равнина’, *uhring*, *urting* ‘родник, топкое вязкое место в лесу’ [ПФГЛ]. Большинство

¹ А. К. Матвеев выделяет три основные версии происхождения форманта, сложившиеся за всю историю его изучения: по определению исследователя, это «детерминантная» (терминологическая), «аффиксальная» (суффиксальная) и «генитивная» версии [подробнее см.: Матвеев, 2007, 8–12].

слов с суффиксом *-nkV/-ngV* фиксируется в южнокарельских диалектах собственно карельского наречия (главным образом в говорах Средней Карелии: Паданская и Ругозерская волости), а также в финляндской Северной Карелии.

В качестве географических терминов с конечным *-nkV/-ngV* на территории Карелии используется только 8 слов: *ahingo* ‘узкий перешеек между озером и болотом’, *alanko* ‘низина’, *burango* ‘топкое место на болоте’, *čauringo* ‘галечник, почва с гравием’, *rauningo* ‘груда камней’, *suotingo* ‘болотце’, *tazango* ‘равнина’, *ylängö* ‘возвышенность’. К этой группе, вероятно, можно отнести еще два слова, которые засвидетельствованы в топонимии, но неизвестны в качестве апеллятивов: **ypänki* ‘возвышенное место’ и **kudrinki* ‘углубление в водоеме’.

По всей видимости, непродуктивной была модель на *-nkV* и в апеллятивной географической лексике Финляндии. В частности, в исследовании Э. Кивиниеми, включающем более 200 финских географических терминов, интересующий нас суффикс фиксируется только в 7 словах: *alanko* (*alinko*), *alunki*, *kuorinki*, *ojanko*, *raivinki*, *ryöpinkö* и *ylänkö* [Kiviniemi, 1990, 64—79]. Разумеется, необходимо учитывать, что часть апеллятивов на *-nkV/-ngV* — как в Финляндии, так и в Карелии — могла не попасть в поле зрения исследователей, т. е. в действительности таких апеллятивов может быть больше. Так, Л. Хакулинен упоминает в одной из работ географические термины *kujanki* ‘неширокая дорога’, *oilinka* ‘прямой участок дороги’ и *peranko* ‘поляна, расчищенная под пашню’ [Hakulinen, 1968, 113, 142, 174], которые Э. Кивиниеми не рассматривались.

В отличие от Финляндии, где многие названия с формантом *-nkV/-ngV* обозначают достаточно крупные и важные водные объекты [см.: Kiviniemi, 1980, 334—335], в Карелии топонимы этого типа чаще всего относятся к средним или некрупным географическим объектам, которые, как правило, неизвестны за пределами местной сельской общины. Выше уже отмечалось, что в ареале современного и исторического расселения карел формант *-nkV/-ngV* представлен главным образом в гидронимии, в большинстве случаев — в лимнонимах, т. е. названиях озер. Кроме того, суффикс встречается в наименованиях рек, ручьев, порогов, островов, мысов, заливов, болот, возвышенностей и сельскохозяйственных угодий.

Всего на территории Карелии нам удалось зафиксировать 133 топонимических гнезда с рассматриваемым суффиксом, причем большинство из них (120) отмечено в карелоязычной топонимии (ср. гнездо *Hemmenki-* в топонимии Луусалми: *Hemmenkiniemi*, *Hemmenkijoki*, *Hemmenkisuari*, *Hemmenkisuot*, *Hemmenkivuara*). Из названного количества 77 основ с топоформантом *-nkV/-ngV* могут считаться раритетными, поскольку отмечены только единожды, 53 других имеют варианты и большей частью представлены двумя фиксациями, и лишь у пяти основ имеется 3—4 фиксации: *Eningi-* / *Enängi-* (3), *Kuuzingi-* / *Kuusinki-* (4), *Munangi-* / *Munanki-* (3), *Vezungi-* / *Vesunki-* (4), *Ypängi-* / *Ypänki-* (3).

Стоит отметить, что основы на *-nkV/-ngV*, засвидетельствованные в Карелии, в большинстве случаев являются раритетными и на общем прибалтийско-

финском фоне. Так, из 220 основ на *-nkV/-ngV*, отмечаемых А. Ряйсяненем в финской топонимии [Räisänen, 2003, 5–6], параллели с карельскими названиями имеют только 10: *Juomunki-* / *Juomingilammit* (Юшкозеро), *Kujanki-* / *Kujanginiemi* (Лужма), *Kuusinki-* / *Kuuzingijärvi* (Кимасозеро), *Liminga-* / *Limingansuo* (Лежево), *Oulanka-* / *Oulungajogi* (Маслозеро), *Pienanki-* / *Pieninkiluoma* (Кимасярви), *Sieminki-* / *Sieminginoja* (Кизрека), *Vesanka-* / *Vezungilaksi* (Шуезеро), *Viianki-* / *Vijjanki(järvi)* (Ухта), *Vitsanki-* / *Vicangivuara* (Березовый Наволок).

Ряд параллелей к карельским названиям фиксируется также на Кольском полуострове, в Архангельской и Вологодской областях: ср. поле *Varзанга* (Нюхча) — р. *Varзеньга* (Арх.); р. и оз. *Voingi* (Воинга) — р. *Воинга* (Кольск.); р. *Enängijogi* (Конечостров) — р. *Енанга* (Влг.); оз. *Kalmungi* (Сельги) — р. *Калманьга* (Арх.); оз. *Kuollungijärvi* (Тикша) — р. *Коленьга* (Арх.); д. *Kormanka* — р. *Корманга* (Влг.); р. *Korrankijoki* (Костомукша) — р. *Корбанка* (Влг.); р. *Kuuzengijogi* (Березовый Наволок) — р. *Кузеньга* (Влг.); руч. *Kurtangioja* (Юшкозеро) — р. *Курденьга*; поле *Куртанга* (Влг.); оз. *Lemengijärvi* (Вычетайбола) — р. *Леменьга* (Арх.); озера *Puulonkijärvet* (Пулоньга) — д. *Пулонга* (Кольск.); оз. *Suksingo* (Евгора) — р. *Суксонга* (Арх.); оз. *Suulanki* (Миккола) — р. *Сулонга* (Влг.); д. *Tаваньга* — р. *Тавеньга* (Влг.); руч. *Ulango-oja* (Пелдожа) — р. *Уленьга* (Арх.); о-в *Чаванка* (Нюхча) — рчк *Чаваньга* (Кольск.); пор. *Juimingivirda* (Гагарино) — р. *Юменьга* (Арх.)². Вопрос о единых истоках подобных параллельных названий остается пока открытым.

Как и в апеллятивной лексике, в топонимии Карелии представлены различные варианты конечной огласовки рассматриваемого суффикса. В большинстве названий (около 70 %) представлен конечный гласный *-i*: руч. *Cieringioja* (Корелакша), озера *Kylmengijärvet* (Сельги), о-в *Юзминги* (Поньгома) и др. Чуть более 20 % названий имеют в суффиксе конечный гласный *-a*: возв. *Gull'unganvuara* (Лубасалма), р. *Oulankajoki* (Оланга), поле *Varзанга* (Нюхча) и др. На порядок (7,5 %) им уступает вариант суффикса с финальным *-o*: залив *Ruamingo* (Хлевनावолок), руч. *Lozungo-oja* (Кузнаволок), озера *Kuuksinkolammit* (Лохгуба). При этом последние два варианта суффикса фиксируются главным образом на окраинах его ареала, тогда как в центре ареала представлены исключительно названия с конечным *-ngi/-nki*.

По всей вероятности, эта вариативность конечного гласного не несет какой-либо этноисторической нагрузки. В разных зонах ареала и даже в одной микрозоне отмечаются одинаковые основы с разной конечной огласовкой форманта, ср.: озера *Eningolambi* (вариант *Eningi-*) в Шалговааре и *Eningijärvi* в Сельгах, озера *Šapšangajärvi* в Сельгах и *Šapšangojärvi* в Лубосалме, *Punangojärvet* в Гагарино и *Punankilampi* в Хайколя, р. *Pieningäjogi* в Тужне и озеро *Pieninkiluoma* (Кимасярви); ср. также варианты названия оз. *Suksingo* и *Suksingi* в Сельгах,

² Названия, относящиеся к территории Архангельской и Вологодской областей, приводятся по работе А. К. Матвеева [2007, 55–164].

залива *Urpangilaksi* и мыса *Urpenganiemi* в районе Барышнаволока, оз. *Maininkajärvi* и *Maininkijärvi* в окрестностях Аккалы.

Не наблюдается также устойчивости гласных во втором безударном слогe топонимов с формантом *-nkV/-ngV*, ср.: *Enäangi- / Eningi-*, *Gul'l'ungo- / Kul'l'ango-*, *Hemmenki- / Hemmunki-*, *Kuusinki- / Kuusenki- / Kuuzangi-*, *Levengi- / Levingi-*, *Oulanka- / Oulunka-*, *Pirtanki- / Pirtonki-*, *Punango- / Punengo-*, *Urpangi- / Urpengi-*, *Vuavungi- / Vuavangi- / Vuavengi-*. Возможно, в некоторых случаях это связано с разными истоками основ, закрепившихся в названиях.

Говоря о происхождении рассматриваемой топонимической модели на территории Финляндии, Э. Кивиниеми предполагает, что ее корни уходят в доисторическое время. На это указывают, по мнению исследователя, как этимологическая неясность наименований на *-nkV/-ngV*, так и достаточно значительные размеры многих соответствующих им географических объектов. Э. Кивиниеми предполагает также, что часть этимологически неясных названий данного типа появилась в языке саамского населения, которое когда-то проживало на территории Средней Финляндии. Затемненность топооснов исследователь объясняет, с одной стороны, возможной утратой современными саамскими языками соответствующих апеллятивов, с другой — адаптацией саамских названий языком новопоселенцев, что сильно изменило первоначальный облик саамских топонимов. Сам же топоформант *-nkV/-ngV*, по мнению Э. Кивиниеми, может восходить к прасаамскому деминутивному суффиксу *-ńdže* (*-ńče); таким образом, этот топонимический тип в Финляндии может являться параллельным прибалтийско-финскому гидронимному типу на *-nen*. В то же время исследователь предполагает, что в Финляндии целый ряд названий мог образоваться благодаря продуктивному на определенном этапе истории топонимическому суффиксу *-nkV/-ngV*, который первоначально использовался прибалтийскими финнами для адаптации к своей топонимической системе иноязычных названий [Kiviniemi, 1980, 335–337].

Возможным подтверждением происхождения топоформанта *-nkV/-ngV* из прасаамского *-ńdže* (*-ńče) могут служить зафиксированные в северных частях Беломорской Карелии географические названия, в которых параллельно выступают оба форманта, ср.: о-в *Uarinkisuari* и берег *Uarinciranta* в северной части Пяозера в окрестностях Костоваары; р. *Rievinki* в Тихтозерозерской волости и залив оз. Топозера с названием *Rievenci* близ деревни Лохгуба. Как известно, в северных частях современной Карелии саамы проживали вплоть до начала — середины XVIII в. [Чернякова, 1998, 63; Pöllä, 1995, 184; 2001, 94–98]. При этом саамское население данных территорий перешло на карельский язык естественным путем через этап билингвизма, что было хорошей предпосылкой для сохранения как старой саамской топонимии в целом, так и ее отдельных элементов, представленных здесь в саамский период. Кроме уже отмеченных топонимов на *-ncV*, названия с этим формантом фиксируются на территории современной

Карелии еще в ряде случаев, ср.: оз. *Imancarvi* > **Imancijärvi* / *Imancajärvi* (Янгозеро), оз. *Korancajärvi* (Лайдасалма, Сенное озеро), возв. *Korkancivuara* (Коштоваара), о-в *Kotancisuari* (Зашеек), руч. *Livoncinoja* (Крошнозеро), о-в *Lotencansuari* (Вычетайбола), оз. и возв. *Pizancavuara* (Паданы), мыс *Povencaniemi* (Валасрека), нп *Povenca* (Повенец), о-в *Rovancisuari* (Соколозеро), р. и оз. *Tulincijoki, -järvi* (Боярская), оз. *Uomancinjärvi*, вариант *Uamancarvi* (Ругозеро), оз. *Uvancarvi* > **Uvanci-* / *Uvancajärvi* (Ругозеро), р. *Voivonci*, вариант *Voijonci* (Каличий Остров); ср. также название нп *Ilmanci* и оз. *Ilmancinjärvi* (фин. *Ilomantsi*) (Финляндия).

Предварительный анализ топооснов, оформленных суффиксом *-nkV/-ngV*, показал, что на территории Карелии их языковые истоки могут быть различными. По возможностям интерпретации топонимы данного типа можно разделить на четыре основные группы. Первая и самая большая из них — названия с этимологически неясными топоосновами: их этимологизация не позволяет пока делать определенные выводы о языке-источнике. Вторая группа — топонимы, имеющие с большой долей вероятности саамские корни. К этой группе можно отнести следующие географические названия:

оз. *Colmanki*, о-в *Colmankisuari* (Хайколя), о-в *Jolmanginsuari* (Ёлманга) < саам. *čoał'bme, čuèlm* ‘пролив’;

р. *Enängijogi* (Ровкула), озера *Eningijärvi* (Сельги) и *Eningolambi* (Шалговаара) < саам. *adne* ‘большой’ [Муллонен, 2002, 273];

р. *Kiestinkijoki* и озера *Kiestinkilammit* (Кестеньга) < саам. *kiesta* ‘заводь, встречное течение’ или саам. *giessat* ‘огибать, обходить’ [Räisänen, 2003, 151];

озера *Kuolingi* (Сельги), *Kuollungijärvi* (Чикша) < саам. *kuoll(e)* ‘рыба, рыбный’;

руч. *Kurtangioja* (Юшкозеро) < саам. *gurtte, kurtte* ‘мясо с шеи дикого оленя’ [Itkonen, 1920, 8];

р. *Lu(u)zingijogi* и оз. *Lu(u)zingi* (Емельяновка) < саам. *luos* ‘лосось’;

озера *šapsangajärvi* (Сельги) и *šapsangojärvi* (Лубасалма) < саам. *šaps* ‘сиг’ [NA];

о-в *Uarinkisuari* (рус. *Заячий*) (Костовара) < саам. *aarrí* ‘разновидность чаек серого цвета’ [Räisänen, 2003, 150];

озеро *Kuusinkijärvi*, вариант *Kuusenki-*, рус. *Кувжденьга* (Тумчезеро), р. *Кувженьга* (Ковда) < саам. *guvžá* ‘таймень’ или *kuovsi* ‘одногодовалый бобр’ [Salo, 2000, 28];

руч. *Чупинка* > карел. *Сиирпика* (Чупа) < саам. *čuiõppöš* ‘конец залива’.

К третьей группе относятся названия, которые могли включать суффикс *-nkV/-ngV* еще на дотопонимическом уровне, поскольку в этих названиях представлены известные в карельском языке апеллятивы с тем же суффиксом: р. *Hemminkijoki*, вариант *Hemmenki-* (Луусалми) < *hemmungane* ‘княженика’; озера *Juomingilammit* и руч. *Juominginoja* (Юшкозеро) < *juominga* ‘голубика’; пок. *Latinka* (Аккала) < *latinki* ‘заряд, патрон’; оз. *Maininkajärvi* и р. *Maininkijoki* (Ак-

кала) < *mainink/a*, *-i*, *-o* ‘долгая невысокая волна’. В подобных случаях, однако, не вполне ясно, входит ли в состав названия уже готовый известный апеллятив или топоним образовался иначе и не имеет с данным апеллятивом ничего общего, кроме звуковой формы.

Четвертая группа представлена топонимами, в которых с определенной долей уверенности можно выделять прибалтийско-финские основы, хотя, как и в предыдущей группе, не всегда ясна мотивированность тех или иных названий. Топонимы четвертой группы достаточно многочисленны и составляют приблизительно треть всех названий с формантом *-nkV/-ngV*. В качестве иллюстрации приведем следующие примеры:

- возв. *Gul'l'unganvuara* (Лубасалми) < *gul'l'u* (< **kul'l'u*)³ ‘овраг’;
- пор. *Juumingivirda* (Гагарино) < *juuma* ‘глубокое место в реке’;
- оз. *Kalmungi* (Сельги) < *kalma* ‘могила’;
- оз. *Kudringilambi* (Юшкозеро) < *kutru* ‘углубление в водоеме’ [Kiviniemi, 1990, 78];
- озера *Kuuksinkolammit* (Лохгуба) < *kuukso* ‘кукша’;
- оз. *Kuuzingijärvi* (Кимасозеро) < *kuuzi* ‘ель’;
- озера *Kylmengijärvet* (Сельги) < *kylmä* ‘холодный’;
- оз. *Lemengi* (Вычетайбола) < *lemi* ‘топь’;
- озера *Lepongilammit* (Панозеро) < *lepo* ‘отдых’;
- бол. *Limingansuo* (Лежево) < *lima* ‘слизь, рупия (растение)’ [Räisänen, 2003, 70];
- руч. *Lozungo-oja* (Кузнаволоок) < *lozo* ‘низкое сырое место’;
- р. *Oulunga* (Маслозеро) < *oulu* ‘половодье’;
- озера *Punangojärvet* (Гагарино) < *puna* ‘водоворот’;
- оз. *Suarvanki* (Ухта) < *suarva* ‘выдра’;
- оз. *Suksingojärvi* (Семчезеро) < *suksi* ‘лыжа’;
- бол. *Uzmangisuo* (Ужмана) < *uzma* ‘пар, туман’;
- возв. *Uzvangivuara* (Пебозеро) < *uzva* ‘иней’;
- оз. *Vicankijärvi* (Кимасьярви) < *vicca* ‘прут’, *vicikkö* ‘кустарник’;
- оз. *Vijankijärvi* (Каменное Озеро) < *viita* (ген. *viijan*) ‘густой ельник’;
- оз. *Ypänski* (Толлорека) < *yppä* (ген. *yppän*), *yppäkkä* ‘возвышенное место’;
- поле *Varzanka* (Нюхча) < *varza* ‘жеребенок’.

В отдельных случаях вероятность того, что топонимы четвертой группы действительно имеют прибалтийско-финские истоки, возрастает, поскольку фиксируются смежные географические названия с теми же топоосновами, но без форманта *-nkV/-ngV*. Так, рядом с озером *Levenki* в окрестностях Нурмилакши находится более крупное озеро *Leviejärvi*, а в озеро *Lepungi* близ деревни Пизьмагуба впадает ручей с названием *Lepänoja*. Кроме того, подтвердить

³ О правомерности такой реконструкции позволяют говорить зафиксированные здесь же, в Поросозерской волости, наименования двух небольших озер *Guikanlambi* < **Kuikanlambi* (Янгозеро, Совдозеро).

интерпретацию того или иного названия иногда помогают природные характеристики соответствующего географического объекта. В качестве примера приведем название реки *Kuuzengijogi*, впадающей в Тунгудское озеро у деревни Березовый Наволок. Эта река, по сведениям местных жителей, течет по густому ельнику, что дает возможность уверенно связать название с карельским апеллятивом *kuuzi* ‘ель’. На наш взгляд, приведенные примеры свидетельствуют о том, что мы имеем дело с суффиксацией на топонимическом уровне.

Подтверждением того, что представленные названия четвертой группы могли быть образованы с использованием именно топонимического форманта *-nkV/-ngV*, служит и целый ряд топонимов, в которых рассматриваемый суффикс либо отсутствует, либо на его месте фиксируется другой топоформант, ср.: *Gul'l'umägi* (Кудамгуба), *Kul'l'unranda* (Топорная Гора), *Kalmajärvi* (Кургиево), *Kuuksolambi* (Кокорино), *Kuuzijärvi* (Пелкула), *Kylmäjärvi* (Бабыя Губа), *Lemijogi* (Юостозеро), *Losolampi* (Тухкала), *Oululaksi* (Корбинаволок), *Punalampi* (Хайкола), *Suksiselgä* (Юккогуба), *Suarvajärvi* (Юшкозеро), *Usmajoki* (Хайколя), *Uzmakoski* (Подужемье), *Varsansuo* (Войкула), *Viccälampi* (Линдозеро), *Viidajärvi* (Лужма), *Viijanjogi* (Семчезеро), *Ypäyzojat* (Суопасалма).

Этимологически неясные топонимы с суффиксом *-nkV/-ngV* также нередко сосуществуют в Карелии и с бессуффиксными вариантами, и с вариантами, имеющими другие топоформанты, ср.: оз. *Ciprinki* — (фин.) *Sipretinjärvi* (Чипринга); руч. *Kuatrankioja* — возв. *Kuatrakkivuara* (Хайкола); руч. *Kurtangioja* — бол. *Kurtansuo* (Пиртозеро) и возв. *Kurtinvuara* (Каменное Озеро); озера *Möllängilambi* (Чиркакемь) — *Mölläkkä* (Костомукша); протока *Orengivengi* (Суопасалма) — бол. *Orensuo* (Вингигора); ламбина *Orjangilambi* (Суопасалма) — *Orjasvuara* (Хайкола) и *Orja(n)lambi* (Рудометово); луда *Пундинка* (Поньгома) — залив *Punduni* (Ёлманга) и озера *Puntamojärvet* (Софьянга); р. и пор. *Rievinki* (Тихтозеро) — залив *Rievenci* (Лохгуба); оз. *Suulanki* — о-в *Suuluasuari* (Сулоостров); оз. *Tipingä* — поселение *Тупиницы* (Типиницы); оз. *Ulmangijärvi* — р. *Ulmajoki* (Логоварака); о-в *Uarinkisuari* — бер. *Uarinciranta* (Костоваара); оз. *Vojangi* (Суопасалма) — пор. *Vojaccu* (Надвоицы); оз. *Vuotangi* (Малая Тикша) — *Vuotanjärvi* (Гимола).

Кроме того, на территории Карелии фиксируется немало случаев, когда в топонимии определенного населенного пункта наряду со сложными по структуре названиями употребляются формы, в которых детерминант заменен формантом *-nkV/-ngV*, ср.: озера *Ciepingi* = *Cieppijärvi* (Кургиево); *Suulanki* = *Suuluajärvi* (Миккола); *Vojangi* = *Vojjärvi* (Юшкозеро); р. *Kolhanki* = *Kolhanjoki* (Ладвозеро). Подобное явление, по всей видимости, наблюдается также в русскоязычной топонимии, ср. *Гаванка* (вариант *Чаванка*) = *Гаваностров* (Нюхча).

Обращает на себя внимание и тот факт, что в Карелии многие названия на *-nkV/-ngV* группируются в относительной близости друг от друга, что, в свою очередь, может указывать на образование этих топонимов по аналогии с каким-

либо наименованием, уже содержащим формант *-nkV/-ngV*. В связи с этим можно предполагать, что этот топоформант использовался создателями имен как готовое средство топонимической номинации.

Помимо перечисленных возможностей, происхождение названий на *-nkV/-ngV* допускает и ряд других объяснений. Так, некоторые топонимы рассматриваемого типа в Карелии могли быть полностью перенесены новопоселенцами с мест прежнего проживания. Например, перенесенным могло быть название болота *Limingansuo*, зафиксированное в топонимии деревни Лежево, располагавшейся в восточной части Беломорской Карелии: к такому предположению приводит значительное количество названий (50) на *Liminka- / Limingan-* на территории соседней Финляндии. К подобным примерам относится, возможно, и название мыса *Kujanginiemi* в деревне Лужма (Средняя Карелия), находившейся неподалеку от российско-финской границы: на сопредельной территории Финляндии близ города Нурмес существует два одноименных озера (известно это географическое имя и в других частях современной Финляндии).

В основе названия залива *Urpangalaksi* в Барышнаволоке и озера *Tipingä* в Кузнаволоке могут скрываться антропонимы: ср. именование лица *Павел Ортемьев сын Урпин*, отмеченное в 1581 г. в Неноксе [АСМ, II, 156] и поселение *Типиницы* в Заонежье. В последнем примере отмечается топоформант *-ицы*, который, как известно, использовался русским населением для адаптации прибалтийско-финских *-l*-вых ойконимов, восходящих к нехристианским или дохристианским именам [Муллонен, 2002, 86–87]. Топонимисты Финляндии также предполагают возможность отантропонимического происхождения некоторых названий с формантом *-nkV/-ngV*: ср. *Aninkainen* и *Huvinkää* [Kiviniemi, 1980, 334].

Иное происхождение могут иметь топонимы рассматриваемого типа на территории проживания карел-людигов. Так, одно из названий — р. *Uslonkujogi* — фиксируется на самом юге карелоязычных территорий за пределами ареала рассматриваемого форманта, и, соответственно, компонент *-nki-* в данном названии не имеет с суффиксом *-nkV/-ngV* ничего общего, кроме звуковой формы. В названии этой реки закрепился русскоязычный вариант *Усланка*, восходящий к **Устьлонка* (устье реки *Лонка*). Другой пример — название ручья *Viningä* в окрестностях деревни Пелдожа, в котором, по мнению И. И. Муллонен (устное высказывание), могла произойти замена суффикса *-nda/-ndä* на *-nkV/-ngV*.

Часть названий на *-nkV/-ngV*, как нам кажется, могла быть усвоена карельской топонимией благодаря русской модели на *-h(b)gV*, которая закрепилась главным образом в ряде официальных русскоязычных названий карельских деревень на севере Беломорской Карелии. Теперь на этой территории наряду с карелоязычными наименованиями поселений бытуют параллельные формы с топоформантом *-nkV/-ngV*, ср.: *Jolmoni* — *Jolmanki* (Ёлманга); *Kormani*, *Kormohonkylä* — *Kormanka* (Корманка); *Sohjanansuu* — *Sohjanka* (Софьянга); *Kotijoki* — *Suurpinka* = *Чупинка* (Чупа).

В современной русскоязычной топонимии Карелии нами выявлено 16 названий рассматриваемого типа, которые большей частью локализируются на побережье Белого моря или в непосредственной близости от него. При этом на русскоязычных территориях топонимы с формантом *-нга/-ньга/-нка* так же, как и в ареале расселения карел, имеют, по всей вероятности, различные истоки.

Учитывая опыт исследований прибалтийско-финской топонимии, можно предполагать, что и на русскоязычных территориях Карелии топоформант *-nkV/-ngV* первоначально использовался в качестве средства адаптации иноязычных топонимов русскоязычным населением. В качестве примеров рассмотрим названия реки *Кувженьга* в районе села Ковда, поля *Варзанга* в Нюхче и озера *Масленга* в окрестностях деревни Воронье Озеро. В первом случае топоосновой может выступать саамский апеллатив *guvža* 'таймень'. Во втором случае следует учесть, что поле *Варзанга* находится рядом со значительным по размеру камнем *Коничек*, название которого может являться калькой, ср. карел. *varza* 'жеребенок'⁴. В последнем случае русскоязычное название озера *Масленга* является эквивалентом карельского *Muaseläisjärvi*, в состав которого, как видим, формант *-nkV/-ngV* не входит. В то же время нельзя исключить, что формант *-н(ь)га* в русскоязычных топонимах восходит к словообразовательному или топонимическому суффиксу, который функционировал в языке-источнике и является компонентом субстратного названия.

Название *Кестеньга*, относящееся к части деревни Летняя Река, могло быть перенесено на побережье Белого моря уже в готовом виде с территории Кестеньгской волости. К этому предположению ведет тот факт, что у жителей деревни фиксируются фамилии *Югаров* и *Лошкин*, которые были известны среди карельского населения деревни Кизрека, относившейся к бывшей Кестеньгской волости: ср. *Jukaraiset* > *Югаров* и *Loškaiset* > *Лошкин*. С другой стороны, часть поселения могла быть названа *Кестеньгой* коренными жителями деревни — по новопоселенцам, прибывшим с вышеуказанной территории.

Одно из названий — остров *Юзминги* (Поньгома) — перешло, по всей видимости, в русское топонимическое употребление из карельского. Об этом свидетельствует, на наш взгляд, нехарактерная для Русского Севера конечная огласовка форманта, который имеет явные параллели с топоформантом *-ngi/-nki* на карелоязычных территориях. Тем самым данное название может являться в топонимии побережья Белого моря карельским наследием, однако значение топоосновы остается пока неясным.

В русскоязычной топонимии Карелии фиксируется еще целый ряд названий, о происхождении которых на сегодняшний день нельзя сказать ничего определенного. Среди них рчк *Маленьга* (Нюхча), ур. *Пузенга* (Сухое), луда *Пун-*

⁴ Камень **Varza(n)kivi* > камень *Коничек* > поле *Варзанга*.

динка (Поньгома-Летняя Река), о-в *Роганка* (Юково), р. *Рязанка* (Данилово), д. *Таваньга* (карел. *Tuavo*), о-в *Чаванка* — варианты *Гаванка*, *Гаваностров* (Нюхча), перешеек *Чаменьга* (Заонежье). Не исключено, что некоторые из этих названий не относятся к топонимам на *-нга/-нка/-ньга*, поскольку содержат русский топоформант *-ка*.

На основании распространения названий на *-nkV/-ngV* можно судить о том, что этот топонимический тип в Карелии имеет собственно карельские корни. Однако остается неясным, перенесен ли он в Карелию с территории Северо-Западного Приладожья или же появился на территории современной Карелии. На исторической прародине карельского этноса, например, топонимы на *-nkV/-ngV* не имеют широкого распространения — это, возможно, свидетельствует о появлении соответствующего топонимического типа в тот период, когда карельское население уже покинуло свою прародину. С другой стороны, названия с формантом *-nkV/-ngV* фиксируются, например, в топонимии карел, переселившихся в восточную часть Ленинградской области в XVII в., ср. бол. *Kivenkisuo* < *kivi* ‘камень’, пок. *Närienkinurmi* < *näre* ‘ель’. Это, в свою очередь, может свидетельствовать о вероятном существовании рассматриваемого топонимического типа на исторической родине карельского этноса, который затем активно использовал формант *-nkV/-ngV* при создании топонимов на новых территориях.

В русскоязычной топонимии Русского Севера западная граница распространения названий на *-ньга/-нка* проходит в восточной части современной Карелии. Эта граница огибает Обонежье с востока и севера, проходя из восточного Белозерья в бассейн Белого моря и лишь незначительно задевая при этом восточное Обонежье [Муллонен, 2002, 197]. В то же время модель единожды фиксируется, например, в Заонежье. В целом, на основе картины распространения русскоязычных названий на *-нга/-нка/-ньга* в Карелии можно говорить о том, что все они вписываются в ареал средневекового расселения карельского этноса. Однако вопрос о единых истоках русского *-ньга* и карельского *-ngV/-nkV* остается открытым, поскольку названия на *-нга/-ньга* широко фиксируются на всем Русском Севере, образуя крупный массив между Сухоной, Северной Двиной и Онегой [Матвеев, 2007, 42, 269]. Таким образом, нельзя исключить, что южно-беломорские и обонежские топонимы рассматриваемого типа в Карелии являются продолжением единого для Русского Севера ареала; их распространение можно связывать с населением, которое продвигалось в Карелию с востока по реке Онеге⁵.

⁵ Л. Хакулинен, рассматривавший апеллятивный суффикс *-nkV* в финском языке, отмечает, что соответствия ему обнаруживаются среди демунитивных словообразовательных суффиксов финно-угорских языков пермской ветви [Hakulinen, 1968, 113, 174]. Это обстоятельство может являться аргументом в пользу единых истоков прибалтийско-финского топоформанта *-ngV/-nkV* и русского *-н(ь)га*.

Названия с формантом *-nkV/-ngV* в Карелии и сопредельных областях отмечаются историческими документами и картами достаточно рано, с середины XVI в., ср.: оз. *Енинга* (1728) [Rytkölä, 2006, 22]⁶, карел. *Eningijärvi* (Сельги); р. *Кистенга* (1552/53) [АСМ, I, 114], карел. *Kiestinki*, совр. *Кестеньга*; оз. *Люзенга / Лузенга* (1718) [Чернякова, 1998, 59], *Лузенга* (1728) [Rytkölä, 2006, 22], карел. *Luzingi* (Емельяновка); залив *Munangolax* (1650) [Там же, 77], карел. *Munankilaksi* (Нильмагуба); р. *Олунга* (карел. *Oulunga*) и оз. *Олунское* < **Олунгское* (1591) [МПИК, 327] (Маслозеро); залив *Пулонская губа* < **Пулонгская* (1572) [АСМ, I, 200], карел. *Puulonkinlaksi* (Пулоньга-Кереть); оз. *Wiangojerf* (1650) [Rytkölä, 2006, 77], *Виангиярви* (1728) [Там же, 22], карел. *Vijankijärvi* (Каменное озеро). Приведем также ряд названий с формантом *-н(ь)га*, которые фиксируются на Кольском полуострове и в бассейне реки Онега в Архангельской области во 2-й половине XVI в.: оз. *Аренго озеро* (1575) [АСМ, II, 68] (Варзуга); место *Варенга* (1592) [МПИК, 81] (Кольский полуостров); ур. (река?) *Лазбинка* (1580) [АСМ, II, 145] (Умба); р. *Печенга* (1581) [МПИК, 277]; рчк *Чявунга* (1575) [АСМ, II, 67] (Чаваньга); реки *Неменга* (1559) [АСМ, I, 156] и *Оченга* (1572) [АСМ, II, 13] (бассейн реки Онеги).

Наличие вариантных топонимов с формантом *-nkV/-ngV* и без него, а также ряд примеров, в которых документально засвидетельствованное бессуффиксное название конца XIX в. бытует ныне с формантом, позволяют полагать, что формант *-nkV/-ngV*, по крайней мере в части названий, является относительно поздним. Это, в свою очередь, подтверждает выдвинутое выше предположение о том, что мы имеем дело именно с топонимообразующим суффиксом, который мог быть продуктивным достаточно продолжительное время и участвовать в образовании новых топонимов вплоть до конца XIX в., ср.: оз. *Вотаньяр(ви)* (1728) [Rytkölä, 2006, 22] > *Viutangijärvi* (Кургиево); озера *Лостозеро* (1591) [МПИК, 327], *Лоштозеро* (1678), *Илоштозеро* (1762) [Чернякова, 2003, 40–41] > р. *Luostanki*, *Луошталамби* (1876) [ГААО, 1876] > *Luostankilampi* (Хайкола); д. *Пежушозеро* (1762), *Пешушозеро* (1795) [Чернякова, 2003, 41], *Пежушозеро* [ГАРК, 1906] > *Piesunki*⁷; о-в *Сиприн Шарп* [ГААО, 1876] > *Ciprinkisuari* (Зашеек); оз. *Ульмоозеро* (1552/53) [АСМ, I, 114], *Ульмо озеро* (1591) [МПИК, 325] > *Ulmangijärvi* (Булдыри), *Чюно-ручей* (1563) [СГКЭ, II, 447] > *Чупинка* (Чупа).

Подводя итоги, сформулируем в краткой форме основные выводы данного исследования и связанные с ними проблемы.

⁶ Автором используются карты, опубликованные в исследовании [Rytkölä, 2006]: Карта прихода Кайнуу 1650 г. Клаеса Клаессона и Карта Олонецкого уезда, составленная А. Клешиным в 1728 г.

⁷ О происхождении названия деревни *Piesunki* в Вокнаволоцкой волости существует предание, согласно которому первопоселенцем деревни был беглый, поселившийся на берегу озера. Он был очень разговорчивым, и его супруга всегда боялась, что он расскажет незнакомым людям о своем прошлом. Поэтому, когда к ним приходили гости, она всегда говорила ему: «Pie suu kiinni» — «Держи язык за зубами». Отсюда и пошло название *Piesunki*. (Записано автором в 2004 г. в деревне Вокнаволок).

Топонимы с формантом *-nkV/-ngV* имеют в Карелии достаточно четко очерченный ареал, совпадающий с территорией распространения собственно карельского наречия, что может свидетельствовать о появлении данного топонимического типа именно в среде собственно карельского населения. Основной массив названий на *-nkV/-ngV* локализован в центральных частях Беломорской Карелии; по мере продвижения на юг и юго-восток активность модели снижается. За пределами основного ареала фиксируется только 9 названий, из которых 3 представлены в топонимии карел-ливвиков, 6 — в топонимии карел-людиков. Это, возможно, связано с тем, что на определенном этапе истории собственно карельское население вливалось в среду карел (прибалтийских финнов), проживавших в южной части современной Карелии. С другой стороны, в топонимии карел-людиков компонент *-nkV/-ngV* мог возникать и иными путями.

Не получили широкого распространения топонимы на *-nga/-nyga* и в русскоязычной топонимии Карелии. Остается пока открытым вопрос о возможных единичных истоках русского и карельского топоформантов. В то же время в пределах границ Карелии до начала XX в. прослеживается определенное противостояние Обонежья, в топонимии которого формант отсутствует, и территорий, граничащих с ним с севера, северо-запада и северо-востока. Такая ареальная характеристика явно имеет под собой этноязыковую подоплеку, однако все же можно говорить о некоем едином ареале названий на *-nga/-ngi* и *-nga/-nyga* в Карелии.

Можно констатировать, что образование топонимов с помощью форманта *-nkV/-ngV* могло быть в Карелии продуктивным длительное время: это подтверждается документами XVI–XVII вв., где неоднократно фиксируются названия рассматриваемого типа. На территории распространения собственно карельских говоров этот топонимический тип достаточно популярен (более 110 названий), причем в целом ряде случаев наблюдаются варианты, в которых детерминант сложного топонима заменен рассматриваемым формантом. Кроме того, многие названия на *-nkV/-ngV* группируются в непосредственной близости друг от друга, что, вероятно, указывает на их образование по аналогии. Таким образом, можно полагать, что на определенном этапе истории суффикс *-nkV/-ngV* был продуктивен в топонимии и, в частности, использовался прибалтийскими финнами для адаптации иноязычных названий.

По происхождению формант *-nkV/-ngV* предположительно восходит к пра-саамскому деминутивному суффиксу *-ńdže* (*-ńče), который, на наш взгляд, сохранился в нескольких названиях на территории современной Карелии. Однако в топонимии, по-видимому, исходное деминутивное значение отступило на второй план, т. е. формант являлся прежде всего знаком топонима.

По всей вероятности, названия на *-nkV/-ngV* в Карелии имеют разные языковые источники. Для части основ с этим топоформантом обнаруживаются достаточно убедительные саамские или прибалтийско-финские лексические параллели, однако большинство топонимов данного типа пока не поддается

этимологизации. Во многих случаях вызывает трудности и вопрос, относится ли суффикс к апеллятиву, входящему в название, или же он был присоединен к основе при образовании топонима.

Наконец, остается пока неразрешенной проблема, связанная с появлением данного топонимического типа в Карелии: неясно, был ли он принесен карелами со своих коренных территорий или возник и распространился уже после переселения карельского этноса в современную Карелию.

- АСМ, I — Акты социально-экономической истории севера России конца XV–XVI в. Акты Соловецкого монастыря 1479–1571 гг. Л., 1988.
- АСМ, II — Акты социально-экономической истории севера России конца XV–XVI в. Акты Соловецкого монастыря 1572–1584 гг. Л., 1990.
- ГААО, 1876 — Государственный архив Архангельской области. Ф. 6. Оп. 15. Д. 37. Архангельский губернский статистический комитет. Список сельскохозяйственных угодий.
- ГАРК, 1906 — Государственный архив Республики Карелия. Метрическая книга Ухтинского прихода 1906 года. Ф. 25. Оп. 23. Д. 121.
- Матвеев А. К. Субстратная топонимия Русского Севера. Ч. III. Екатеринбург, 2007.
- МПИК — Материалы по истории Карелии XII–XVI вв. Петрозаводск, 1941.
- Муллонен И. И. Топонимия Присвирья: проблемы этноязыкового контактирования. Петрозаводск, 2002.
- ПФГЛ — Мамонтова Н. Н., Муллонен И. И. Прибалтийско-финская географическая лексика Карелии. Петрозаводск, 1991.
- СГКЭ, II — Сборник грамот коллегии экономии. Т. II. Л., 1929.
- СКЯ, 1990 — Словарь карельского языка (ливвиковский диалект). Петрозаводск, 1990.
- СКЯ, 1994 — Словарь карельского языка (тверские говоры). Петрозаводск, 1994.
- Чернякова И. А. О чем не рассказал Элиас Леннрот... К истории края, где оказались сохранены и записаны эпические песни древнего народа. Петрозаводск, 1998.
- Чернякова И. А. Панозеро и его обитатели: пять веков карельской истории // Панозеро: сердце Беломорской Карелии. Петрозаводск, 2003.
- Hakulinen L. Suomen kielen rakenne ja kehitys. Helsinki, 1968.
- Itkonen T.I. Lappalaisperäisiä paikannimiä suomenkielen alueella // Virittäjä. 1920. S. 1–11.
- Kiviniemi E. Nimistö Suomen esihistorian tutkimuksen aineistona // Virittäjä. 1980. № 4. S. 319–338.
- Kiviniemi E. Perustietoa paikannimestä. SKS. Helsinki, 1990.
- KKS — Karjalan kielen sanakirja. 1–5. LSFU XVI. Helsinki, 1968–2005.
- NA — Nimiarkisto. K. Nickulin kokoelma.
- Pöllä M. Vienan Karjalan etnisen koostumuksen muutokset 1600–1800-luvulla. SKST 635. Helsinki, 1995.
- Pöllä M. Vienan karjalainen perhelaitos 1600–1900-luvulla. SKS. Helsinki, 2001.
- Rytkölä H. Vienan tiellä. Historiallista taustaa Suomusalmen Vuokin reitille Venäjän Karjalaan (A. Kletsinin kartta vuodelta 1728). Kajaani, 2006.
- Räsänen A. Nimet mieltä kiehtovat. Etymologista nimistöntutkimusta. SKS. Helsinki, 2003.
- Salo U. Suomi ja Häme, Häme ja Satakunta. Hämeen käräjät I. Toimittanut Jukka Peltovirta. Hämeenlinna, 2000.
- Sjögren J. A. Die Syrjänen, ein historisch-statistisch-philologischer Versuch // Gesammelte Schriften. Band I. Historisch-etnographische Abhandlungen über den finnischen-russischen Norden. VII. SPb., 1861.

ЭТНОНИМЫ И НЕСЛАВЯНСКИЕ АНТРОПОНИМЫ БЕРЕСТЯНЫХ ГРАМОТ

К л ю ч е в ы е с л о в а: древнерусские берестяные грамоты, прибалтийско-финские языки, антропонимия, этнонимия, этимология.

В статье проведен историко-лингвистический анализ ряда неславянских этнонимов и антропонимов, засвидетельствованных в берестяных грамотах Новгорода, Пскова и Старой Руссы. Автор приводит новые комментарии к уже существующим этимологиям и предлагает собственные этимологические решения для 31 имени. На этой основе в статье делается заключение о том, что этнонимы и антропонимы берестяных грамот в подавляющем большинстве случаев указывают на прибалтийско-финское и саамское население и лишь в отдельных случаях — на балтийское и германское.

Изучение неславянских (в основном — прибалтийско-финских) антропонимов и этнонимов берестяных грамот (БГ) имеет уже сравнительно давнюю историю и богатые традиции. Первый обзор соответствующих работ был сделан Е. А. Хелимским (опубликован в 1986 г., воспроизведен в монографии [Хелимский, 2000]). Вкупе с новыми данными мы рассматривали этот вопрос в работе [Шилов, 2005]. Вернуться же к нему нас побудили как некоторые вновь возникшие соображения, так и ряд новых публикаций, в первую очередь [Saarikivi, 2007].

Этнонимы и отэтнонимические личные именованья¹

Вежники (№ 550, 664, 1160–1180 гг.) и **шестники** (№ 161, 1410–1420 гг.). Эти два именованья, на первый взгляд, казалось бы, не несущие этнической окраски, объединены на следующих основаниях. Е. А. Хелимский, развивая идею В. Л. Янина, убедительно показал, что под *вежниками* и *шестниками* должны пониматься группы северных кочевников, живущих в переносных жилищах-вежах (их основными конструктивными элементами являются перевозимые на санях шесты) [Хелимский, 2000, 334–337]. На наш взгляд, в грамотах № 550, 664 и 161 имеются в виду саамы (об их проживании в вежах неоднократно говорится в русских документах), но не оседлые карелы, как допускал А. А. Зализняк [ДНД, 271]), или территориально далекие ненцы². Аналогичное именованье этноса (по характерной бытовой детали) мы видим в холмогорских записях Р. Джемса (1619 г.), который пользовался информацией, полученной от местных жителей: *whith ragatine* (рогатиной) *camusnicks kill bares and other beasts; leasnic* (лесник), *camushnic* — *man that kill beares and losshes* (лосей) *and all wilde beastes to which end they goe in the wilde woods* [Ларин, 2002, 237, 281]. Под *камусниками* в этой записи, конечно, подразумеваются охотники-аборигены: коми или ненцы, носящие *камусы* — обувь из оленьих шкур. Ср. и пренебрежительное название башкирца — *кумысник* — у Мамина-Сибиряка [ССРЛЯ, 5, 1838], а также такие именованья «инородцев», как *саманник*, *тулупник*, *улусник*, *чувячник* и др. Вероятно, подобным образом, по характерному внешнему признаку, названы и *колбяги* (см. ниже).

Водин (№ 343, 1280–1300 гг.). В этой грамоте назван *Прокия Водиничь*. Комментаторы [НГБ, X, 102] абсолютно справедливо, на наш взгляд, отмечают, что отчество *Водиничь* указывает на этноним *водин* ‘вожанин’, форма которого неизвестна в источниках иных типов. Ср. другие подобные именованья на *-ин* в БГ (*корелин*, *либин*, *литвин*, *лопин*, *немчин*), а также в летописях и иных документах (*емин*, *емлянин* — племя *емь*; *фрязин* — мн. *фрязе*, *фряги*; *ясин*, *ясыня* — народ *ясы*; *отин* — при более частом *отяк*, *вотяк*; *неревин* — племя *нерева*; *русин* и др.). Берестяные грамоты наглядно демонстрируют раннюю и, видимо, первичную модель образования такого рода этнонимов.

¹ Здесь рассматриваются только те этнонимические именованья БГ, относительно которых появились новые соображения и замечания. Здесь и далее мы не указываем издание, если текст документа взят из [ДНД] (таких случаев подавляющее большинство). Датировка дается, как правило, по [НГБ, X]. Новгородские грамоты приводятся только под номером, старорусские и псковские — под номером и с пометами «Ст. Р.» и «Пск.».

² Можно предполагать, что *вежниками*, а позднее *шестниками* именовалась тогда «своя» лопь, проживающая на территории Новгородской метрополии или, по меньшей мере, обложенная регулярной данью — в отличие от *лопи*, «чужих» лопарей, подчиненных шведам.

Каянцы (№ 286, 1351 г.). В грамоте сначала говорится *послали к карелам на Каяно море* (Ботнический залив Балтийского моря), а затем названы *каянцы*. Таким образом, имеется в виду этническая группа Северо-Восточной Приботнии, которая сложилась из выходцев с территории древней Корелы (Северо-Западное Приладожье), смешавшихся, очевидно, с аборигенами края — саамами, выходцами из финской области Хяме (*Еми русских летописей*), и, возможно, скандинавскими поселенцами. В русских документах представители этой группы известны как *каяне*, *каянские немцы*; финны называют их *kainulaiset* (область — *Kainuu*), скандинавы (с IX в.) — *kvennar* (область — *Kvenland*). Об этимологии этнонима см. [Шилов, 2002б, 213]. О том, что *Каянская земля* входила в сферу новгородского влияния, недвусмысленно свидетельствует Ореховецкий договор 1323 г., а также летописные записи (см., например, под 1377 г. [НПЛ, 374]). Уже к концу XV в. эти земли приходилось «воевати» [ПСРЛ, 39, 170; 1496 г.], а по Тязвинскому миру 1595 г. они были официально потеряны Русью [подробнее см.: Шаскольский, 1997, 144–164].

Колбяги (№ 222, 1200–1220 гг.). До сих пор неясно, социальной или этнической группой являлись на Руси *колбяги*. Согласно М. Фасмеру, др.-рус. *кълбѣгъ* ‘варяг — член союза’, ср. греч. *κουλιγγοι* ‘особые наемники’; из др.-сканд. *kylfingr* от *kylfa* ‘дубина’ [Фасмер, II, 287] (т. е. *колбяги* — нечто вроде ‘дубиноносцы’). В «Правде Русской», где *колбяги* упоминаются наряду с варягами, слово, скорее, несет этническую нагрузку. Не исключено, впрочем, что в тексте данной грамоты имеются в виду жители (чья этническая принадлежность неопределима) Климецкого в *Колбегах* погоста на р. Воложь — притока Сяси, хотя и в Псковской земле существовало селение *Колбежичи*.

Корела (№ 590, 1069 г.; № 286, 1351 г.; № 248, 1396 г.). В грамоте № 248 речь определенно идет о приладожской Кореле, в № 286 — о приботнийской группе карел, см. *каянцы*. Однако *Корела* грамоты № 590 — это, судя по историческим обстоятельствам, сопутствующим написанию грамоты, не «собственно» Карела, а Ижора³, входившая некогда в единый карельский этноязыковой массив [Шилов, 2008, 140]. Таким образом, первым упоминанием «настоящих» карел остается летописная статья 1143 г. [НПЛ, 23].

Литва (№ 590, 1069 г.). О трудности интерпретации этой *литвы* как населения исторической Литвы см. [Шилов, 2002а, 154–155]. Убедительна версия В. Л. Янина, согласно которой в данной грамоте *литвой* названы литовские наемники в войске Всеслава Полоцкого при его походе на Новгород в 1069 г. [Шилов, 2008, 139–140].

³ Поэтому иное, более реалистичное освещение получает запись под 879 г. в «Подробнейшей истории Государей Российских»: «умре Рюрикъ въ воинѣ в Корелѣ» [Мачинский, 2003, 168]. В этом случае опять-таки с очевидностью имеется в виду Ижорская земля.

Немьци (№ 44, 1360–1380 гг.), **Немчин** (№ 25, 1400–1410 гг.). В грамоте № 44 говорится *побегле в нѣмьцѣ*. Содержание и место написания грамоты (Северное Приладожье) свидетельствуют о том, что здесь имеются в виду шведы. Ср. в грамоте № 248: *приобижены с немецьскои половины*, т. е. из района Саволакса Шведской Карелии (разбор грамоты см. в [Шилов, 2002а, 152–154]). То, что *немчин* грамоты № 25 — этноним, а не личное имя, следует из ее контекста.

Таким образом, этнонимы и отэтнонимические личные именованья БГ достаточно полно отражают как этнический состав населения собственно новгородских земель, так и именованья ближайших соседей Новгородского государства. Нет среди них, что, на первый взгляд, удивительно, обозначения мерян, которым русские летописи (но не НПЛ!) отводят заметное место в начальной русской истории. Вероятно, в глазах новгородцев той поры, когда создавался основной известный нам массив БГ, меряне уже столь прочно ассоциировались с суздальцами, что их реальная этническая принадлежность была неактуальна.

Антропонимы

Германские и балтийские:

Азьгутъ (№ 526, серед. XI в.). Имя скандинавского происхождения, ср. имена *Asgautr, Asgotr, Asgøtr*, встречающиеся в рунических надписях [ДНД, 226].

Вальтырь (№ 881, 1120–1140 гг.). Имя является адаптированной формой нем. *Walter* [НГБ, XI, 83].

Домант (№ 161, 1410–1420 гг.). Балтийское имя (то же, что *Довмонт*) [ДНД, 560].

Оливоръ (№ 221, 1240–1260 гг.). Известно др.-сканд. *Hallvarðr*, руническое *ALVARÐ*.

Омант (№ 154, 1420–1430 гг.). Имя балтийского происхождения [ДНД, 564].

Рюря (№ 804, 1180–1200 гг.). Является уменьшительной формой от *Рюрик* (из сканд., ср. др.-исл. *Hróðrekr*) [НГБ, XI, 33]. Ср. также дат. *Hrørekr*, швед. *Rørek*. Форма *Рюря*, конечно, возникла уже на русской почве.

Стень (№ 249, 1396 г.). Имя явно скандинавского происхождения, ср. швед. *Stein*.

Юбль (№ 129, ок. 1410 г.). Может быть, немецкое имя (*Hübel?*) [ДНД, 546]. Ср. нем. *himpeln* ‘ковблять’.

Якунь (№ 676, 1160–1180 гг.; № 257, 1380–1400 гг.). Ср. также **Якуновья** (№ 263, 1360–1380 гг.: *от Якуновѣи от Фомине снохы* — явно сноха персонажа грамоты № 257, так как грамоты найдены на одной усадьбе). Возможно, данное имя присутствует и во фрагменте грамоты № 434 (1100–1120 гг.), прочтенном как *от Жирият(ы) Яко[у](новица)* (персонаж сопоставлен с летописным Жириатой Якуновичем, погибшим в битве с суздальцами при Ждановой горе в 1135 г.)

[НГБ, VII, 38]⁴. Имя восходит к др.-сканд. *Hákon* [ДНД, 320]. Заметим, что имя *Якун* рано вошло в русский именослов (см. комментарии в заключении)⁵.

Прибалтийско-финские и саамские⁶

Антропонимы этого типа отмечены в 32 грамотах (в их число не входят грамоты, содержащие отантропонимические ойконимы прибалтийско-финского происхождения). В 8 из них прибалтийско-финские и саамские имена встречаются неоднократно — до 5–7 имен (все эти грамоты относятся к юго-западной или юго-восточной Карелии, одна, возможно, — к Водской земле); трижды в разных грамотах отмечены упоминания одного и того же лица (*Негль*), отца и сына (*Гюлопаи*) или одинакового имени (*Игала*). Нами предложены этимологии для 31 имени — достаточно, по нашему мнению, надежные либо предположительные, оставляющие место для дискуссии. К «прямым» личным именованиям мы добавили несколько имен, восстановленных на основе отыменных ойконимов (даются под знаком *).

Прежде чем приступить к изложению конкретного материала, отметим следующее. Во многих случаях мы сталкиваемся с непростым вопросом оформления прибалтийско-финской именной основы йотовым суффиксом (см. ниже *Алюй*, *Вигуй*, *Гымуй*, *Гювий*, *Лейнуй*, *Мекуй*, *Мундуй*, *Никуй*, *Нустуй*, *Селькуй*, *Селюй*, *Сидуй*, *Симуй*, *Совкой*, *Тадуй*, *Тушуй*). По этому поводу Е. А. Хелимский отмечает: «В берестяных грамотах, как и в других письменных памятниках древнего Новгорода, широко представлены личные имена прибалтийско-фин. происхождения на *-уй* <...>. Мы предполагаем, что их источником явились многочисленные прибалтийско-фин. имена и особенно гипокористические дериваты на *-и*, *-о* <...>. Субституция *-уй* на месте ауслатного *-и* (реже *-о*) характерна и для ранних русских апеллятивных заимствований из прибалтийско-фин. языков, ср. *елуй*, *ёлуй* ‘помост для сушки рыбы’ из фин. *jolu*⁷, *холуй* ‘сор, нанос от разлива’ из фин. *kalu* и др. Особенно широкому распространению этой субституционной модели в антропонимах бесспорно способствовало наличие собственно русского суффикса *-уй*, имеющего, в частности, гипокористическое значение» [Хелимский, 2000, 344]. Несколько иначе

⁴ В [ДНД] дается иное чтение.

⁵ См. также специальную работу о скандинавских именах берестяных грамот [Sitzmann, 2007]. Скандинавское (или германское) происхождение приписывалось и ряду других имен БГ, ниже атрибутируемых как прибалтийско-финские (напр. *Мунданахть*, *Тукъ*). За редкими исключениями эти сопоставления неудачны [см.: Шилов, 2002а, 150–152].

⁶ В данной части мы не разграничиваем личные имена и прозвища. Авторы имеющихся этимологий упоминаются без ссылок на конкретные работы, если последние указаны у Е. А. Хелимского [2000].

⁷ Рус. диал. *елуй* ‘вкопанные в землю столбы с поперечными жердями, предназначенные для сушения рыбы и просушки рыболовных сетей’ может восходить не к фин. *jolu* ‘длинная жердь’, а к саам. *jiel’le* ‘стойка для сушки рыбы’ [МСФУЗС, 113].

данный суффикс трактуется в [МСФУЗС, 61] (в связи с термином *варуй* ‘пригорок, холмик’ < саам. *varre* или карел. *vuari, vaaru* ‘гора’): «финаль лексемы оформлена в русском языке по мужскому роду на согласный (-й), что вообще характерно для морфологической адаптации заимствований Примезенья». А. К. Матвеев, рассматривая заимствование *наракуй* ‘наст’ (< ненец. *narakko*), пишет: «Так как заимствования крайне редко усваиваются русским языком в формах среднего рода, ненецкое слово с финалью -o приобретает в русском языке окончание мужского рода на согласный. При этом исход заимствования осмысливается как широко распространенный в севернорусских диалектных лексемах и ономастике суффикс -уй. Ср. *матуй, неблюй*» [Матвеев, 1996, 232–233]⁸.

Относительно ономастических фактов спорить с вышесказанным не приходится (см. ниже), однако с апеллятивами, на наш взгляд, складывается более сложная ситуация. Дело в том, что заимствованных апеллятивов с йотовой финалью, возникшей на русской почве, в поле нашего зрения входит пока немного: *елуй, холуй, неблюй, наракуй, вергой, варуй*. Столь же немногочисленны те апеллятивы, у которых подобная финаль (-oi) имелась уже в языке-источнике (ливвиковский, людиковский, вепский): *пирой* [Шилов, 2003, 91–92], *арбуй, лембой ~ лембуй, ушкуй* [Мызников, 2004, 51, 54–55, 144]⁹. Поэтому позволим себе не согласиться с тезисом о давлении русской апеллятивной модели на -уй (в крайней скудности данного класса исконно русских существительных легко убедиться, обратившись к [ОСРЯ, 266–267]) на оформление заимствованных личных имен.

Весьма показательны соответствующие данные ономастики. В Карелии, в Вепском Межозерье и на Русском Севере многочисленны гидронимы с прибалтийско-финским детерминантом -oja ‘ручей, речка’. При русском освоении этот детерминант во множестве случаев передается финалью -уй, -уя [Муллонен, 1995; Матвеев, 2001, 256–261]. Еще более показательны данные антропонимии. В прибалтийско-финских языках (прежде всего восточных) чрезвычайно активен антропонимический суффикс -oi. Он оформляет как исконные, так и заимствованные (например, из русского языка) именные основы [Nissilä, 1975, 210; Лескинен, 1989; Муллонен, 1994, 87–101]. В русском же освоении этот суффикс регулярно, гораздо более последовательно, чем в гидронимии на -oja, передавался через -уй, о чем свидетельствуют писцовые книги и актовые материа-

⁸ А. К. Матвеев принимает (с ссылкой на А. Подвысоцкого, М. Фасмера, К. Реден) мнение о заимствовании *неблюй* ‘еще не родившийся олененок; олененок 3–4 месяцев; шкура такого олененка’ из ненец. *няблюй* [Матвеев, 1996, 235]. Однако Е. А. Хелимский аргументированно показал, что первичным для русского (откуда слово и перешло в ненецкие говоры) является саамское обозначение новорожденного олененка, близкое к саам. Луле *njåblō* [Хелимский, 2000, 213–215], т. е. *j*-финаль появилась уже на русской почве.

⁹ Отметим, что в указанных языках суффикс -oi вообще малоактивен в апеллятивном словообразовании, в отличие от антропонимического.

лы по Водской и Обонежской пятинам, северу Карелии и Кольскому полуострову [Попов, 1981, 96; 1993, 55; Шилов, 2008, 10, *сн. 11*]. Соответствующий материал огромен, поэтому далее мы ограничимся посильной иллюстрацией (дана после знака //) лишь тех данных, которые приведены И. И. Муллонен для вепсской антропнимии (имена как вепсского, так и русского происхождения) [Муллонен, 1994, 87–91, 99–101].

**Hüb'joi* < *hüb* 'сова, филин' // Ср. карел. *hüüpie* и фамилию *Хулуев* (Умба, 1580 г.) [АСМ, 2, 146].

**Kokoi* < *kokko* 'орел' // Фамилия *Кокуев* фиксируется от Карелии до Кольского полуострова [ПКОП, 156; АСМ, 2, 66].

**Rahkoi* < *rahkoi* 'мифическое существо' // Имя силача *Рахкой* часто встречается в преданиях о Рахте Рагнозерском [Криничная, 1991, 100, 104], ср. также *Рахкуйлов наволок* на Водлозере, *Рахкуева гора* в Вытегорском погосте [ПКОП, 175, 210].

**Reboi* < *reboi* 'лиса' // В Карелии частотна фамилия *Ребуев* и топонимы типа *Ребуев остров*, *Ребуево*, *Ребуевская* [ПКОП, 106, 155, 190, 191, 207, 210]. Имя же *Ренуй*, отмеченное А. И. Поповым в 1-й части Писцовой книги Водской пятины 1500 г. [Попов, 1981, 96], следует связывать с вод. *gero* 'лиса'.

**Kakoi* < *kak* 'ком, катушка, хлебец и др.' // Ср. антропоним *Какуев*, известный в Водской земле [Попов, 1981, 96].

**Korvoi* < *korv* 'ухо' // Ср. антропоним *Корвуев* [ПКОП, 186].

Taroi < *Taras* // Ср. *Таруево* в Веницком погосте на Ояти, а также *Таруевская* на Оште [ПКОП, 33, 226] и *Таруев* в Водской земле [Попов, 1981, 96].

Levoi (< *Леонтий*) // Ср. название деревни *Левуевская* [ПКОП, 226].

Timoi < *Тёма* (*Артемий*), *Тимофей* // Ср. *Тимуевы* в Водской земле [Попов, 1981, 96].

Mikoi < *Мика*, *Михаил* // Ср. *Микуев*, *Микуевский починок* [ПКОП, 98, 190], *Микуй*, *Микуев* и *Миккуевы* в Водской земле [Попов, 1981, 96]; ниже см. также *Мика*.

Причина достаточно регулярной передачи прибалтийско-финского *-oi*, *-oja* русским *-уй* (не *-ой*) пока неясна. А. К. Матвеев, говоря о тенденции к более закрытой артикуляции гласного, не берется решать, в языке-источнике или в русском языке развилось это явление [Матвеев, 2001, 258–259]. Можно лишь предполагать, что в прибалтийско-финских оригиналах *o* в безударной позиции звучал как [oʲ], что и провоцировало указанную передачу.

Так или иначе нам представляется, что в БГ многие личные имена прибалтийско-финского (иногда и саамского) происхождения изначально содержали йотовую финаль, характерную для древних водских, вепсских и карельских имен, а не приобретали ее на русской почве. Иными словами, имя *Алюй* произошло не из *Alo*, но из **Aloi*, *Симуй* не из *Simo*, но из **Simoi*, *Тадуй* не из *Tatu*, но из **Tatoi* (**Tadoi*) и т. д.

Ава или **Ави** (у Сидуя у Авиници: № 278, 1360–1380 гг.). Известны прибалтийско-финские имена *Auva, Auvi, Avo, Avi* < ст.-фин. *auvo* ‘радость’ [Хелимский, 2000, 334].

Алюй (оу Алюевиць: № 138, 1300–1320 гг.). Ср. ливск., эст. *Alo* (< герм. *Alo, Allo*) и патроним *Алюев* в Водской пятине (1500 г.) [Хелимский, 2000, 344]. Ср. также приб.-фин. *alli* ‘утка-морянка’.

Ваивас (№ 130, 1360–1380 гг.). Из фин. *vaiva* ‘труд, мучение, хлопоты’ (Halthoer) [Хелимский, 2000, 345]. Ср. также *vaiva(i)s-* в *vaivaiskoivu* ‘карликовая береза’, *vaiva(i)stalo* ‘убогий дом, богадельня’, *vaivasuus* ‘убожество’.

Валит (№ 130, 1360–1380 гг.). В летописях и иных документах неоднократно встречается карельское имя *Валит (Valittu)*, ср. карел. *vallita* ‘господствовать, властвовать’, фин. *valittu* ‘выбранный, избранник’ (Haavio, Halthoer) [Хелимский, 2000, 345].

Варма (оу Вармина сына: № 249, 1396 г.). Известно женское финское имя *Varma* < *varma* ‘надежный, верный’ (Halthoer) [Хелимский, 2000, 345].

Ваякша (*Ваивас Ваякишин*: № 130, 1360–1380 гг.). Ср. эст. *vaikse* ‘тихий’. С учетом семантики имени сына Ваякши (см. *Вайвас*) заслуживает внимания также приб.-фин. *vaja(a)* ‘неполный, недостаточный; бедный’ и его производные типа *vajaus* (основа *vajaukse-*) ‘недостаток, убыток, нужда, лишения’ [SKES, 1605–1607].

Въльют (№ 2, 1360–1380 гг.). Из приб.-фин. *vilja* ‘хлеб, жито’ с типичным антропонимическим суффиксом *-t(t)u* (Mägiste; Попов; Хелимский) или *velj-* ‘брат’ с деминутивным суффиксом *-ut*: ср. карел. *vell'ut* ‘братец’ (Беляков; Хмяляйнен) [Хелимский, 2000, 245–246; см. также: Шилов, 2002а, 151–152; Saarikivi, 2007, 215].

Въльязказ (№ 2, 1360–1380 гг.). Известны эстонские (XV–XVI вв.) имена *Willekasse, Willikas*, содержащие основу *vilja* ‘жито; хлеб’ с суффиксом продуктивности: фин. *-kas*, вепс. *-kaz*; ср. фин., эст. *viljakas* ‘плодородный, обильный’ (Mägiste; Попов) [Хелимский, 2000, 346]. Грамота № 2 приурочена к Водлозеру в Восточной Карелии, потому наиболее уместно сравнение с ливв. *vil'lakas*, вепс. *vil'akaz* ‘хлебородный, урожайный’.

Вигала ~ **Вигаль** (у Вигали: № 260, 1360–1380 гг.). В 1535 г. в Михайловском погосте Шелонской пятинны зафиксировано имя *Федко Власов* (сын) *Выгал* [Тупиков, 2004, 99]. Согласно Е. А. Хелимскому, *Выгал*, как и *Вигарь* (см. ниже), происходит от *viha* ‘гнев, злоба’ [Хелимский, 2000, 345]. Некоторая сложность такой трактовки состоит в том, что суффикс *-la*, вообще говоря, не характерен для прибалтийско-финской антропонимии¹⁰, в отличие от апеллятивной сферы

¹⁰Е. А. Хелимский с ссылкой на А. Форсмана указал на параллельное функционирование в древней прибалтийско-финской антропонимии суффиксов *-ri* и *-li, -la*, но вынужден был ограничиться случаями *Toivari ~ Toivali, Ihari ~ Ilali, Ihala*.

(откуда он, конечно, может попадать в антропонимию в составе цельнолексемных образований) [Хакулинен, 1953, 110–112]. Я. Саарикиви предполагает, что антропонимический суффикс *-la* мог быть заимствован в финский онимикон из древнерусского, ср. *Братила, Гостила, Добрила, Твердила* и др. [Saarikivi, 2007, 213]. Нам же представляется, что более вероятно образование гипокористик от прибалтийско-финских апеллятивов (или антропонимов), содержащих высокопродуктивный суффикс *-lainen* [Хакулинен, 1953, 137–138]. В нашем случае это значит, что *Вигала* происходит не от *viha* ‘гнев, злоба’, а от *viholainen* ‘крапива; муравей’ (фамилия *Viholainen* частотна в Финляндии).

Вигарь (№ 130, 1360–1380 гг.). Известно древнефинское имя *Vihari* от основы *viha* ‘гнев, злоба’ или *viha-* (в *vihanta, viherä*) ‘зеленый, цветущий’ [Хелимский, 2000, 345].

Вигуи (№ 25, 1400–1410 гг.). Возможно, в имени присутствует та же основа, что и в *Вигала, Вигарь* (см.). Ср. также саам. кильд. *viigg* ‘большой, сильный’.

Вихтимас (№ 2, 1360–1380 гг.). Известны ливские и эстонские имена *Vichtymys, Vichtemas*, а также финские с основой *Viht-* [см.: Saarikivi, 2006, 138–139¹¹]. Эта основа может восходить к приб.-фин. *vihta* ‘банный веник’ (Попов) или к фин. *vihtyä*, карел. *vihtyö*, вепс. *vihtutõda* ‘чувствовать себя хорошо, успокаиваться’ [Хелимский, 2000, 345] (*-mus, -mys* — суффикс отглагольных существительных; впрочем, второй компонент сложных имен сравнивался и с приб.-фин. *mies, mees* ‘мужчина’ [Saarikivi, 2007, 214]).

Воземут (№ 2, 1360–1380 гг.). Из приб.-фин. **vasem* (фин. *vasen*, карел. *vazen*) ‘левый’ с деминутивным суффиксом *-ut*: карел. *vazemut* ‘левенький’ (Беляков) [Хелимский, 2000, 345]. Ранее нами была предложена трактовка ‘левша’ [Шилов, 2002а, 151–152].

***Вы(й)мо** (оу вымолчовъ: № 248/249, 1396 г.). *Вымольцы* — жители селения Кирьяжского погоста Водской пятины, в русских документах известного как *Вымольский наволок* (1500 г.), *Вымола* (1571 г.), в шведских — как *Wijmola* (1590 г.), *Vimol Niemi* (1629 г.). Суффикс *-la* (*-la*) достаточно определенно указывает на отыменное происхождение ойконима, а именно — от личного имени *Viimo*, ср. фин. *viimo, viime* ‘крайний, последний в роду, последыш (среди детей)’. В Северо-Западном Приладожье в XVI–XVII вв. известны фамилии *Wijmoin, Wimoin, Wijmun* [Шилов, 2008, 135–137].

Гымуй (у Гымуева брата: № 403, 1360–1380 гг.). Известны прибалтийско-финские имена *Hima, Himo, Himoï*; ср. фин. *himo* ‘жажда, вождление’ (Елисеев) [Хелимский, 2000, 346]. В Писцовой книге Обонежской пятины 1563 г. названы *Гимоевы* [Попов, 1993, 55], в верховьях р. Суна издавна (по меньшей мере

¹¹ Монография Я. Саарикиви не имеет сплошной пагинации. Она состоит из введения и 5 статей, внутри которых имеется своя пагинация. Поэтому в ссылках на эту работу мы указываем страницы данной статьи.

с 1587 г.) существует поселок *Гимолы*. Гипотезу Я. Саарикиви о связи имени с фин. *huita* ‘дикий, отчаянный’ (откуда имена *Hiuma*, *Uima*) [Saarikivi, 2007, 217] следует отклонить: не прибалтийско-финское *ui* передавалось русским *ы*, а русское *ы* субституировалось финским *ui* [Mullonen, 2007, 164–165]. О русском *ы* как рефлексе прибалт.-фин. *i* см.: [Матвеев, 2001, 136–140].

Гювий (*Гювиев сын*: № 249, 1396 г.). Засвидетельствованы прибалтийско-финские имена *Hüvä*, *Hüviä*, *Hüvö* < *hüvä* ‘хороший’ (Попов) [Хелимский, 2000, 346]. Ср. фамилию одного из героев повести М. Лассила «За спичками» — *Хювяринен*.

Гюлопаи (№ 729, 1160–1180 гг.). Типичное прибалтийско-финское двухосновное имя, которое могло означать ‘тюленья голова’ (*hylje pää*) или ‘дурацкая голова’ (*hullu pää*) [Шилов, 2002а, 146]. Позднее на том же раскопе была найдена грамота № 926 (1-я четв. XIII в.), содержащая обращение *гюлопиницу* [НГБ, 2002]. *Гюлопинич* — явно потомок (сын?) *Гюлопая*. Сопоставление с финскими и карельскими именами *Holappa*, *Holorainen* < *holappa* < рус. *холопь* [Saarikivi, 2007, 232–233] следует отклонить.

Игала (№ 249, 1396 г.; *Игалин брат*: № 278, 1360–1380 гг.). Известно прибалтийско-финское имя *Ihala* < *iha* ‘довольный; влечение, желание’ (Попов) [Хелимский, 2000, 346]. Главный герой уже упомянутой повести «За спичками» носит фамилию *Ихалайнен*.

Иголаидь (*Иголаидовая*: № 278, 1360–1380 гг.). Возможно, это двухосновное имя, восходящее к прибалт.-фин. *iha* ‘прекрасный’ и *laita* ‘край, опушка; сторона’. С другой стороны, в финских и карельских именах частотен элемент *Laiti*, имеющий германские истоки [Saarikivi, 2007, 219].

Икагала (№ 278, 1360–1380 гг.). Известно древнефинское имя *Ikähalo*, связываемое с *ikä* ‘возраст, жизнь’ и *halu* ‘желание’ (Halther) [Хелимский, 2000, 346].

***Имоволод** (*Имвъоложъ*: № 573, 1160–1180 гг.; *имоволожане*: № 844, 885, 1140–1160 гг.) [НГБ, XI, 59, 85]. Топоним *Имоволоже* (или *Имоволожь*) присутствует также в рукописи рубежа XI–XII вв. («Ильина Книга»): начиная с 1268 г. он соответствует *Имоволожскому погосту* [НГБ, XI, 85–86; Крысько, 2006, 222] (ныне это поселение скрыто под водами Вышневолоцкого водохранилища). Опираясь на указанные данные, В. Б. Крысько обоснованно реконструировал имя **Имоволод*. Внешне оно схоже с рядом имен славянского (*Всеволод*) и скандинавского (*Рогволод*) происхождения, но первый его компонент на соответствующей почве необъясним. Поэтому В. Б. Крысько предположил, что **Имоволод* — заимствованная или адаптированная форма прибалтийско-финского имени *Himavalta* со значением ‘властолюбивый’, ср. фин. *himo* ‘(страстное) желание’ и *valta* ‘власть, сила’ [Крысько, 2006, 231]. Хотя это имя, насколько нам известно, письменными источниками не зафиксировано, оба его компонента активны в прибалтийско-финской антропонимии (см. выше *Гымуй*, а также [Saarikivi, 2006, 145–146]). В целом соглашаясь с такой реконструкцией, Я. Саарикиви замечает,

что подобная рефлексация прибалт.-фин. *h*- нетипична (в личных именах наблюдается *z*-, реже *x*-), поэтому полагает в качестве источника имени *Имоволод* какой-то особый язык финского типа [Saarikivi, 2007, 210–211]. Думается, в этом нет никакой необходимости. Указанное явление (*h*- → ∅) наблюдается как в апеллятивных [Мызников, 2004, 353], так и в топонимических заимствованиях из прибалтийско-финских языков [Муллонен, 1994, 93, 95] (к примерам *Имолово* (р. Паша) < **Himal*, *Имоченицы* (р. Оять) < **Himačal*, приводимым И. И. Муллонен¹², можно добавить *Им(м)алицы* на Олонце). С. А. Мызников определенно расценивает данное явление как одну из особенностей освоения русскими говорами неисконных слов [Мызников, 2004, 356].

Кавкагала (№ 249, 1396 г.). Имя трактуется как сложение фин. *kauko*- ‘дальний, далекий’ и *halu* ‘желание’ (Halthoer). Элемент *Kauka*, *Kauku* широко распространен в прибалтийско-финской антропонимии [Хелимский, 2000, 346].

Кърга (Ст. Р. № 20, 1140–1160 гг.). Видимо, отражает хорошо известное прибалтийско-финское имя *Kurga* < *kurgi*, *kurg* ‘журавль’ (подробнее см.: [Шилов, 2002а, 146–147]; здесь же критика русской версии, предложенной в: [ДНД, 278–279]). Начиная с работ Я. Калимы, в исследованиях неоднократно указывалось, что передача прибалт.-фин. *u* в виде *ъ* (а после прояснения ударного редуцированного — в виде *o*) типична для наиболее древнего слоя прибалтийско-финских заимствований в русском языке.

Кулба (№ 161, 1410–1420 гг.). Трактовка имени на русской почве отсутствует; предположительно можно сопоставить с фин. *kuhpra* ‘чаша, миска’, карел. *kuhprri* ‘щель’, *kuhpro* ‘деревянный чурбак, рогулька’.

Куръ (№ 690, 1360–1380 гг.); **Курила** (№ 373, 1410–1420 гг.). Я. Саарикиви считает имена *Куръ* и *Коурила* финскими. На наш взгляд, имя *Куръ* грамоты № 690 скорее является русским (многочисленные аналоги см.: [Тупиков, 2004, 219–220]). Сложнее вопрос с именем *Коурила* грамоты № 373. С одной стороны, оно может являться вариантом широко распространенного имени *Чурило* [Там же, 432–433], с другой — данное написание практически полностью совпадает с саам. *Kouril* (из рус. *Гаврила*) [Зайков, 1981]. Но нерусская именная основа *Kur*- (ср. прибалтийско-финские имена *Kuroi*, *Kuronen*) явно наличествует в ойкониме *Курола*, называющем один из родовых центров знаменитых «пяти родов карельских детей» в Кирьяжском погосте (Северо-Западное Приладожье). Этот ойконим присутствует в грамотах № 130 и 278 (1360–1380 гг.). Финская основа связывается с *kura* ‘грязь’ или **kura* ‘левша’ [Saarikivi, 2007, 229–230].

***Кучко** (*Кучковъ*: № 723, 1160–1180 гг.). *Кучково*, согласно свидетельству Ипатьевской летописи под 1176 г. [ПСРЛ, 2, стлб. 600], было альтернативным

¹²На них, кстати, ссылается В. Б. Крысько.

¹³Точнее, *Кучково* являлось крупным селом местного феодала, а Москва представляла собой небольшую крепость, возведенную князем Юрием на стрелке Москвы-реки и Неглинной.

названием Москвы на раннем этапе существования города¹³. Его топонимическим наследием было *Кучково поле* в районе Лубянской площади, упоминаемое летописями под 1379, 1394 и 1488 гг. Владельцем Кучкова был, естественно, некто *Кучко*. Это личность историческая, ибо летописям известны его сын Яким Кучкович и зять Петр Кучков — участники убийства Андрея Боголюбского (1174 г.) [ПСРЛ, 1, л. 124 об; 39, л. 100]¹⁴. Имя *Кучко* (не *Кучка*, как пишут некоторые авторы!) на русской почве объяснения не находит. В. Н. Топоров сравнивал его с прусскими топонимами *Kuczke, Kuczithen*, именем *Kutcze*, лит. *Kucaitis* без указания соответствующих апеллятивов [Топоров, 1972, 275]. Мы же, имея в виду возможное мерянское происхождение владельца Кучкова, обратим внимание на мар. *kiškys* ‘орел’, *kütšuk* ‘короткий’ [Raasonen, 1948, 54, 58], семантика которых типична для личных имен.

Кюпанок (№ 218, 1240–1260 гг.). Возможно, это *nomina regionalia*, включающее фин. *kyppö* ‘penis’, ср. топонимы Северо-Западного Приладожья *Kyppöniemi, Kyppömäk* [Nissilä, 1975, 45] (об активности терминов с данной семантикой в прибалтийско-финской топонимии см.: [Шилов, 1999а, 74]). Вторая часть имени в этом случае может восходить к карел. *nokka, n'ok(ke)* ‘нос, клюв; мыс’. Учитывая первое значение этого слова, можно полагать, что имя **Kyppänokka* отражает внешность его владельца. Впрочем, в [ДНД] предлагается чтение *Жюпанок*. В этом случае имя не является прибалтийско-финским.

Кюрик (*Кюрик Тюлпин*: № 138, 1300–1320 гг.; Пск. № 6, 1260–1280 гг.). Для имени предложено сопоставление с эст. *küirik* ‘горбатый’ [Хелимский, 2000, 346–347]. Однако, учитывая этимологию имени отца персонажа грамоты № 138 (см. ниже *Тюла*), а также распространенный в древности обычай давать членам семьи имена, относящиеся к одному семантическому полю (см. выше *Vaiwas Vajakšinn*), можно обратить внимание на фин., карел., вод. *kurikka*, ливв. *kurikku*, люд., вепс., эст. *kurik* ‘(деревянная) дубина’, в переносном значении ‘большая голова, башка’, в антропонимах (*Kurikka, Kurik, Kurikku*) ‘пустоголовый’ [SKES, 244; Nissilä, 1975, 152; Муллонен, 1994, 95].

Ладонга (№ 141, 1280–1300 гг.). При явно нерусском облике имени этимологию для него предложить трудно. На прибалтийско-финской почве компонент *Ладон-* можно сопоставить с *latu, ladu* ‘лыжня’ и многими другими лексемами. Компонент же *-нга* (искаженный при написании грамоты?) заманчиво сопоставить с частотными в древних прибалтийско-финских именах *poika, poiki, poiga, poig, poeg* ‘сын’. Впрочем, этот компонент может восходить и к приб.-фин. *pohja* ‘угол, край залива’, тогда имя — *nomina regionalia*. Не исключено и саамское происхождение антропонима, ср. саам. *ladd-* с целым рядом значений, в том числе — ‘финский’; ср. также саамские имена *Ladda(sh)* и *Puke* [KKLS, 1044, 1050].

¹⁴Сам *Кучко* прямо называется лишь в поздних и/или недостоверных документах [Карамзин, 1991, 310–311; Мачинский, 2003, 244].

Лѣинуи (№ 278, 1360–1380 гг.). Известно много имен на *Lein-*: все они связаны с фин. *leina* ‘горе, печаль’ [Хелимский, 2000, 347]. Зафиксировано также и саамское имя *Leain* [KKLS, 1045].

Лѣновихтъ (№ 44, 1360–1380 гг.). Можно предполагать, что это двухосновное имя, сопоставимое с фин. *leina*, *leino* ‘слабый, бессильный’ и *vihta* ‘веник (банный)’.

***Мѣкуи** (*Мѣкуеве*: № 2, 1360–1380 гг.). Допустимо сопоставление с приб.-фин. *täiki* ‘холм, гора’, но скорее — с *miekka* ‘меч’ (< герм.). Раньше название села читалось как *Ѣкуево* и связывалось с карел. *Jekku* < *Ефим* [Хелимский, 2000, 348] (к этой форме можно добавить саамское имя *Jekaja* и финское *Ikaja* [KKLS, 1041]). Я. Саарикиви не обратил внимания на старую форму и отдельно рассматривает имена *Мѣкуй* и *Ѣкуй*, одно из которых, таким образом, оказывается фантомом [Saarikivi, 2007, 229, 231].

Мели ~ **Мела** (*Ѣвану Мѣлицю*: № 534, 1380–1400 гг.). Известно древнефинское имя *Mieli* < *mieli* ‘душа, чувство, ум’ [Хелимский, 2000, 347], саам. *Miella* [Itkonen, 1962, 368–381].

Мѣлит (№ 130, 1360–1380 гг.). Ср. личное имя *Mielitty* < фин. *mielitty* ‘любимый’ (Наавио) [Хелимский, 2000, 347].

Мика (№ 2, 1360–1380 гг.). Антропоним фигурирует в грамоте в окружении прибалтийско-финских имен *Вихтимас*, *Вельют*, *Вельяказ*, *Воземут* (см. выше) и поэтому отождествимо с карел. *Miku*, фин. *Mikko* — гипокористическими соответствиями русских имен *Михаил*, *Микола*, *Микуфор* (Беляков) [Хелимский, 2000, 347]. Отметим и типичную для имен карельского происхождения форму *Микуй*, отразившуюся в именовании *Филипп Семенов сын Микуев* [АСМ, 1, 61].

Мѣстъка (*ко Мостоке*: № 776, 1140–1160 гг.). Имя (его носителем был лив) явно восходит к приб.-фин. *musta* ‘черный’ [НГБ, XI, 14].

Мунданахтъ (№ 403, 1360–1380 гг.). Грамота (в ней же *Гымуи*, см.) происходит из Кирьяжского погоста будущей Водской пятины. Имя, очевидно, является русификацией благожелательного прибалтийско-финского имени **Montanahkaa* ‘много мехов, шкур’ (подробнее см.: [Шилов, 2002а, 151, сн. 3]; там же о германской версии Ю. С. Елисеева).

Мундуи (№ 249, 1396 г.). Засвидетельствовано прибалтийско-финское имя *Monto*, *Monta* (< др.-нем. *Munt*, др.-прус. *Munte*) [Хелимский, 2000, 347].

Муномел (№ 278, 1360–1380 гг.). Внешне антропоним схож с двухосновными прибалтийско-финскими и саамскими именами, но точная этимология для него вряд ли возможна. Ср. фин. *tuin-* ‘передний, первый’, *tuona* ‘еда, пища’, *tuna* ‘яйцо; penis’ и *melu* ‘шум’, *mielu* ‘душа’, *mela* ‘весло, лопатка, мешалка’. Известны также саамские имена *Maun* и *Melledt* [KKLS, 1046], *Miella* [Itkonen, 1962, 368–381].

Нѣгль (№ 821, 867, сер. XII в.). Имя либо передает приб.-фин. **Niegl-* (из *nielga*, вепс. *negl* ‘игла, хвоя’), либо образовано уже на русской почве из *негла*

‘лиственница’, заимствованного из прибалтийско-финского источника [Шилов, 1999а, 43–47; подробнее см.: Шилов, 2002а, 147–148; здесь же критика русской версии].

Никуи (№ 496, 1430–1440 гг.). Форма имени однозначно говорит о его прибалтийско-финских истоках, но конкретный источник неясен. Оно равным образом может восходить и к рус. *Николай* (ср. выше *Мика*), и к фин., карел. *nika* ‘сухая сосна’, *nikka* ‘икота’, *nikko* ‘небольшой лосось’.

НовзѢ (*НовзѢлопинъ*: № 249, 1396 г.). Хорошо известны прибалтийско-финские имена *Nousia*, *Новзей* (в писцовой книге Водской пятины 1500 г.) из *nousta* ‘подняться’ [Хелимский, 2000, 347–348]. Ср. также *Иван Новзеев* (*Новзиев*) в Умбской волости на Кольском полуострове [АСМ, 1, 167, 221, 228]. Имя могло принадлежать и сааму (как в данном случае), и карелу.

Нустуи (№ 336, 1120–1140 гг.). Связано с прибалтийско-финской глагольной основой **nosta*- ‘поднимать, возвышать’ [Хелимский, 2000, 348].

Обокша (*оу Озькъ оу Объкъшь*: № 649/650, 1200–1220 гг.). Имя христианского происхождения (например, *Абакум*) в этом случае видеть невозможно: все известные на настоящее время двучленные именованья БГ содержат в качестве второго компонента либо прозвище, либо родовое имя (отчество, дедичество), но не христианское имя. В свое время мы предположили, что *Обокша* — пример *potina regionalia*, ср. *Обокша* — левый приток Северной Двины в ее низовьях [Шилов, 2002а, 149–150; 2005, 306]. Однако допустимо и сравнение с диал. (арх.) *обакуша* ‘малоподвижный человек, лежебока’ (см. *Обакуша* в новгородских землях в 1539 г. [Тупиков, 2004, 283]). Диалектизм может иметь прибалтийско-финское происхождение, ср. фин. *paksu*, карел. *pakši* ‘толстый’ [SKES, 471] (*pakšupii* ‘головастик’) [Шилов, 2009, 278].

Озка (*оу Озькъ оу Объкъшь*: № 649/650, 1200–1220 гг.). Ранее мы сопоставляли *Озка* с *Озарий* (*Азарий*), а также с угорскими антропонимами [Шилов, 2002а, 149–150]. Теперь нам видится более оправданным сопоставление с саамскими именами *Osk^{’E}*, *Osk*, *Oski* (*Оска* у Харузина, 1608 г.), *Uosk*, *Uoisk*, которые выводятся из *Оська* (*Осин*, *Иосиф*) или *Васька* [Зайков, 1981; KKLS, 1054] (в [Муллонен, 1994, 100] приводится вепс. *Os’ka* < *Оська*). С другой стороны, ср. саам. *woska* ‘окунь’ (с инновационным *v*-).

Ол(ь)ма (*от Олемова*: № 224, 1220–1240 гг.). Имя встречается уже в ПВЛ под 882 г. (*Ольмин двор* в Киеве) и имеет многочисленные интерпретации. В нашем случае заслуживает внимания саам. *olmai*, *olmaž* (ген. *olma*), *olma* ‘человек, мужчина’ (в конечном счете — ‘я, саам’) [KKLS, 11, 319], имеющее параллели в марийском (*ulma* ‘муж, мужчина’) и, возможно, в мерянском [Шилов, 2009, 281].

Оявелга (*оу [О]ъвъльге*; № 230, 1200–1220 гг.). Согласно мнению Е. А. Хелимского, это составной прибалтийско-финский антропоним, первый компонент которого сопоставим с *oja* ‘ручей’, второй — с *velho* ‘колдун, шаман’ [НГБ, X, 93].

Нам в этой трактовке кажется несколько странной семантика имени — ‘ручьевой колдун’. Возможно, имя представляет собой *nomina regionalia*, в котором первый компонент действительно отражает приоб.-фин. *oja*, а второй восходит к термину *вельга* ‘чистое, безлесное болото’¹⁵, известному в русских диалектах северо-запада Вологодской области и северо-востока Новгородской. Впрочем, допустимо и иное решение, ибо первая буква имени может быть прочтена не только как *О-*, но и как *С-*. Имя же **Сявелга* может быть истолковано как **Säävelho* ‘«погодный» колдун’, т. е. колдун, предсказывающий (или вызывающий) погоду (приоб.-фин. *sää* ‘погода’).

Питя (оу *Питина сына*: № 249, 1396 г.). Антропоним может быть сопоставлен с фин. *pitäjä* ‘владелец, обладатель’ или с карел. диал. *pitee* ‘змея’.

Пюхтя (оу *Пюхтино сына*: № 403, 1360–1380 гг.). Возможно сравнение имени с вепс. *pühüt* — уменьш. от *pü* ‘рябчик’ (не отсюда ли *пухта* ‘вид северной птицы’, указанное у Даля?), однако не исключена и связь с приоб.-фин. *puhdas* ‘чистый’. Во всяком случае, В. Ниссиля именно к этому слову возводит именование *Puhuttu, Iwann Puchdas Parda* «Иван Чистая Борода» (1640 г.), а также отыменной ойконим *Puhtula* (1595 г., округ Terijoki на Карельском перешейке) [Nissilä, 1975, 123, 140]. Наконец, известно финское имя *Puuyhtiä*, не имеющее, правда, надежного объяснения [Saarikivi, 2007, 225–226].

Рьмьша (№ 725, 1180–1200 гг.). Связано с фин., карел. *rimssu* ‘бахрома, лохмотья’ или карел. *remssu* ‘бездельник, праздношатающийся’ [Шилов, 2002а, 145]. О балтийской версии см.: [ДНД, 343–344].

Рокша / Рокышь (на *Рокыши*: № 789, 1075–1100 гг.). В издании говорится: «*Рокышь* — уникальное имя, по-видимому, родственное словам *рокопать, рокот, а также рокша* ‘сизоворонка’ (птица)» [НГБ, XI, 22–23]. Мы же отметим обилие топонимов (названий рек и заболоченных низин) с основами *Рокс-*, *Роки-* в Карелии (в основном — в Средней и Южной) и в Вепском Межозерье. Из апеллятивной лексики укажем саам. норв. *roakt ’šad* ‘ворчать, гудеть’, саам. кольск. *ruuksai* ‘рваный, ободранный’ и саам. кольск. *ropse*, саам. норв. *ruoksad* ‘красный’ > диал. *ruoksa* ‘бобренок’¹⁶.

Сел(ь)куи (оу *Селекоуевица*: № 138, 1300–1320 гг.). Е. А. Хелимский пишет, что, несмотря на вероятную прибалтийско-финскую принадлежность имени, не

¹⁵Мы полагаем, что источником рус. диал. *вельга* (а возможно, и приоб.-фин. **vielga*) могло являться саам. *vielgad* ‘белый’, ср. рус. *бель* ‘то же, что *вельга*’; район бытования русского диалектизма характеризуется высокой плотностью субстратной топонимии саамского типа.

¹⁶Иная («ландшафтная») трактовка соответствующих топонимов представлена в работе [Муллонен, Ляля, 2005, 94–95]. Нам «бобровая» их интерпретация представляется не менее обоснованной, так как места обитания бобров также привязаны к определенному типу ландшафта (вкуче с характером доминирующей растительности). Но, поскольку объектом рассмотрения является антропоним, термины ландшафта представляются менее актуальными, нежели те, что приведены нами.

удается сколько-нибудь точно определить фонетический облик источника [Хелимский, 2000, 344, *сн. б*]. Однако нам кажется, что в данном случае уверенно может быть восстановлено личное имя **Сел(ь)куй*, ср. *Овсейко Селкуев* и *Лутьяanko Селкуев* (р. Сума в Карельском Беломорье, 1582 г.) [АСМ, 2, 198]. Это имя явно восходит к приб.-фин. *selkä* ‘спина, хребет’. Менее вероятно, хотя полностью и не исключено, что антропоним является *nomina regionalia* от *selkä* ‘горный хребет, гряда; озерный плес; подсека’, ср. пос. *Сельги* в Центральной Карелии (известен с XVI в. как центр погоста) и именование *Василий Сидоров сын Селженин* [АСМ, 1, 241].

Селюи (№ 496, 1430–1440 гг.). Ср. антропоним *Селюга* [АСМ, 1, 48]. Возможно, в имени отражено карел. **Seloi* < *Селиван*, *Селиверст*, ср. также фин. *sielu* ‘душа’, *selja* ‘бузина’.

Сидуи (№ 278, 1360–1380 гг.). Возможно, в грамоте представлено имя **Sidoi* < рус. *Сидор*, *Исидор*. См. ниже *Шидь*.

Симуи (№ 496, 1430–1440 гг.). Это имя можно поставить в один ряд с карел. *Simo*, *Simoi* < *Семен* или предположить, что оно является прозвищным, ср. приб.-фин. *siima* ‘леска’, *sieme* (-i, -u) ‘глоток; напиток’.

Совкои / Совкуи (оу *Съвъкъя*: № 223, 1200–1220 гг.). Нет оснований предполагать в основе рус. *совок*: это слово в русском языке зафиксировано лишь в XVII в., надежно – с XVIII в. Грамота входит в блок с № 219, 230, где встречаются топоним *Сясь*, имена *Тушуи* и *Оявелга* (см.). Рассматриваемое имя практически совпадает со старым финским именем *Saukoi* < *saukko* ‘выдра’ [SKES, 982]; его также можно сопоставить с фин., карел. *savakka* ‘шустрый, проворный’.

Тадуй (№ 141, 1280–1300 гг.). Ср. фин. *Tatu*, карел. *Tadu* < *Давид* [Хелимский, 2000, 348]. Не исключено и то, что это неканоническое прозвищное имя, связанное, например, с фин., карел. *tade* ‘навоз’.

Тотъ (у *Тотова*: № 863, 1120–1140 гг.). Имя не находит поддержки в славянской лексике. В качестве возможного прибалтийско-финского этимона допустимы фин. *totto* ‘труба, трубка’, *toti* ‘серьезный, правдивый’.

Тукъ (оу *Тукова*: № 907, 1100–1120 гг.). Издатели указывают, что имя *Тукъ* может являться просто прозвищем (‘сало, жир’), но не исключено и иноязычное его происхождение [НГБ, XI, 101]. Действительно, русский антропонимикон этого имени не знает, за исключением *Ильи Туковича*, урядника полоцкого архиепископа (ок. 1580 г.) [Тупиков, 2004, 791] (укажем и новгородские ойконимы *Туково* [НПК, IV, 273], *Туковский десяток* [НПК, II, 710]). Вместе с тем уже в ПВЛ под 1068 и 1078 гг. упоминается *Туки брат Чудин* (брат Микулы Чудина — управителя Вышгорода) [ПСРЛ, 1, 114, 132] (подробнее, с критикой скандинавской версии происхождения этого имени: [Шилов, 1996, 39]). В Северо-Западном Приладожье в XVII в. отмечены явно отыменные ойконимы *Tukiala*, *Tukianmäki* и имя (1551 г.) *Pitkätukka* «длинные волосы» (фин. *tukka* ‘волосы’) [Nissilä, 1975,

142, 151]. Таким образом, имя *Тукъ* в случае прибалтийско-финского происхождения могло означать ‘волосатый’. Приведем еще фин. *tukki* ‘бревно’, *tuki* ‘подпорка’, *tukko*, *tukku* ‘пучок, куча’.

Тушуи (оу *Тоушоуевичи*: № 219, 1200–1220 гг.). Форма имени (см. выше об именах на -уй) не позволяет сравнивать его с рус. *туша*. В то же время фонетически и семантически оправданным видится сопоставление с фин. *tussu* ‘нерасторопный, глупый человек’, вод. *tušši* ‘дряхлый старик’, эст. *tuss* ‘старый, слабый человек’. Ср. также вепсский отыменной ойконим *Tušla*.

Тюлна (оу *Кюрика оу Тюлпина*: № 138, 1300–1320 гг.). Прозвище связывается с прибалтийско-фин. *tülpä*, *tülp* ‘тупой’ [Хелимский, 2000, 348]. Видимо, из прибалтийско-финского источника было заимствовано рус. диал. (арх.) *тюльпа* ‘дурак’¹⁷, от которого могли быть образованы уже русские по происхождению имена, ср. *Иван Тюльпа* (Смоленск, 1597) [Тупиков, 2004, 407], *Алексей Тюльпа* (Пияльская волость на Онеге, 1518/1519 г.) [АСМ, 1, 32, 34]. Ср. еще именование *Фудри Тулбовъ* (договор Игоря с греками 944 г.), первый компонент которого также имеет приемлемую прибалтийско-финскую интерпретацию [Шилов, 1996, 42]. Сравнение с финскими именами *Tolppi*, *Tulppo* [Saarikivi, 2007, 237] представляется менее убедительным.

Уда (№ 124, 1400–1420 гг.). В [ДНД] указываются древнерусские имена *Уда*¹⁸ и северные ойконимы *Удино*. Если имя не восходит к *уда* ‘удочка’, оно может быть нерусским по происхождению. Я. Саарикиви приводит старые финские имена *Utunen*, *Utula*, *Utukka*, *Utupää*, *Udukais*, но признает, что апеллятивной поддержки они не имеют [Saarikivi, 2007, 227]. Имена с основой *Uma-*, *Уда-* встречаются и у саамов [Itkonen, 1962, 368–381]; ср. также *Уда* — пр. Нижнего Выга, *Удоев наволок* (из имени **Удой*)¹⁹ в Кижском погосте [ПКОП, 128], *Udd-jogk* на Кольском полуострове. Их можно предположительно сопоставить с саам. *ouDa*, *audt(a)* ‘передний, первый’ или *udd^a* ‘новый’ (ср. русские имена *Первой*, *Новик*).

Урока (№ 153, 1180–1200 гг.). Сравняется с *Ураков* [Тупиков, 798] — из диал. *урак* < фин. *urakka* ‘годовалый олень-самец’. Форма *Урока* может быть ранним отражением прибалтийско-финского оригинала [НГБ, X, 88–89].

***Шуда/Шидь** (*Шидовичи* в Бежецком Верхе, т. е. в верховьях Мологи: № 789, 1075–1200 гг.). В Деревской пятине отмечен антропоним *Оксенко Шидин* (1495 г.)

¹⁷П. И. Дилакторский приводит также сольвычегодское *тюльпак* ‘чурбан, толстый обрубок бревна’ (ср. с семантикой слова *болван*) и тотемское *тюльпес* ‘неуклюжий, неловкий’ [Дилакторский, 2006, 516].

¹⁸*Иван Андреевич Уда* в Москве (1401 г.), *Истома Удин* и *Дмитрий Удин* в Белоозере (XVII в.) [Тупиков, 2004, 409, 797].

¹⁹Это название сопоставлялось и со скандинавскими именами *Udde*, *Ud*, шведским *udde* ‘мыс’. Правда, позднее автор этого сравнения указал и карельские имена *Uto*, *Utoi*, саамское *Udto* [Агапитов, 1990; 2000, 54].

[Тупиков, 2004, 840], а также отыменные ойконимы *Шидово* и *Шидовица* [НПК, I, 94, 845]. Ср. карел. *sitta, šitta* ‘дерьмо, навоз; дурной человек’ [SKES, 1048] и приб.-фин. *hiisi* < **šiiti*, фин. *siitoa*, саам. *siida* ‘черт, леший, злой дух’. Ср. и явно нерусское имя **Сидъ* (патроним *Сидовы* в грамоте № 476 2-й пол. XIV в.).

Я. Саарикиви допускает финское происхождение отмеченных в БГ имен *Ладога*, *Винила*, *Кулотка*, *Гавъко*, *Хъмунъ*, что кажется нам сомнительным, а иногда и невозможным. Абсолютно неприемлемой представляется и трактовка гапакса *вытол* грамоты № 600 (1220–1240 гг.), предложенная Й. Лааксо, которая сравнивает *вытол* с фин. диал. **voitleja* (> эст. *võitleja*) ‘боец, драчун’ и с именем *Wottele* из хроники Генриха Латвийского [Laakso, 2005]. Текст грамоты отчетливо указывает не на имя, а на социальную сущность ее персонажа — «бродяга» (< *vetVIV* с заднерядным гласным *V*), как убедительно показано Е. А. Хелимским [2000, 339–341] (см. также комментарий: [Шилов, 2002а, 148–149])²⁰.

Статистика этнической принадлежности, точнее, происхождения личных имен БГ чрезвычайно красноречива. Из приблизительно 1 050 имен (но отнюдь не персонажей, ибо многие имена повторяются в БГ неоднократно), привлеченных нами к анализу, к неславянским можно отнести 73 (около 7 %). В их числе 2 балтийских, 2 немецких, 5 скандинавских и 64 (!) прибалтийско-финских и саамских (возможно, одно мерянское). Эти цифры сами по себе убедительно свидетельствуют о соотношении пришлого германского и местного финского элементов в политической и особенно хозяйственной истории древнего Новгорода (см. по этому поводу также: [Шилов, 1996, 32–49; 1999б]).

Примечательно, что среди «финских» личных имен БГ пока не обнаружено пермских или волжских по происхождению (единичные апелляции к соответствующим данным в случаях *Кучко* и *Олма* не меняют общую картину). Это соответствует географии БГ, представленной в работе [Шилов, 2005, 299–305]. Весьма показательным является присутствие в БГ саамских по происхождению антропонимов и квазиэтнонимов *вежники*, *шестники*, что, как нам кажется, еще раз свидетельствует о былом, причем достаточно позднем, проживании лопарей-саамов в новгородском регионе (а не только на территориях позднейшего — уже в московское время — русского освоения Средней и Северной Карелии). Об этом мы уже писали, опираясь на собственные топонимические изыскания и этноисторические выводы Д. В. Бубриха, А. Н. Кирпичникова и других исследователей [Шилов, 1996, 20–31].

Относительно этнической принадлежности персонажей БГ, носящих те или иные имена, однозначные количественные выводы делать вряд ли возможно. Так, из перечисленных 62 прибалтийско-финских и саамских имен к последним

²⁰Претензии Я. Саарикиви относительно несоответствия вокализма [Saarikivi, 2007, 238] безосновательны: он, видимо, оставил без внимания точную и последовательную аргументацию Е. А. Хелимского.

можно достаточно уверенно отнести 3 и предположительно (с прибалтийско-финской альтернативой) — 4 или 5. Саам (*лопинь*) *Новзеи* носит имя прибалтийско-финского происхождения (в документе 1563 г. на севере Карелии названы *лопляне* даже с русскими именами: *Поздейко* и *Ивашко Великая Голова* [СГКЭ, № 137]), а *Сменко корелинь* носит русское имя.

Еще более сложен случай с именем *Якун*. В комментариях к соответствующим грамотам (см. выше) оно однозначно трактуется как скандинавское по происхождению с ремаркой: «Это имя получило в Новгороде значительное распространение (многократно встречается в НПЛ)» [ДНД, 320]. Действительно, в Новгородской первой летописи упоминается целый ряд персонажей с этим именем²¹. Однако при ближайшем рассмотрении его скандинавское происхождение в ряде случаев может быть поставлено под сомнение. Дело в том, что в берестяных грамотах встречается имя *Якша*, которое потенциально может быть гипокористикой как от саамского *Якун*, так и от русских *Яков* или *Яким* [Гиппиус, 2004, 165]. В грамоте 1-й пол. XII в. (Ст. Р. № 36) имя *Якша* встречается в окружении многочисленных имен — исключительно древнерусских (языческих). Поэтому крайне маловероятно, чтобы оно восходило к христианскому *Яков* (или *Яким*). Следовательно, здесь мы можем обоснованно видеть гипокористику от языческого (скандинавского) *Якун*. Но адресата комплекса грамот с Троицкого раскопа (усадьба Е) 2-й четв. — сер. XII в. (№ 812, 821, 870, 885), также именуемого *Якшей*, А. А. Гиппиус уверенно связал с известным по летописям новгородским посадником Якуном Мирославовичем [Гиппиус, 2004], отметив, что с ним может быть отождествлен и староста *Якун* грамоты № 676 (см. выше). Казалось бы, вопрос выяснен: скандинавского происхождения имя *Якун* в какой-то период было популярно в новгородском ономастиконе. Однако А. А. Гиппиус указывает, что с тем же Якуном может быть отождествлен и адресат грамоты № 890 (происходящей из того же комплекса той же усадьбы Е) по имени *Яков*. При этом чуть раньше по тексту делается оговорка: «Сохранение “варяжского” имени *Якун* в древнерусском антропонимиконе скорее всего объясняется его соотносительностью с именем *Яков*» [Там же, 173]. По нашему же мнению, во многих случаях можно говорить не о скандинавском происхождении имени *Якун*, а о том, что оно само наряду с *Якша* являлось (в Новгороде, во всяком случае) гипокористикой от имени *Яков*. К этому приведем именованья предков посадника Якуна (Якши-Иакова?) Мирославовича — также новгородских посадников (посадником был и его сын Дмитрий Якунич): *Мирослав* (в БГ — *Мирошка*) *Горятинич*

²¹Это посадник *Якун Мирославич* (1137–1176 гг.), его сын посадник *Дмитр Якунич* (1211 г.), новгородцы *Якун Зубец* и *Якун Зуболомич* (одно и то же лицо?) (1215 г.), тысяцкий *Якун Намнежич* (1215–1219 гг.) и его сын *Христофор Якунович*, новгородец *Якун Моисеевич* (1228 г.), посадник *Сбыслав Якунович* (1229, 1240 гг.), тысяцкий *Фед Якунович* (1234 г.), новгородец *Якун* (1255 г.), посадник *Григорий Якунович* (1389 г.) [НПЛ].

(в крещении — *Иаков!*), *Гюрята Рогович* (информант Нестора-летописца о народах Северного Урала). Не странно ли, что «варяжское» имя вдруг всплыло в третьем (известном нам) поколении семьи, чьи представители доселе носили славянские имена?²² Тем больше у нас оснований утверждать, что более поздние фиксации имени *Якун* (в том числе и в грамоте № 257, см. выше) с варяжским наследием вряд ли связаны²³.

В заключение отметим, что большинство указанных имен являются изначально прибалтийско-финскими, но некоторые (*Негль, Обокша, Тюлна, Урока*) могли возникнуть уже в русском языке на основе заимствованных апеллятивов.

-
- Агапитов В. А.* Скандинавские черты в топонимии Заонежья // Европейский Север: история и современность. Петрозаводск, 1990. С. 117–118.
- Агапитов В. А.* Путешествие в древние Кижы. Петрозаводск, 2000.
- АСМ, 1 — Акты Соловецкого монастыря 1479–1571 гг. Л., 1988.
- АСМ, 2 — Акты Соловецкого монастыря 1572–1584 гг. Л., 1990.
- Гиппиус А. А.* О нескольких персонажах новгородских берестяных грамот XII века // НГБ. XI. 2004. С. 164–174.
- Дилакторский — Словарь областного вологодского наречия / По рукописи П. И. Дилакторского. СПб., 2006.
- ДНД — *Зализняк А. А.* Древненовгородский диалект. М., 1995.
- Зайков П. М.* Адаптация русских христианских имен в кольско-саамских диалектах // Прибалтийско-финское языкознание. Л., 1981. С. 55–61.
- Карамзин Н. М.* История государства Российского. Т. II–III. М., 1991.
- Криничная Н. А.* Предания Русского Севера. СПб., 1991.
- Крысько В. Б.* Еще раз об Имоволожи // Slavica Helsingiensia. 27. Helsinki, 2006. P. 222–233.
- Ларин Б. А.* Три иностранных источника по разговорной речи Московской Руси XVI–XVII веков. СПб., 2002.
- Лескинен В. Т.* Карелы // Системы личных имен у народов мира. М., 1989. С. 157–160.
- Матвеев А. К.* Материалы для словаря финно-угро-самодийских заимствований в говорах Русского Севера // Этимологические исследования. Вып. 6. Екатеринбург, 1996. С. 211–254.
- Матвеев А. К.* Субстратная топонимия Русского Севера. I. Екатеринбург, 2001.
- Мачинский Д. А.* Вновь открытые источники по истории Руси IX–XII вв. // Ладога: первая столица Руси. 1250 лет непрерывной жизни. (Седьмые чтения памяти Анны Мачинской. Старая Ладога, 21–23 декабря 2002 г.). СПб., 2003. С. 156–300.

²²А. А. Молчанов возводит род Гюрятиничей к выходцу из Скандинавии Регнвальду Ульвссону, двоюродному брату Ингигерд, жены Ярослава Мудрого, вместе с нею прибывшему на Русь и получившему (согласно скандинавским источникам; источники русские этого факта не знают) в управление Ладогу как «ярлство» [Молчанов, 1997, 80–84].

²³Имеются в виду следующие примеры: в Тобольской округе — *Якун(ь)ка Лук(ь)янов сынъ Плясовской* (1681 г.), в Зауралье же — *деревни Нижнего Яру Якунки Рышка сестра Анна* (1690 г.), *Якун Поволски(й)* (1635 г.) [Парфенова, 2002, 11, 16, 32], *Якунка Кузьмин* — крестьянин деревни Павловской Прилуцкой волости (XVI в.) [АСМ, 1, 127].

- Молчанов А. А.* Ярл Регнвальд Ульвссон и его потомки на Руси (о происхождении ладожско-новгородского посадничего рода Роговичей-Гюрятиничей) // Памятники старины: Концепции. Открытие. Версии. Памяти Василия Дмитриевича Белецкого. СПб.; Псков, 1997. С. 80–84.
- МСФУСЗ — Материалы для словаря финно-угро-самодийских заимствований в говорах Русского Севера. Вып. 1. Екатеринбург, 2004.
- Муллонен И. И.* Очерки вепсской топонимии. СПб., 1994.
- Муллонен И. И.* *Кивоя* и *Кивручей*: две адаптационные модели в топонимии Присвирья // Ономастика Карелии. Петрозаводск, 1995. С. 4–17.
- Муллонен И. И., Ляля Е. В.* Геоинформационная система «Топонимия Заонежья» // Вопр. ономастики. 2005. № 2. С. 86–96.
- Мызников С. А.* Лексика финно-угорского происхождения в русских говорах Северо-Запада. Этимологический и лингвогеографический анализ. СПб., 2004.
- НГБ, VII — *Арциховский А. В., Янин В. Л.* Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1962–1976 годов). М., 1978.
- НГБ, X — *Янин В. Л., Зализняк А. А.* Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1990–1996 годов). М., 2000.
- НГБ, XI — *Янин В. Л., Зализняк А. А., Гипциус А. А.* Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1997–2000 годов). М., 2004.
- НГБ, 2002 — *Зализняк А. А., Янин В. Л.* Берестяные грамоты из новгородских раскопок 2002 г. // Вопр. языкознания. 2003. № 4. С. 3–11.
- НПК — Новгородские писцовые книги. Т. I–VI. СПб., 1859–1910.
- НПЛ — Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М., 2000.
- Парфенова Н. И.* Русские фамилии конца XVI–XVIII вв. (по архивным источникам Зауралья): Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 2002.
- ОСРЯ — Обратный словарь русского языка. М., 1974.
- ПКОП — Писцовые книги Обонежской пятины 1496 и 1563 гг. Л., 1930.
- Попов А. И.* Следы времен минувших. Из истории географических названий Ленинградской, Псковской и Новгородской областей. Л., 1981.
- Попов А. И.* Непочатый источник истории Карелии (карельская топонимика) // Родные сердцу имена (ономастика Карелии). Петрозаводск, 1993. С. 28–68.
- ПСРЛ — Полное собрание русских летописей. Т. 1–42. СПб.; Пг.; Л.; М., 1841–2003.
- СГКЭ — Сборник грамот коллегии экзотии. Т. 2. Л., 1929.
- ССРЛЯ — Словарь современного русского литературного языка: В 17 т. М.; Л., 1948–1965.
- Топоров В. Н.* Baltica Подмосковья // Балто-славянский сборник. М., 1972. С. 217–280.
- Туников Н. М.* Словарь древнерусских личных собственных имен. М., 2004.
- Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка. Т. I–IV. СПб., 1996.
- Хакулинен Л.* Развитие и структура финского языка. Ч. 1. Фонетика и морфология. М., 1953.
- Хелимский Е. А.* Компаративистика, уралистика. М., 2000.
- Шаскольский И. П.* Новгородские владения на берегах Ботнического залива (XIII–XIV вв.) // Новгородский исторический сборник. Вып. 6 (16). СПб., 1997. С. 144–164.
- Шилов А. Л.* Чудские мотивы в древнерусской топонимии. М., 1996.
- Шилов А. Л.* Есть ли скандинавская топонимия в Карелии? (О топонимических свидетельствах в решении этноисторических проблем) // Вопр. языкознания. 1999а. № 3. С. 122–131.
- Шилов А. Л.* Заметки по исторической топонимике Русского Севера. М., 1999б.
- Шилов А. Л.* Из наблюдений над берестяными грамотами // Финно-угорское наследие в русском языке. Вып. 2. Екатеринбург, 2002а. С. 145–158.
- Шилов А. Л.* Размышления над статьей Й. Койвулехто о прибалтийско-финских этнонимах // Финно-угорское наследие в русском языке. Вып. 2. Екатеринбург, 2002б. С. 211–227.
- Шилов А. Л.* Некоторые вопросы интерпретации севернорусских диалектизмов // Этимологические исследования. Вып. 8. Екатеринбург, 2003. С. 87–93.

- Шилов А. Л.* Ономастика берестяных грамот // Лексический атлас русских народных говоров: Материалы и исследования. 2005. СПб., 2005. С. 298–325.
- Шилов А. Л.* Историко-географические комментарии к берестяным грамотам 248, 272 и 590 // Новгород и Новгородская земля. История и археология. Вып. 22. Великий Новгород, 2008. С. 133–142.
- Шилов А. Л.* Несколько комментариев к первому выпуску нового «Русского этимологического словаря» // Рус. яз. в научном освещении. № 17. М., 2009. С. 277–288.
- Itkonen T. I.* Lappalaisia henkilönnimiä 1500- ja 1600-luvulta // Virittäjä, 1962. No. 4. P. 368–381.
- KKLS – *Itkonen T. I.* Koltan- ja kuolanlapin sanakirja. Osa 1, 2. Helsinki, 1948.
- Laakso J.* Der gefangene Kämpfer oder ein kleiner Nachtrag in den Nowgoroder Birkenrindenschriften // Veröffentlichungen der Societas Uralo-Altaica. 65. Wiesbaden, 2005. S. 219–225.
- Mullonen I.* Ancient place names of Obonež'e in the context of ethnic and linguistic contacts // Slavica Helsingiensia. 32. Helsinki, 2007. P. 163–175.
- Nissilä V.* Suomen karjalan nimistö. Joensuu, 1975.
- Paasonen H.* Ost-Tscheremissische Wörterbuch. Helsinki, 1948.
- Saarikivi J.* Substrata Uralica. Tartu, 2006. Article 3.
- Saarikivi J.* Finnic personal names on Novgorod birch bark documents // Slavica Helsingiensia. 32. Helsinki, 2007. P. 196–246.
- Sitzmann A.* Die skandinavischen Personennamen in den Birkenrindeninschriften // Scando-Slavica. 53. Copenhagen, 2007. P. 25–31.
- SKES — Suomen kielen etymologinen sanakirja. Osa 1–6. Helsinki, 1955–1978.

СЛОВАРЬ МИКРОТОПОНИМОВ МОРАВИИ И СИЛЕЗИИ: ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ И ИНТЕРПРЕТАЦИОННЫЙ АСПЕКТЫ*

Ключевые слова: славянские языки, чешский язык, топонимия, ономастическая лексикография.

В первой части статьи автор информирует о новом компьютерном проекте «Словаря моравских и силезских топонимов», который составлялся отделением диалектологии Академии наук Чешской Республики (г. Брно) с 2005 г.; сообщает о его целях и концепции. Автор указывает перечень импульсов, побудивших к работе над данным проектом, а также обосновывает необходимость создания подобных словарей для чешских областей Богемия, Моравия и Силезия. Во второй части статьи автор демонстрирует заявленные теоретические и интерпретационные положения на конкретных примерах.

Цель статьи — представить проект электронного «Словаря микротопонимов Моравии и Силезии», объяснить причины, цели и теоретические предпосылки его создания, продемонстрировав несколько примеров подачи словарных материалов.

Чешская Республика состоит из трех исторических земель — Чехии (Богемии), Моравии и чешской части Силезии. В настоящее время Чехия делится

* Статья написана при поддержке гранта (GA IIR) № 405/08/0703.

© Шипкова М., 2010

не на эти исторические земли, а на 14 новых областей. Одним из словарей, который учитывает традицию разделения на исторические земли вплоть до настоящего момента, является «Словарь микротопонимов Моравии и Силезии» (*Slovník pomístních jmen na Moravě a ve Slezsku*). Он создается в диалектологическом отделе Института чешского языка Академии наук Чешской Республики в Брно параллельно со «Словарем микротопонимов Богемии» (*Slovník pomístních jmen v Čechách*), выпускаемым под руководством Яны Матушовой в ономастическом отделе в Праге. С лингвистической точки зрения важно, что регионы Моравии и Силезии сохранили значительные диалектные различия. На территории Богемии диалекты в значительной степени нивелированы. Эта ситуация отражается в языковой форме микротопонимов.

Работа над Словарем началась в 2005 г. после завершения самого значительного к тому времени труда по чешской диалектологии — пятитомного «Чешского лингвистического атласа» (*Český jazykový atlas*), который составлялся на протяжении 1992–2005 гг. Шестой том — «Дополнения» (*Doplňky*), — основанный приблизительно на 1 600 картах, сопровождаемых пространственными комментариями, дает полное представление о географической дифференциации чешского национального языка.

Важным стимулом для начала работы над «Словарем микротопонимов Моравии и Силезии» стало для нас то, что в Праге создается аналогичный словарь для Богемии (*Slovník pomístních jmen v Čechách: A — 2005; B—Bau — 2006; Bav—Bíd — 2007; Bíg—Bož — 2008*) и что подготовительная работа над словарем микротопонимов ведется также в соседней Словакии¹. Преимущество нашего Словаря состоит в уникальном, презентабельном, относительно полном материале, а также в теоретической и методологической концепции.

Словарь включает около 225 000 записей, собранных при обследовании 96 % территории. Материал собирался с помощью анкетного опроса, полевых записей и специального поиска в рамках дипломных и диссертационных исследований. Анкетирование проводилось в Моравии и Силезии в 1965–1989 гг. и было составной частью общенационального исследования, которое стало одним из крупнейших проектов чешской (и славянской) ономастики. Целью исследования было получение полного перечня микротопонимов из кадастра каждого населенного пункта тех частей Моравии и Силезии, в которых постоянно проживали чехи. Населенные пункты в пограничных областях, вновь заселенные после 1945 г., систематически не обследовались.

Важным доводом в пользу создания словаря микротопонимов было то, что мы можем продолжить разработку теоретической и методологической концепции чешской ономастической школы (В. Шмилауэр, Р. Шрамек, И. Люттерер,

¹ О подготавливаемом словаре словацких микротопонимов и проблематике терминологии см. [Valentová, 2009].

Я. Плескалова, Л. Оливова-Незбедова, М. Гарвалик и др.²). В чешской ономастике лексикографически обработан ойконимический [Profous, 1947–1960; Hosák, Šrámek, 1970–1980] и антропонимический [Beneš, 1962; Svoboda, 1964; Pleskalová, 1988; и др.] материал. Следовательно, остается лексикографически обработать третий класс имен — названия ненаселенных объектов. В чешской ономастике они называются *pomístní jména*, в соответствии с терминологией, установленной терминологической комиссией Международного комитета по славянской ономастике [Osnoven system i terminologija na slovenskata onomastika, 1983], или *anoikonyma*. В ономастике их называют также *микротопонимы*, *nazwy geograficzne*, *minor place names*, *field names*, *Flurnamen* и т. д.

Словарь включает названия ненаселенных пунктов, т. е. полей, лесов, холмов и гор, вод и дорог, названия отдельных деревьев, камней, скал, каменных крестов и других объектов, которые помогают ориентироваться на местности, а также названия частей населенных пунктов, одиночных зданий и строений. Хотя в этом случае речь идет о населенных объектах, их названия часто представляют собой продолжение исходного микротопонима, например *Háje* ‘рощи’, *Čtvrťe* ‘поселки’.

Выше уже говорилось о том, что одной из причин, побудивших к работе над Словарем, было то обстоятельство, что в Праге создается «Словарь микротопонимов Богемии». В этой статье нет места для подробного объяснения того, почему в настоящее время на территории бытования чешского национального языка разрабатываются два словаря. Отметим лишь разное время начала работы над словарями, отличия в концепциях обоих словарей, накопление чешского материала преимущественно в Праге, а моравско-силезского в Брно, а также возможность использования для его обработки и презентации достижений в области компьютерной техники. Современные технологии позволяют не только регистрировать лингвистический материал, но и создавать интерактивный электронный словарь (наряду с классическим «бумажным» словарем) на основе оригинальной компьютерной программы.

Цели нашего Словаря — показать вариативность микротопонимов, прояснить структурные модели названий, установить их соотношение с названными объектами, уточнить мотивационный аспект номинации, а также показать географическую и частотную дистрибуцию отдельных типов названий и их элементов. В связи с глубокой диалектной дифференциацией Моравии и Силезии особое внимание уделяется учету диалектных вариантов микротопонимов. Словарь разноаспектно представляет весь микротопонимический материал восточной части Чешской Республики и дает синхронный системный срез микротопонимии Моравии и Силезии второй половины XX в.

Территория Моравии и Силезии всегда принадлежала к областям тесного взаимодействия различных этнических групп и языков. О многолетних

² Об истории чешской ономастики и ее достижениях см. [Šrámek, 2007, 377–425].

межъязыковых и социокультурных чешско-немецких контактах свидетельствуют, например, микротопонимы *Dajčák*, холм (*Deutsch* + *суффикс -ák*, Linhartice SY), *Na Bambizi*, часть населенного пункта (<*Baumwiese*, Lažínky TR), *Bandehýbl*, луг (< *bei dem Hügel*, Letovice BK), *Funčachta*, бывшая шахта (< *Fundschachte*, Petřvald KA) и др. В соответствии с принятой концепцией в Словаре будут представлены микротопонимы не только с чешскими, но и с немецкими корнями (основами): *acker(l)-*, *acht(el)-*, *-bach-/-pach-*, *-berg-/-berk-/-perk-*, *breit-*, *-brenn-/-brannt-/-brand-*, *-burg-/-burk-/-purg-/-purk-*, *-dorf-*, *eich(el)-*, *-eis-*, *end(e)-*, *-engel-*, *-erb-*, *-fisch-*, *-frei-* и т. д. Немецкие по происхождению названия в основном были адаптированы к нормам чешского языка, они встречаются главным образом на окраине традиционного чешского заселения, вблизи населенных пунктов, где превалировало немецкое население.

Микротопонимы свидетельствуют также о других языковых контактах — чешско-польских, чешско-словацких. О чешско-польских контактах говорят, например, записанный в области города Карвин микротопоним *Grobla*, который называет плотину и часть населенного пункта (польск. диал. *grobla* ‘плотина’); микротопоним *Budel*, обозначающий здание (польск. диал. *budel* ‘жилой дом в шахтерской колонии’); микротопонимы *Bocuněc*, называющий дом и поле, и *Bocuny* — часть населенного пункта, пастбище, поле (< польск. диал. *klobocian* или кашуб. *klobocian*), оба зафиксированы только в области городов Карвина и Фридек-Мистек.

Чешско-словацкие контакты подтверждает, например, микротопоним *Falatky* (лексема *falatok* ‘часть земельного участка’ была заимствована из венгерского языка через посредничество словацкого). Заимствованы также микротопонимы, типичные для так называемой карпатской (валашской) пастушеской колонизации (конец XV–XVI в.), например микротопонимы *Grúň* (*grúň* ‘косогор’) или *Grapa* (*grapa* ‘обрыв’). Обработка моравских и силезских микротопонимов может стать методологической основой при интерпретации микротопонимии для «Славянского ономастического атласа».

В настоящее время из предполагаемого общего количества 225 000 записей обработано (оцифровано) 100 000, т. е. почти половина материала; из запланированных 33 000 словарных статей обработано (находятся на разных стадиях рецензирования) 6 000 статей.

Кратко проиллюстрируем полученные результаты нашей работы на примере микротопонимов, содержащих лексему *баба*. Статья в Словаре начинается с заглавного слова, которое выделено полужирным прописным шрифтом. В нашей работе приведен пример основной составной статьи (ВАВА/ВАВА) и основной статьи (ВАВКА). Статья состоит из трех частей. Первая часть содержит структурированный перечень материала. Буква **а** обозначает беспредложные названия, буква **в** — названия с предлогом, секция **I** учитывает названия, не выражающие посессивности; секция **III** учитывает названия, выражающие

посессивность посредством посессивного прилагательного. Индекс показывает фреквенцию и одновременно продуктивность микротопонимов, относящихся к заглавному слову. Вторая часть содержит перечень объектов; индекс показывает фреквенцию. Третья часть объясняет происхождение названий, их структуру, мотивацию и географическую дистрибуцию. Географическая дистрибуция показана на картах разного типа.

ВАВА₁₆₄ f. /ВÁВА₁₄ f.

1 I a *Baba*₅₀, *Bába*₄; *Baby*₁₁; *Malá/Velká Baba*, *Krkatá baba*, *Panská/Selská Baba*; *Zadní Baby*, *Malé₃/Velké₄ Baby*, *Panské₂ Baby*, *Jankovy/Silákovy/Votavovy Baby*; *Baby u Rokytne* **b** *K Babě*, *Na babě*₁₄, *Na Babě*₁₄, *Na bábě*, *Na Bábě*₂, *Nad Babou*, *Pod Babou*₁₄, *U baby*₇, *U Baby*₂, *U báby*, *U Bábý*₂, *V babě*, *V Babě*; *Na babách*₁₀, *Na Babách*₄, *Na babech*, *Pod Babama*, *V babách*₂; *Na Pavlíčkovéj bábě*, *U krkaté baby* ♦ **a** *Zmola na Babách*; *Díle k Babám*, *Díly u baby*, *Doliny pod Babama*, *Záhonky pod Babama*; *Silnica pod Babou a do Hněvošina* **III** ♦ **a** *Bábina louka*, *Babina zmola*, *Bábin rybník*, *Bábino křapčí*; *Vrch babiného dolu* **b** *U babiného dolu*.

2 a поле₃₀, холм₂₈, лес₂₃, пашня₆, скала₅, пастбище₄, скалы₂, лесная сторожка, крест, воздушный порт, луг, часть населенного пункта, место, пешеходная дорожка, пруд, фруктовый сад, возвышенность **b** поле₃₇, лес₂₃, холм₉, пашня₈, луг₈, пастбище₃, часть кадастра₂, место₂, дорога, крест, перекресток, ручей, долина, улица, возвышенность, огороды ♦ **a** поле₄, холм, кустарник, лес, луг, ложбина, пруд, шоссе, косогор **b** поле.

3 В Словаре под заглавным словом ВАВА/ВÁВА собрано всего 178 микротопонимов. Однословные микротопонимы возникли путем топонимизации формы ед. или мн. числа апеллятива *baba/bába*. Апеллятив *baba* (в чешском языке также *bába*), как известно, общеславянский [Šmilauer, 1970]; это слово детской речи. Оно имеет «у всех славян одно и то же основное значение и часто одинаковые вторичные значения» [Machek, 1971, 40]. Как правило, в качестве основного приводится значение ‘старая женщина’, ‘бабушка’. В «Словаре чешского литературного языка» отмечены также значения ‘повитуха’ и ‘женщина вообще, как правило, замужняя’ [Slovník spisovného jazyka českého, I].

В микротопонимах это слово используется, прежде всего, в различных переносных значениях, часто известных только по диалектным апеллятивам или микротопонимам, например ‘возвышенность, холм (как правило, округлой формы, напоминающий согнутую, бесформенную или широкоплечую женскую фигуру или женскую грудь)’; ‘определенный тип скалы (обычно выступающий, выдающийся на фоне ландшафта)’; ‘каменный крест’, ‘(одинокий, торчащий вверх) камень’, ‘(большая, черная) туча³ (особенно грозовая)’.

³ Апеллятив *baba* ‘туча’ был записан в диалектах западной Моравии и западной Богемии.

Микротопонимы были большей частью записаны в форме ед. ч.: *Baba* — 50 раз, *Bába* — 4 раза. Чаще всего они обозначают холмы⁴ и возвышенности, а также леса. Основной номинации обычно является сравнение с женской фигурой. Метафора применяется также к наименованию скал определенной формы (как правило, выступающих, выдающихся на фоне ландшафта), ср. параллельные микротопонимы *Baba* и *Krkatá baba*⁵ (определение-прилагательное используется также метафорически) для скалы, по форме напоминающей голову на длинной шее (см. рис. 1). Со скалой связаны разные предания: согласно одному

Рис. 1. Скала *Baba*
(*Krkatá baba*)

из них, это красивая, но вероломная невеста, превращенная в скалу.

Микротопоним *Baba* sporadически обозначает и другие объекты: крест (в народе называемый *baba*) и поле, которое «напоминает формой фигуру». Для некоторых объектов нельзя исключать мотив возраста, бесплодности (встречается и у других микротопонимов с основой *-bab-/-báb-*, например *Bábinka*) или относительно частый мотив так называемого обменного имущества, т. е. определенного для отца, получающего взамен содержание от детей⁶.

В отличие от польского языка, в материале Словаря встречается только один гидроним⁷ *Baba* (пруд). Скорее всего, пруд *Baba* назван по каменному (мировому) кресту, стоящему рядом и напо-

⁴ Микротопоним *Baba* как частое название вершин в болгарском и других славянских языках упоминает, например, Й. Займов [1971].

⁵ Режим доступа: http://www.dalnice.com/fotogal/r43/lube_mosty/sq/05_4_085.jpg [2009-11-08].

⁶ Мотив обменного имущества в моравских микротопонимах с основой *-bab-/-báb-* не единичен; он был записан, например, для поля *Babčiny* ('обменное поле'), *Babice* — «отцы, получающие содержание от детей взамен переданного ими имущества, владели здесь участком земли».

⁷ О существовании многочисленных гидронимов типа *Baba* на польской территории сообщила Э. Вольнич-Павловска; их связь с предполагаемым апеллятивом *baba* в значении 'болото', 'трясина', 'топь' [Zierhoffer, 1987, 31, 32; Malec, 2003, 37] она, однако, оспаривает [см.: Wolnicz-Pawłowska, 2005, 168–169]. В чешском апеллятивном словарном фонде (как и в польском) такое значение у апеллятива *baba* не подтверждается. Пруд *Baba* находится на северной окраине города Тршебич по соседству с несколькими другими прудами и, согласно историческим документам, еще в начале XVII в. содержал достаточные для города запасы питьевой воды. В таком случае напрашивается мотив 'болотистое место'. Однако в моравской и силезской микротопонимии это был бы единичный пример. Здесь можно думать о мотиве опосредованном: область пруда могла быть местом а) куда ходили женщины из населенного пункта собирать лесные плоды; б) где случилось какое-то несчастье; в) где, по народным рассказам, остались бабы-чародейки; г) которое могло служить содержанием, оговариваемым родителями при передаче собственности детям.

минающему женскую фигуру (см. рис. 2)⁸. В народе такой крест называется *baba/bába* (*Baba/Bába*).

Часто мотивация топонима может быть связана с именем славянской богини *Baba (Bába)*, почитаемой древними славянами в качестве охранительницы рода, богини плодородия и жизни, когда-то называемой также богиней туч. В. Махек, однако, эту связь оспаривает [Махек, 1971, 40]. Учитывая, что мотивированные таким образом микротопонимы называют большей частью холмы и леса, основанием номинации здесь могло быть сходство со старой женщиной или метонимические связи с другими объектами (языческими захоронениями, жертвенными местами, располагавшимися, как правило, на холме или возвышении).

Форма мн. ч. *Baby* засвидетельствована 11 раз и обозначает преимущественно поля и скальные образования, а также, вероятно, одиночный холм и лес. Мотивация наименований связана с особенностями ландшафта: часто названия полей соотносятся с названиями ближайших холмов и лесов, названных *Baba*, *Babí hora* и т. п.

Иногда микротопоним содержит прилагательное-определение, которое указывает на дополнительные признаки, например размер (*Velká Baba*, *Malá Baba* — скала из скального комплекса *Baby*), местоположение (*Zadni Baby*), владельца (поле *Jankovy / Silákovy / Votavovy Baby*) или отношение к юридическому лицу (*Panské Baby* — название части аэродрома и поля, указывающее на бывшую господскую землю).

Среди микротопонимов с предлогами популярны топонимы с предлогом *na* (часто речь идет о вариантах к беспредложным микротопонимам, например *Baba / Na Babě*), нередко встречается предлог *pod*, что связано с положением объектов в пространстве.

К словарной статье ВАВА/ВА́ВА мы относим и микротопонимы, содержащие посессивное прилагательное, производное от апеллятива *bába*; они обозначают объекты (лес, луг, косогор), атрибутированные по потребителю или владельцу, например микротопоним *Bábina lóka* (диал.), называющий луг, который получали в пользование взамен переданного детям имущества находящиеся на содержании у них отцы.

Рис. 2. Мировой крест *Baba (Bába)*

⁸ Режим доступа: <http://www.chirurg-silhavy.cz/smircikameny.php> [2009-11-10].

Проецируя на схематическую карту микротопонимы, собранные в словарной статье *BABA/BÁBA*, мы получаем представление о территориальном распространении микротопонимов Моравии и Силезии (рис. 3).

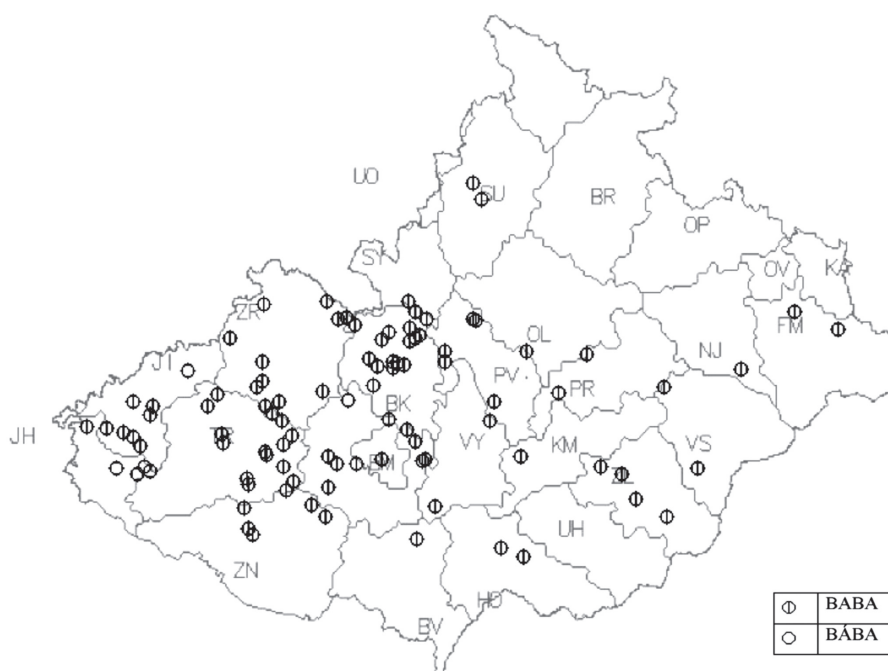

Рис. 3. Карта-схема распространения на территории Моравии и Силезии микротопонимов под заглавным словом *Baba/Bába*

Проекция микротопонимов на высотную карту завершает общую ономастическую картину, иными словами, раскрывает связь имени собственного с называемым объектом, ср. зависимость микротопонимов типа *Baba* от характера поверхности (например, округлая форма возвышенности) (рис. 4).

Оказывается, что микротопонимы с апеллятивом *baba/bába* сконцентрированы в холмистой местности, главным образом в западной части Моравии, на границе с Богемией. Подобные названия не встречаются ни в высокогорных областях, ни в низинах и редко фиксируются в Восточной Моравии и Силезии, где для обозначения старой женщины вместо слова *baba* 'старая женщина' пользуются словом *stař*.

Если говорить о богемском материале, то словарная статья к *BABA* уже проработана в «Словаре микротопонимов Богемии» (II) и содержит всего 453 микротопонима. Удивительно, что среди беспредложных (однословных и многословных) микротопонимов, обозначающих поверхность (всего 122), только 15 назы-

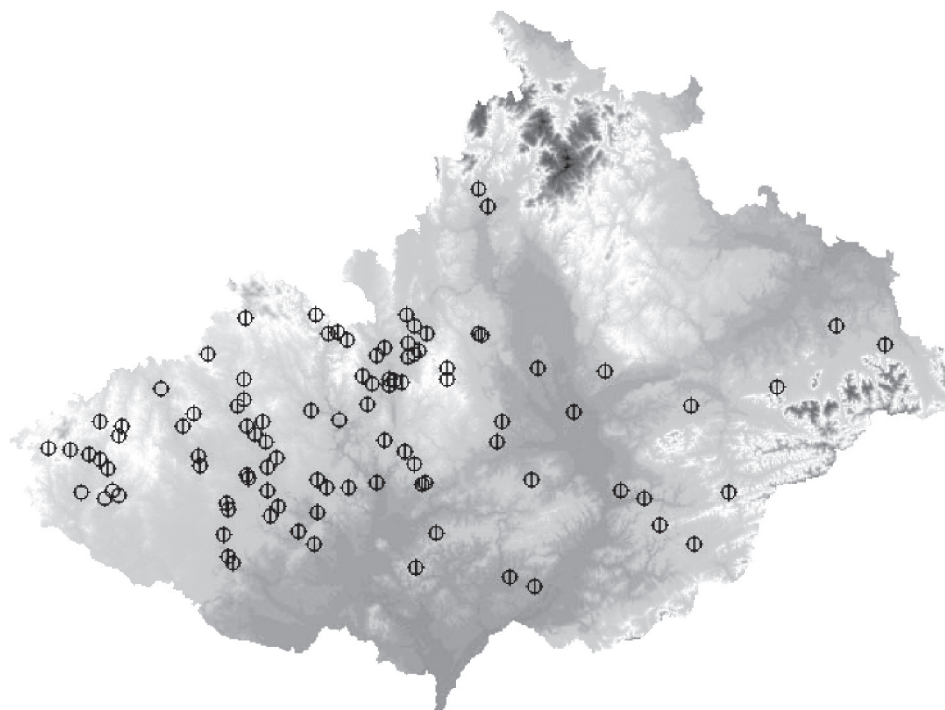

Рис. 4. Высотная карта распространения на территории Моравии и Силезии микротопонимов под заглавным словом *Baba/Bába*

вают возвышенности. Учитывая сравнительно большое количество названий лесов (34), вероятно, что при определении типа объекта информантам был важен параметр скорее лесистости, чем высоты. Наиболее интересна частотность микротопонимов типа *Baba* для полей (40), пашен (24) и лугов (22).

Объекты, названные *Baba*, сравнительно часто встречаются и в соседней Словакии. Здесь они также используются для обозначения холмов, гор, вершин и лесов.

Для полноты картины приведем еще заглавное слово и карту микротопонимов, относящихся к апеллятиву *babka*.

БАВКА₃₆ f.

1 I a *Babka*₆; *Babky*₇; *Dolní/Horní Babka* **b** *Na babce*₂; *Na Babce*₂; *Pod babkou*, *Pod Babkou*, *U babky*, *U Babky*, *V babce*, *V Babce*; *Na babkách*₆, *Na Babkách*₂, *Pod Babkama* **III** **♦ a** *Babčín žlíbek*, *Babčina louka*.

2 a поле₉, лес₇, пашня₂, пастбище, пруд, косогор **b** поле₉, лес₅, пашня₃, луга₂, пастбище₂, холм, лесок, луг, место, косогор **♦ a** луг, долина.

3 Зафиксированы прежде всего однословные микротопонимы (равномерно в форме ед. и мн. ч.), двусловные с предлогом (в ед. и мн. ч.; преобладает предлог *na*), редко двусловные с определением, обозначающим положение (*horní* ‘верхний’, *dolní* ‘нижний’), или с посессивным прилагательным, образованным от апеллятива *babka* (тип *Babčina louka*). Микротопонимы обозначают преимущественно поля и леса (лесистые холмы). • Однословные микротопонимы возникли:

1. Путем топонимизации формы ед. или мн. ч. апеллятива *babka* (это деминутив апеллятива *baba/bába*) в различных переносных значениях, которые часто известны только по диалектным апеллятивам или микротопонимам, например: а) ‘возвышенность, холм (как правило, округлой формы), напоминающий бесформенную или широкоплечую женскую фигуру’ (лес *Babka*, Rozstání PV; косогор *Babka / V Babce*, Mašovice ZN); б) ‘плоды лопуха’ (поле *Babky*, Loukovice TR — возможно, по лопуху, который там растет или по связи с названием соседнего населенного пункта *Babice*); в) ‘плоды дикой груши’ (поле, пашня и лес *Dolní / Horní Babka*, Příbyslavice TR); г) ‘вид грибов’ (лес *Babky / Na Babkách*, Veverská Bítýška VO — по обилию грибов, которые называются *babka*); д) ‘небольшие картофелины’ (холм, пашня, лес и луга *Na babkách*, Trnava TR); е) ‘лесной майский жук’ (лес и пастбище *Babky*, Prosetín ZR — по наличию жука или по форме).

Мотивацией для микротопонима могли быть, например, имущественные условия (пастбище *Na babce* — было дешевое, т. е. куплено за бесценок) или местные события (микротопоним *V Babce*, Věcov ZR, обозначает земельный участок, «где все боялись, как бабы»).

2. Путем деривации от микротопонима *Baba/Baby* суффиксом *-ka* или *-ku*. Например, названия поля *Babka / Babky* с вариантными названиями с предлогом *Na Babce / Na Babkách*, Lhota Rapotina BK, образованы от названия леса *Baba* в том же населенном пункте. • В населенном пункте Slavkov pod Hostýnem KM зафиксированы микротопонимы, производные от народного названия полевого клена *baba/bába*. Большинство приведенных мотиваций вторичны, это вызвано широким семантическим полем апеллятива *babka*. Определяющим мотивом здесь опять является сходство с женской фигурой. • Изредка записаны микротопонимы, содержащие посессивное прилагательное, производное от апеллятива *babka*; они характеризуют объекты по потребителю или владельцу, например, микротопоним *Babčina lóka* (диал.), называет луг, который получали в пользование взамен переданного детям имущества находящиеся на содержании у них отцы. • Микротопонимы засвидетельствованы главным образом в холмистой местности Чешско-моравской и Драганской возвышенности (в соответствии с апеллятивом ВАВА/ВÁВА) (рис. 5).

Сбор микротопонимов Моравии и Силезии начался только в последнее время, т. е. когда эти названия стали постепенно исчезать. Сегодня вследствие изменившихся социальных и хозяйственных условий в деревне большинство микро-

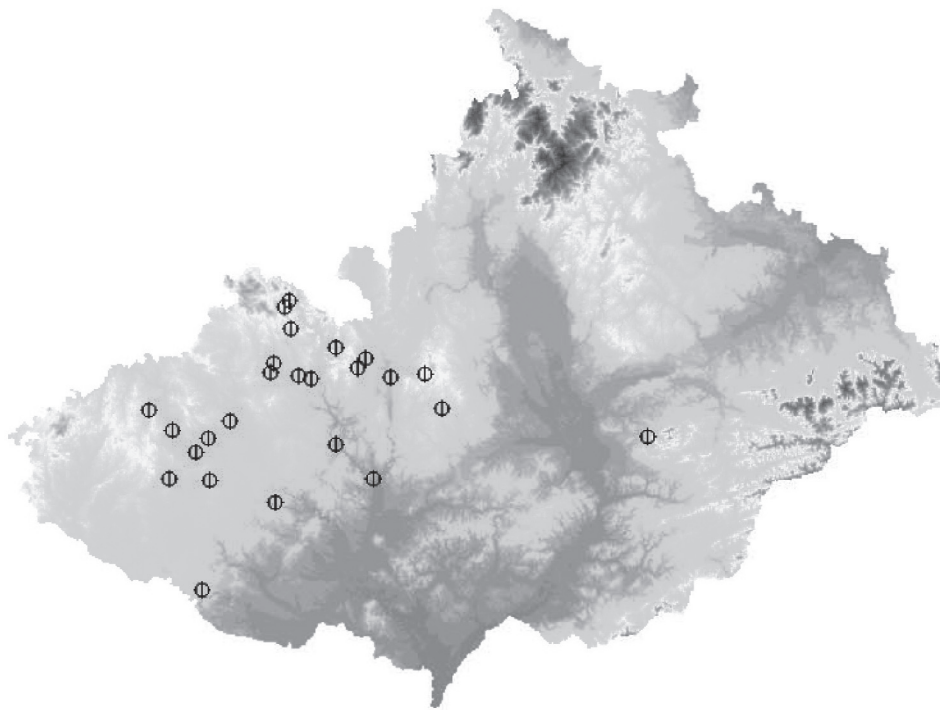

Рис. 5. Высотная карта распространения на территории Моравии и Силезии микротопонимов под заглавным словом *Babka*

топонимов вышло из употребления. Молодое поколение часто уже не знает этих названий, поскольку не нуждается в них. При этом речь идет об особенно древних, безмерно ценных фактах, которые могут способствовать исследованию истории родного языка, изучению этимологии, межъязыковых контактов, истории заселения края, хозяйственной деятельности человека, правовых и имущественных условий.

Заимов Ё. Имената на планините в българската топонимия. София, 1971.

Bělič J. Nástin české dialektologie. Praha, 1972.

Beneš J. O českých příjmeních. Praha, 1962.

ČJA — Český jazykový atlas. D. 1–5. Praha, 1992–2005. Dodatky (v tisku).

Hosák L., Šrámek R. Místní jména na Moravě a ve Slezsku. A–L. Praha, 1970; M–Ž. Praha, 1980.

IPJČ — Olivová-Nezbedová L., Malenínská J. Index lexikálních jednotek pomístních jmen v Čechách. Praha, 1991.

Machek V. Etymologický slovník jazyka českého. Praha, 1971.

- Malec M.* Słownik etymologiczny nazw geograficznych Polski. Warszawa, 2003.
- Osnoven system i terminologija na slovenskata onomastika. Skopje, 1983.
- Pleskalová J.* Tvoření nejstarších českých osobních jmen. Brno, 1988.
- Pleskalová J.* Tvoření pomístních jmen na Moravě a ve Slezsku. Jinočany, 1992.
- Profous A.* Místní jména v Čechách, jejich vznik, původní význam a změny. D. I–V. Praha, 1947–1960.
- Slovník pomístních jmen v Čechách / Red. J. Matúšová. D. I–IV. Praha, 2005–2008.
- Slovník spisovného jazyka českého. I. Praha, 1989.
- Šmilauer V.* Příručka slovanské toponomastiky. Handbuch der slawischen Toponomastik. Praha, 1970.
- Šrámek R.* Beiträge zur allgemeinen Namentheorie. Vídeň, 2007.
- Šrámek R.* Onomastika // Kapitoly z dějin české jazykovědné bohemistiky / J. Pleskalová et al. (eds.). Praha, 2007. S. 377–425.
- Šrámek R.* Úvod do obecné onomastiky. Brno, 1999.
- Švoboda J.* Staročeská osobní jména a naše příjmení. Praha, 1964.
- Valentová I.* Anojkonymum alebo terénny názov? // Slovenská reč 74. S. 31–34.
- Wolnicz-Pawłowska E.* Baba v polskiej toponymii // Onomastica. L. 2005. S. 151–171.
- Zierhoffer Z. a K.* Nazwy miast Wielkopolski. Poznań, 1987.

О МЕТОДОЛОГИЧЕСКИХ ПРИНЦИПАХ РАБОТЫ НАД СЛОВАРЕМ МИКРОТОПОНИМОВ МОРАВИИ И СИЛЕЗИИ*

Ключевые слова: славянские языки, чешский язык, топонимия, ономастическая лексикография.

В статье описаны рабочие принципы, используемые лингвистами Брно при создании «Словаря микротопонимов Моравии и Силезии», представленного в виде алфавитного перечня не отдельных микротопонимов, а обобщающих заглавных слов, объединяющих несколько словарных статей. Весь собранный материал был переведен в компьютерную базу данных с помощью программы, которая автоматически создает первоначальную форму словарной статьи (заглавное слово с определенной характеристикой, последовательное перечисление соответствующих микротопонимов). Таким образом, основная задача авторов — разработать интерпретационную часть каждой статьи. Кроме того, программа обладает возможностью воспроизведения различных карт (для отдельных или нескольких связанных между собой словарных статей), отображающих административное деление, речные сети, рельеф, а также карты Google. Итак, конечным результатом будет не только словарь в классическом «бумажном» виде, но — в первую очередь — компьютерный продукт, предлагающий многочисленные возможности для поиска нужной информации и отражения ее на картах.

* Статья написана при поддержке гранта GA ČR № 405/08/0703 «Slovník pomístních jmen na Moravě a ve Slezsku II (teoretické a interpretační aspekty)».

© Чижмарова Л., 2010

В статье представлены методы, использованные лингвистами Брно при работе над «Словарем микропонимов Моравии и Силезии», который создается в виде алфавитного перечня не отдельных микропонимов, а обобщающих заглавных слов, объединяющих несколько словарных статей.

Целью проекта является создание не только традиционного «бумажного» словаря, но прежде всего его э л е к т р о н н о й в е р с и и, которая имеет более широкие возможности применения. Интерактивная форма позволит по самым разным критериям и требованиям находить и группировать имеющиеся в базе данные. Постоянно формируется и основа для классической, печатной версии словаря. Электронный словарь будет представлен в форме интерактивного носителя: CD, DVD, вероятно, веб-страницы, и может служить не только лингвистам — для поиска самой разной информации, заложенной в систему¹.

Обе версии Словаря, классическая и электронная, имеют текстовую часть, которая станет основным содержанием в традиционном словаре, а в электронном — только основой для дальнейшего поиска информации. Текстовая часть Словаря представляет собой алфавитный перечень словарных статей, вводимых заглавным словом. Словарная статья посвящена каждому слову, которое встречается в составе собранных микропонимов (анойконимов). Большинство статей представляет собой так называемые п р о с т ы е, или о с н о в н ы е, и состоит из списка анойконимов, содержащих заглавное слово и толкования. Кроме того, Словарь включает и так называемые с о с т а в н ы е словарные статьи (они объединяют несколько простых словарных статей), о т с ы л о ч н ы е (указывают на соответствующие простые словарные статьи) и с в о д н ы е (представляют выборку корней или основ некоторых групп простых заглавных слов и содержат краткое этимологическое, диалектологическое и географическое пояснение). С в о д н ы е статьи дают также перечень простых статей, которые содержат на них отсылки. Например, в сводной статье *-bran-/-brán-* будет, очевидно, отсылка на статьи BRÁNA, NADBRANČÍ, NADBRANÍ, OBRANA, PODBRANČÍ, PŘEDBRANÍ, ZÁBRAŇ, ZÁBRANA, ZABRÁNA, ZÁBRANČÍ, ZÁBRANEK, ZÁBRANÍ, ZÁBRANICE, ZÁBRANKA, ZABRANÝ, ZÁOBRANČÍ, ZBRANEK, ZBRÁNKY.

Как видно, существует большое количество заглавных слов, расположенных в конце алфавита, — пока они не внесены в базу данных. При предварительном составлении сводной статьи они были взяты из Словника к «Словарю микропонимов Моравии и Силезии», подготовленного приблизительно сем-

¹ Серверная часть системы спроектирована на языке *Ruby* с помощью программной среды *Ruby on Rails*. Как хранилище данных используется сообщающаяся с ней база данных *PostgreSQL*. Клиентская часть реализована на языках *JavaScript* и *XUL* с использованием программных продуктов *Mozilla*. Языком для обмена данными между клиентской и серверной частью являются форматы, основанные на языках программирования *XML* и *RDF*.

надцать лет назад нашими тогдашними коллегами Р. Шрамеком и Я. Плескаловой [Šrámek, Pleskalová, 1993]. При работе над Словарем сегодня Словник может служить только как вспомогательный материал, который необходимо постоянно упорядочивать и дополнять. Конечный вариант приведенной сводной статьи мы сможем создать только после того, как будут оцифрованы карточки, относящиеся ко всем основным словарным статьям: к ним должна отсылать эта сводная статья, и тогда мы будем уверены, что в Словаре приведенные основные статьи действительно существуют.

Пражская группа работает и с другим словником — «Индексом лексических единиц в микропонимах Богемии» [IPJČ], изданным небольшим тиражом для внутреннего пользования в Институте чешского языка Чехословацкой АН в 1991 г. Сейчас в электронной форме существует исправленная и дополненная версия Индекса, созданная незадолго до начала работы над «Словарем микропонимов Богемии» и поэтому отвечающая его концепции.

Несмотря на определенный гандикап, мы решились на новую концепцию Словаря, поскольку верим, что его окончательная форма будет давать ценную информацию.

В настоящее время оцифрованы только материалы от А до Н, но поскольку каждому слову в анойкониме соответствует отдельная электронная карточка, то оцифровываем мы одновременно весь материал². Например, микропоним *U vérové bódy* будет зафиксирован на трех карточках: в статьях U, VÝR и BOUDA.

На первом этапе работы над Словарем создается его электронная база и формулируется объяснительная часть словарных статей. Оцифровка микропонимического материала Моравии и Силезии начинается с внесения соответствующего микропонима в электронную карточку, которую нужно заполнить столько раз, сколько слов содержит данный микропоним, каждый раз для нового заглавного слова.

Микропоним вводится в трех формах: в стандартизованной (нормативной), лемматизованной (сохраняющей диалектную морфологию) и в упрощенной фонетической транскрипции. Далее заполняются рубрики, которые необходимы для автоматического распределения микропонимов в словарной статье. Первая из них — рубрика с так называемым кодом микропонима, обозначающим его базовую синтаксическую структуру с помощью комбинации двух или трех букв (a, b, c, d, e, p). Первой буквой могут быть **a** или **b**: **a** обозначает беспредложное имя, **b** — имя с предлогом. Второй буквой могут быть **a, b, c, d, e** в зависимости от того, имеет ли анойконим вид однословного имени (**a**) или двусловного

² Электронная база насчитывает сейчас почти 100 000 карточечных записей, из них автоматически образовался материал для более чем 13 000 статей. В настоящее время на разных стадиях обработки находится почти 6 000 статей (более 2 000 из них отрецензированы).

Slovník: karta 105009 ✖

Heslové slovo	BOUDA	Slovní druh	substantivum ▾
	☐ vedlejší pojím. vztah	Mluvnický rod	f. ▾
Standard. podoba	U výrovy *boudy	Mluvnický pád	z. ▾
Lemmatizovaná podoba	U výrovej *boudy	Číslo	sg. ▾
Zápis	Ho vérové *bóde	Původ	deapel. ▾
Kódy PJ	bb (zb) ▾	Skupina	I. ▾

Lokalizace
 Poznámka

Objekt	pole ▾ -	Vlastnosti	
	Přidat	Tvar	obdélník ▾
		Poloha	na svahu
		Vlastnost	
		Stáří, užití	
		Motivace	B3 ▾

Lidový výklad

Poznámka

SM WM

Autor: ci, poslední změna: ci

Рис. 1. Образец карточки электронной базы «Словаря микропонимов Моравии и Силезии»

с согласованным определением (**b**), составного имени без союза *a* 'и' (**c**), другого составного имени с союзом *a* (**d**) или двусловного имени с несогласованным определением (**e**). Множественное число анойконима обозначается буквой **p**, которая присоединяется третьим знаком кода. Например, код анойконима *Bouchálek* — **aa**; *V Bouřovci* — **ba**; *Výrova bouda* «лачуга филина» — **ab**; *U výrovu boudy* «около лачуги филина» — **bb**; и *Hory nad boudami* «горы над лачугами» — **acp**.

Далее следует рубрика, относящая заглавное слово к различным группам в зависимости от того, как выражает это слово possessivnost (группы обозна-

чены римскими цифрами I, II или III). Большинство слов принадлежит к группе I, негативной в выражении посессивности. Группы II и III относятся только к лицам и как исключение — к животным. Именования лиц могут быть тоже негативны в выражении посессивности, например *Novák* — фамилия, функционирующая в качестве анойконима (название поля по имени его хозяина). Группа II содержит слова, выражающие посессивность посредством генитивной формы существительного или прилагательного, образованного от личного имени, например *Nováka Josefa louka* «луг Новака Йосефа», *Za Nováků lesem* «позади леса семьи Новака», *Nad Novotného polem* «над полем Новотного». Группа III включает названия, выражающие посессивность через посессивное прилагательное, например *Za Novákovou jámou* «позади Новаковой ямы» (т. е. ямы Новака).

Рубрика «Мотивация» (комбинация букв А, В или С и порядковых номеров) позволяет соотносить микротопонимы с мотивацией прилагательного в статьях с заглавным словом-существительным, а с мотивацией существительного — в статьях с заглавным словом-прилагательным. Перечень мотиваций основан на классификации, приведенной В. Шмилауэром [Šmilauer, 1960; 1972]. Мотивация согласованных определений обозначена буквой А или В на первой позиции: А обозначает отсутствие посессивности, В — ее присутствие. Мотивация А далее подразделяется на «общие качества и отношения» (А1—А25); «процессы, действия и исходы процессов» (А26); «Земля» (А27—А57). Например, «локализация» обозначена А3, и все анойконимы этой мотивации сортируются в материальном абзаце словарной статьи по алфавиту: *Dolní/Horní₂/Spodní b-da* «нижняя/верхняя/лачуга»; «цвет» обозначен А19, и соответствующие определения упорядочены: *Černá/Stříbrná/Zelená b-da* «черная/серебряная/зеленая лачуга». Мотивация В делится на В1 — «плюс лицо: апеллятивы» (*U cikánkové /kovářové/pastýřové b-dy* «около лачуги цыгана/кузнеца/пастуха»); В2 — «плюс лицо: собственные имена» (*U Cyrilové/Čipkové/Divišové b-dy* «около лачуги Цырила/Чипека/Дивиша»); В3 — «минус лицо: апеллятивы» (*U kocourové /medvědí/psí/vlčí/výrové₃ b-dy* «около лачуги кота/медведя/собаки/волка/филина»), В4 — «минус лицо: собственные имена» (*Alikova bouda* «конура Алика»: Алик — собака). Следуя классификации В. Шмилауэра, мотивацию существительных в микротопонимах с соответствующими кодами обозначаем С + порядковый номер (от 1 до 71). Таким образом, существительные в словарных статьях на прилагательные логически отсортированы по символу мотивации. Например, если мотивация «вода» обозначена символом С35, все существительные с этой мотивацией автоматически сортируются в алфавитном порядке: *U bílé studánky/studně/vody* «около белого родника/колодца/белой воды». Или мотивация «светские строения и их части» обозначена символом С63, соответствующая часть перечня материала выглядит так: *Bílé domky/mostky/sloupky* «белые домики/мосты/столбики».

В карточке указываются также следующие данные: грамматические категории (часть речи, род, падеж, число), информация о происхождении той части

топонима, которая соотносится с заглавным словом (отапеллятивным или отыменным — от личных имен, ойконимов, микротопонимов и др.). Далее указывается местоположение названного топонимом объекта, народное объяснение мотивации микротопонима и принцип номинации, так называемая реляционная модель (в упрощенном виде): А — «местоположение», В — «непосредственная связь с объектом», С — «свойства и признаки», D — «посессивность и другой тип связи с человеком»³. В рубрике «Примечание» мы отмечаем сведения, которые будут полезны при формулировке объяснительной части словарной статьи.

Хотя перевод материалов картотеки в электронную форму требует много времени, он имеет одно большое преимущество: регулярно автоматически образуются первая и вторая часть соответствующей словарной статьи (первая часть — материал, вторая — названные объекты). Если в электронную карточку внесены все анойконимы к соответствующему заглавному слову, мы можем сформулировать толкование, которому посвящена третья часть словарной статьи. Здесь дается словообразовательная, ономастическая, синтаксическая, диалектологическая и географическая характеристика соответствующих микротопонимов. Кроме того, делаются ссылки на литературу — как правило, на IPJČ, на работу «Топонимы Моравии и Силезии» Л. Госака и Р. Шрамека [Hosák, Šrámek, 1970; 1980], а также на «Топонимы Богемии» А. Профоуса и Я. Свободы [Profous, Svoboda, 1947—1960], при необходимости на «Чешский лингвистический атлас» [ČJA, 1992—2005], «Моравское краеведение» [Vlastivěda moravská 1897—2002], этимологические словари В. Махека [Machek, 1968], Й. Голуба, Ф. Копечного [Holub, Korešný, 1952], И. Рейзека [Rejzek, 2001] или С. Неверклы [Newerkla, 2004] и др., либо на сводную статью.

Приведем рабочие версии отдельных типов статей.

О с н о в н а я с т а т ь я (до пяти фиксаций):

BOUDNISKO₃ n.

1+2 I a *Búdnisko* поле Medlovice УН [УН: сокращение названия района Uherské Hradiště]; *Bódniska* поле Roštín КМ (Divoky), *Bódniska* поле Zdounky КМ (Těšánky)

3 Микротопоним *B.* образован от сущ. *bouda* с помощью суф. *-nisko* или от прил. *boudný* с помощью суф. *-isko* (вероятно, универбизация словосочетания *boudné pole, místo s boudami...*). В деревне Медловице УН «узкие полосы поля, на которых, может быть, раньше стояли лачуги», в деревнях Дивоки и Тешанки (обе КМ) n. pl. — «когда-то пастбища, где на ночевках были постоянные лачу-

³ Категория «реляционная модель» использована в монографии Я. Плескаловой [Pleskalová, 1992]; ее категоризация создана на основе выводов Р. Шрамека [Šrámek, 1972]. По этой классификации микротопоним *Bouda* 'лачуга' обозначен В и *U Boudy* 'около лачуги' А.

ги» (земляной участок лежит между двумя населенными пунктами). См. BOUDA, к прил. *boudný*, см. также BOUDNÝ, BOUDŇÁK. • Топонимы были записаны на небольшой территории на юге Моравии на запад от Злина. • См. **-boud-/-bud-**.

Основная статья (свыше пяти фиксаций):

BOUDA₁₈₄ **f.**

1 a *B-da*₃; *B-dy*₁₁; *Vrchní*₂ *b-da*, *Černá/Stříbrná/Zelená b-da*, *Nová/Stará*₂ *b-da*, *Kamenná/Senná/Zděná b-da*, *Raškovská/Rohelská b-da*, *Pytlácká b-da*, *Cyriřilova/Fuchsova/Gřipkova/Hanzlova/Hraběňčina/Janečkova/Muchova/Strakova/Valouchova/Zuzáková b-da*, *Husí/Psí/Sviňská b-da*; *Dolní/Horní*₂ */Spodní b-dy*, *Staré b-dy*, *Panské b-dy*; *B-da v luku b* *Na b-dě*₄, *Pod b-dou*₆, *U b-dy*₃₁, *Za b-dou*₅; *Na b-dách*₃, *Na B-dech*, *Pod b-dama*₂, *Pod b-dy*, *V b-dech*; *K liščí b-dě*, *Ku financové b-dě*, *Pod kamennou b-dou*, *Pod Bučkovou/Matouřovou b-dou*, *U dolní*₃ *b-dy*, *U bílé/černé/zelené b-dy*, *U staré*₅ *b-dy*; *U Starých b-d*; *U šořelej/spálené/spálenej b-dy*, *U březové/kamenné/rořtinové/senné/slaměné b-dy*, *U daskabátské/hořtýnské/jedelské/rohelské*₃ *b-dy*, *U cikánové/kovářové/panáčkové/pastýřové/pytlácké/ruské/žebrácké b-dy*, *U Cyrilové/Čipkové/Divišové/Dvořáčkové/Fičákové/Halikové/Hubalove/Chramostovy/Jónové/Kopečkové/Prokřšové/Sajtřilové/Skřřivánkove/Slavikové/Škrobánkovej/Švestkové/Tylové/Vařšikové/Žalmanové b-dy*, *U kocourové/medvědí/psí/vlčí/výrové*₅ *b-dy*, *U hradiskej b-dy*, *Ve staré b-dě*, *Za horní*₂ *b-dou*; *U b-dy v Uhliskách* ♦ **a** *Díl pod b-dama*, *Louka u b-dy*, *Lubná u b-dy*; *Čtvrtě od b-dy*, *Hory nad b-dama*, *Kukle pod b-dou b* *Nad slatinou u b-dy*, *Za lesem k b-dě*.

2 a лес₃, часть населенного пункта₈, лачуга₆, поле₆, постройка₄, трактир₄, дача₄, винные погреба₃, пашня, высота, место, мост, пасека, сруб, шахты, виноградник, сад **b** лес₆₃, поле₄₃, часть населенного пункта₇, место₇, луг₅, пастбище₄, пашня₃, холм₃, земельный участок₃, шоссе₂, аллея, место в лесу, поляны, дорога, долина, виноградник ♦ **a** поле₄, холмы, луг, виноградник **b** поле, земельный участок.

3 Лексема *bouda* в микропониме обычно обозначает небольшие нежилые строения, одиноко стоящие (микропонимы встречаются обычно в форме ед. ч.) и, как правило, служащие ориентиром на местности или в лесу. Лексема сочетается с определениями, которые чаще всего даются по признаку связи объекта с владельцем или жителем/жителями (*Cyriřilova/Fuchsova/Hraběňčina b./U ruské b.* — «якобы здесь стояла лачуга, в которой жили русские пленные, работавшие в лесу»), по деревне, в направлении которой или на территории которой находятся объекты (*U hořtýnské/jedelské b.*), или по цвету (*U bílé b.*, *Stříbrná b.*). Далее обнаруживаются названия по положению в пространстве (*Horní/Dolní b.*), по возрасту (*Nová/Stará b.*), по использованному строительному материалу (*Kamenná b.*, *U slaměné b.*) или по тому, что в них хранилось (*Senná b.* — 3 в Силезии), по животным (*U psí/vlčí b.*) или птицам (*Husí/Výrova b.*) или по местным событиям (*U spálené b.*). Названия окрестных земельных участков часто сохраняются и в том случае, если сам объект уже исчез (что нередко встречается

в названиях частей населенного пункта). • Изредка слово *b.* встречается в названиях кабаков: *Muchova b.* у Брно, *Psi b.* в городе Френштат под Радгоштем (Frenštát p. R.), *Vrchní b.* в деревне Товерж (Tověř) OL. • Лексема *boudy* в форме множественного числа иногда имеет особое значение: в Годонинской области обозначает действующие или уже не существующие винные погреба: *Búdy* — Йосефов, Милолице, Мутенице (Josefov, Milotice, Mutěnice), *Na búdách* — Лоука (Louka); лексема *bouda* здесь, в сущности, обозначает каменное помещение перед самым погребом, от чего происходит и название всей территории; *Panské b.* — Рудице (Rudice) BK — это название шахт по деревянным пристройкам, которые принадлежали администрации и служили для защиты шахт от неблагоприятной погоды. • В форме род. п. мн. ч. существительного *bouda* не произошло сокращения корневого гласного (*U boud*, *U Starých boud* см. ČJA 4, 211). • Микротопонимы, содержащие слово *bouda*, были засвидетельствованы главным образом в южной части Моравии с наибольшей концентрацией на севере от Брно, в окрестностях города Кыёв и далее в Забржежской и Литовелской областях; меньшая плотность названий в Силезии, Валашской области и в северной части Чешско-Моравской возвышенности (эти микротопонимы нетипичны для возвышенных областей). • IPJČ; НŠ 1, 101 *Bouda Člunovská*. См. **-boud-/-bud-**.

Основная составная статья:

BOUDKA₁₃ f. / BUDKA₉ f.

1 a *Boudky₂, Budky; Vyrova boudka b Pod boudkou, Při budce, U boudky₃, U budky₂, V boudce; U Boudek, V boudkách₂; U dolní budky, U kamenné boudky, U kamenné₃ budky, U Vyrovej boudky* ♦ **a** *Smušky při budce* VE VÝKLADU JINAK

2 a дача, лес, поле, усадьба **b** лес₈, место₃, поле₃, разлом, пастбище, земельный участок ♦ **a** поле

3 Микротопонимы восходят к деминутиву от апеллятива *bouda*. Эта форма обнаруживается в микротопонимах, называющих ветхие постройки или земельные участки в их окрестностях. Микротопоним *Boudky/U Boudek* — Велке Немчице (Velké Němčice) BV — относится к наименованию земледельческого хутора. Микротопоним *Vyrova b. / U Vyrové b.* — Блажовице (Blažovice) BO — означает «дом, где охотники держали в качестве приманки филина». См. также BOUDA. • В форме *boudka* при добавлении уменьшительного суффикса *-ka* не произошло изменения количества гласного в корне, в отличие от уменьш. *Budka* [ČJA, 5, карты № 161, 162, 164, 165]. О сокращении гласного в деминутиве вполне определенно свидетельствуют лишь два микротопонима в южной Моравии (*U kamenné budky* — Бухловице УН, *Smušky při budce* — Кужелов НО); в других микротопонимах с формой *budka*, записанных только в Силезии, не ясно, является ли сокращение корневого гласного инновацией, возникшей при разрушении оппозиции по количеству в силезском диалекте. • Микротопонимы со сло-

вом *boudka* были записаны приблизительно в северо-южной полосе в центре Моравии, с наибольшей концентрацией на западе Брненской обл.; *budka* обнаруживается восточнее: изредка в Моравской Словакии, чаще в силезском диалекте. • IPJČ; HŠ 1, 101 *Boudky*. См. **-boud-/-bud**.

Отсылочная статья:

BUDKA

См. BOUDKA / BUDKA

Сводная статья:

-boud-/-bud-

• К этой основе относятся лексемы *bouda* и *budova* (и производные), хотя не вполне ясно, насколько они этимологически связаны. Согласно Махеку, оба слова славянского происхождения (отглагольные существительные от *budovati*); слово *bouda*, однако, согласно другим исследователям, возможно [Holub, Kopečný, 1952], скорее всего [Rejzek, 2001] или определенно [Neverkla, 2004] заимствовано из немецкого (др.-в.-нем. *buode* ‘хижина, большая палатка’).

• Диал. *-boud-*, *-bód-*, *-búd-*, *-bud-*.

• В микропонимах встречается в избытке по всей территории Моравии и Силезии.

• BOUDA, BOUDECKO, BOUDECKÝ, BOUDKA/BUDKA, BOUDŇÁK, BOUDNĚ, BOUDNICE, BOUDNISKO, BOUDNÝ, BOUDOVÝ, BUDEL, BUDKA, BUDKOVCOVÝ, BUDKOVEC, BUDNÍ, BUDOŠ, BUDOVA, BUDOVAŇA, BUDOVNÍK, BUDUNEK/BUDYNEK.

Важной составляющей частью Словаря будут карты. В классической версии Словаря некоторые статьи будут дополнены схематическими картами. Можно будет выбрать форму картографического фона (с границами районов, с районными центрами или без них, сетью автомобильных дорог, водной системой, высотами и т. д.), где с помощью символов обозначены места, в которых были зафиксированы соответствующие топонимы (рис. 2).

В Словаре появится возможность комбинировать на одной карте несколько словарных статей и таким образом проводить сравнение территориального распространения и частотности больших массивов микропонимов. Электронная версия карты позволит работать со всеми картами, составленными к статьям в Словаре: можно будет просмотреть карты, выбранные по главному слову или по картографическому фону; около каждого символа на карте можно будет прочитать данные о соответствующем микропониме и осуществить поиск по ранее выбранным критериям. Онлайн-версия позволит показать проекцию микропонимического материала на карте в поисковой системе *Google* с любым приближением, со спутниковых или аэрографических фотоснимков

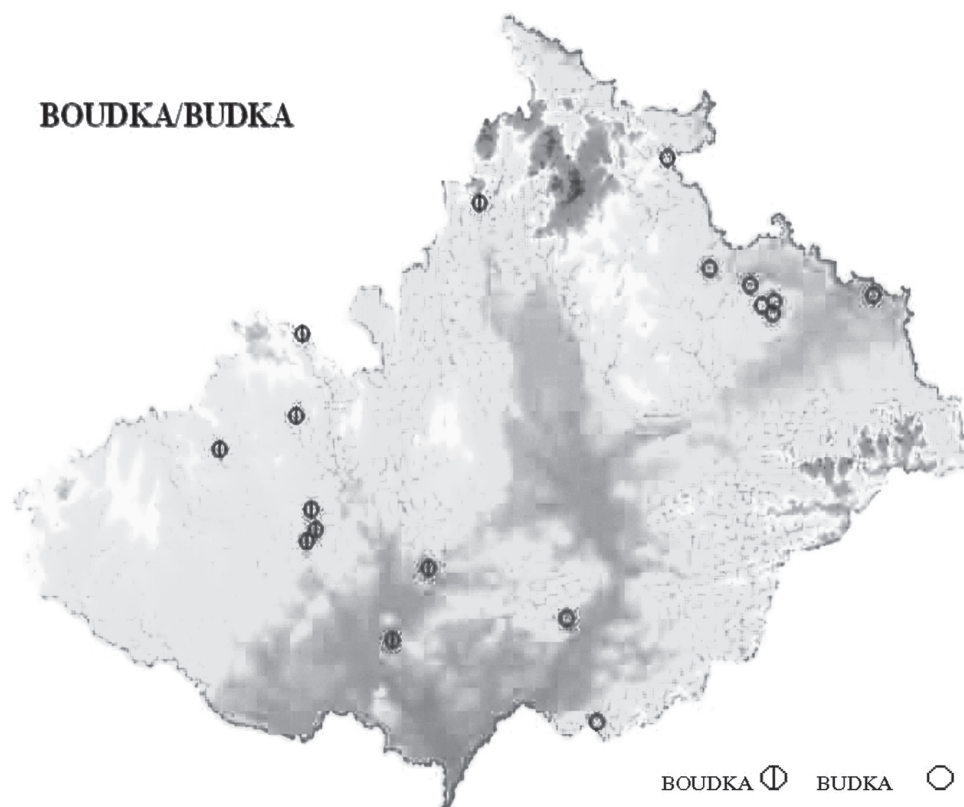

Рис. 2. Карта-схема: орографическая модель

поверхности. У каждого символа на карте будут указаны данные с электронной карточки (рис. 3).

Надеемся, что «Словарь микротопонимов Моравии и Силезии» ознаменует собой важное начинание в рамках не только чешской, но и общеславянской ономастики.

ČJA — *Český jazykový atlas*. D. 1—5. Praha, 1992–2005. Dodatky (v tisku).

Harvalík M. *Synchronní a diachronní aspekty české onymie*. Praha, 2004.

Holub J., Kopečný F. *Etymologický slovník jazyka českého*. Praha, 1952.

Hosák L., Šrámek R. *Místní jména na Moravě a ve Slezsku*. A—L. Praha, 1970; M—Ž. Praha, 1980.

IPJČ — Olivová-Nezbedová L., Malenínská J. *Index lexikálních jednotek pomístních jmen v Čechách*. Praha, 1991.

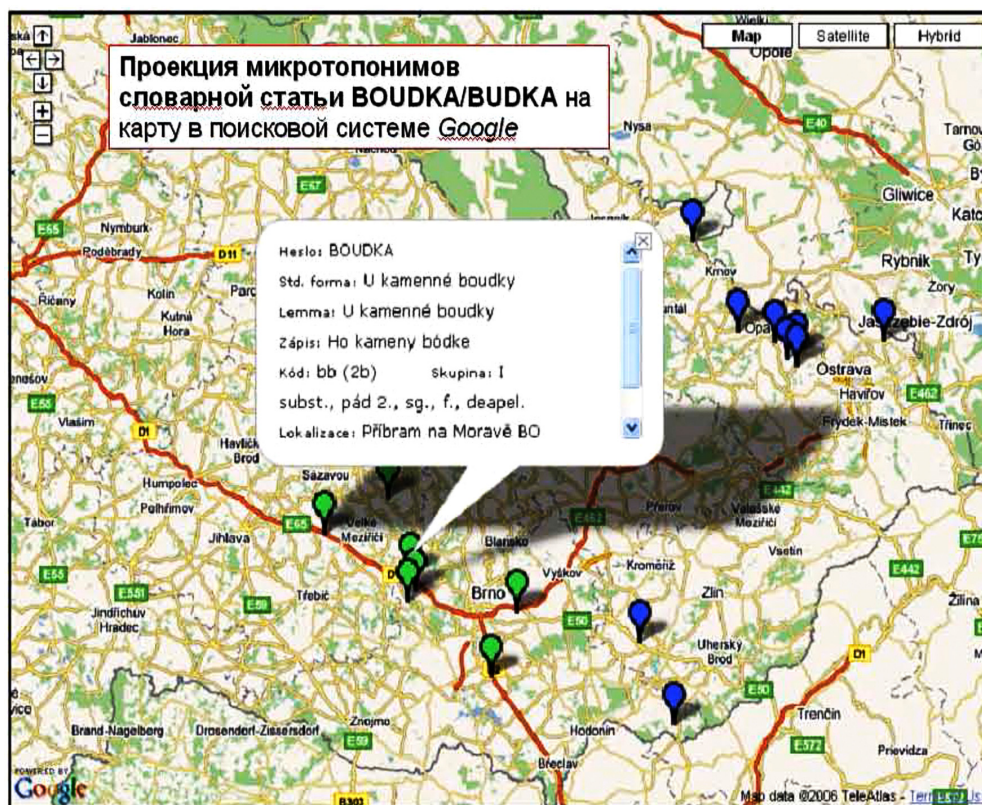

Рис. 3. Проекция микропонимов словарной статьи BOUDKA/BUDKA на карту в поисковой системе Google

- Machek V.* Etymologický slovník jazyka českého (druhé, opravené a doplněné vydání). Praha, 1968.
- Manuál lexikografie* / Ed. F. Čermák, R. Blatná. Jinočany, 1995.
- Newerkla S. M.* Sprachkontakte Deutsch — Tschechisch — Slowakisch. Frankfurt am Main, 2004.
- Olivová-Nezbedová L., Malenínská J.* Slovník pomístních jmen v Čechách — úvodní svazek. Praha, 2000.
- Pleskalová J.* Tvoření pomístních jmen na Moravě a ve Slezsku. Jinočany, 1992.
- Profous A., Svoboda J.* Místní jména v Čechách. I–V. Praha, 1947–1960.
- Rejzek J.* Český etymologický slovník. Voznice, 2001.
- Slovník pomístních jmen v Čechách* / Red. J. Matúšová. D. I–IV. Praha, 2005–2008.
- Šmilauer V.* Třídění pomístních jmen // Zpravodaj Místopisné komise 1. 1960. S. 149–180; přetisk: Zpravodaj Místopisné komise 13. 1972. S. 171–204.
- Šrámek R.* Toponymické modely a toponymický systém // Slovo a Slovesnost 33. 1972. S. 304–318.
- Šrámek R.* Úvod do obecné onomastiky. Brno, 1999.
- Šrámek R., Pleskalová J.* Heslář ke Slovníku pomístních jmen na Moravě a ve Slezsku. Brno, 1993 (rkp.).
- Vlastivěda moravská — Vlastivěda moravská, Stará řada, svazek 1–68. 1897–2002. Nová řada: 1992—...*

К СОСТАВЛЕНИЮ СЛОВАРЯ РУССКОЙ НАРОДНОЙ ХРОНОНИМИИ*

К л ю ч е в ы е с л о в а: славянские языки, русский язык, хрононимия, ономастическая лексикография, этнолингвистика.

В статье изложены принципы составления этнолингвистического Словаря русской народной хрононимии, который подготавливается сотрудниками кафедры русского языка и общего языкознания УрГУ. Объект описания в Словаре — русские общенародные (*Пасха, Благовещение*) и диалектные названия единиц годового времени (*Афанасий-Ломонос '18/31 января'*), а также их дериваты (*афанасий-ломонос 'мороз 18/31 января'*). Рассматривается макроструктура Словаря: толковая часть с хрононимами в алфавитном порядке и идеографическая — с календарными датами и их наименованиями. В приложении даются примеры толковых и идеографических словарных статей. Особое внимание уделяется структуре словарной статьи толковой части, включающей заголовочный хрононим, дефиницию, ареал, иллюстрации, источники, хрононимы-«антонимы», дериваты. Отмечаются трудности, возникшие при составлении Словаря, такие как проблема отбора заголовочных единиц и иллюстраций из этнографических источников, трудность подачи отношений лексической системности.

* Работа выполнена в рамках Программы ОИФН РАН «Русские ономастические словари как источник культурно-исторической информации», а также при финансовой поддержке государственного контракта № П 736 от 12.08.2009 на выполнение поисковых научно-исследовательских работ по проблеме «Время и человек в свете ономастической и ономастической номинации» в рамках реализации ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России на 2009–2013 гг.».

Несмотря на быстрое развитие ономастической лексикографии в течение последних десятилетий, русские хрононимы (названия единиц годового цикла) еще не получили систематического лексикографического описания. Названия церковных праздников традиционно приводились в месяцесловах, входящих в богослужебные книги. К концу XIX в., помимо церковных названий временных отрезков и «точек» календарного времени, в месяцесловы стали включаться и народные хрононимы [см.: Калинин, 1990; и др.].

Общепринятые хрононимы (*Троица, Благовещенье* и др.) выборочно фиксируются современными толковыми словарями русского литературного языка (к примеру, такими как [ТСРЯ, БАС₂]). Более подробно общепринятая хрононимия (и в некоторых случаях диалектная) оказывается отраженной в работах этнографического характера, посвященных народному календарю [см., например: Некрылова, 2007]. Сведения о диалектной хрононимии прежде всего можно почерпнуть из исследований, выполненных в этнолингвистическом ключе [см.: Подюков, 2001; Черных, 2006; и др.].

Что касается диалектной лексикографии, то русские народные хрононимы частично включаются в «апеллятивные» диалектные словари (например, в СРНГ, ССГ и др.). Редким жанром является этнолингвистический хрононимический словарь по какой-либо группе говоров: к настоящему моменту, насколько нам известно, опубликован лишь один законченный словарь такого рода, который содержит описание среднеуральской хрононимии [Востриков, 2000]; ведутся работы над составлением словарей пермской (А. В. Черных) и тамбовской (Т. В. Махрачева) хрононимии. При этом в русской лексикографии отсутствует сводный словарь народных хрононимов.

Недостаточная изученность народных обозначений календарного времени и наличие лакун в их лексикографическом описании объясняется как экстралингвистическими, так и собственно языковыми факторами. К первым относится, например, идеологический фактор: значительная часть хрононимов входит в состав лексикона христианской (православной) религии, который в советское время редко становился объектом сбора и изучения. Среди собственно языковых факторов пока назовем лишь один: хрононимы занимают периферийное положение в ряду других разрядов ономастики, так как их денотатами являются не реальные объекты окружающего мира, а абстрактные сущности.

Чтобы заполнить указанную лауну и создать базу для дальнейшего изучения этого важного пласта русской проприальной лексики, коллектив сотрудников кафедры русского языка и общего языкознания Уральского государственного университета им. А. М. Горького (Екатеринбург) ведет работу над составлением сводного этнолингвистического Словаря русской народной хрононимии. Авторы-составители словаря — О. В. Атрошенко, Ю. А. Кривошапова, К. В. Пьянкова; научный редактор — Е. Л. Березович. В сборе материалов для словаря принимают также участие Н. В. Галинова, Е. Д. Казакова, Е. В. Шабалина и др.

В настоящей статье описаны некоторые принципы составления словаря и обозначены проблемы, возникающие в ходе лексикографической обработки хрононимических фактов.

При разработке принципов составления словаря во многом был учтен опыт лексикографического описания народной хрононимии Полесья [Толстая, 2005].

Сначала несколько замечаний о тех языковых фактах, которые являются объектом описания в словаре. Выделение объекта описания в случае хрононимии является далеко не тривиальной задачей — и возникающие здесь сложности связаны в первую очередь с положением хрононимов на границе имен собственных и нарицательных.

Наиболее полное соответствие статусу хрононима обнаруживают названия временных отрезков, имеющих числовое закрепление, т. е. обозначающих конкретную дату: *Аграфена-Купальница* ‘день св. Агриппины, 23 июня / 6 июля’; *Сидор* ‘день св. Исидора, 14 / 27 мая’; *Петушиный праздник* ‘день св. Кузьмы и Демьяна, 1/14 июля и 1/14 ноября’ и др. Они позволяют носителям языка находить единицы времени в годовом круге по дате и/или хозяйственно важному событию, отраженному во внутренней форме хрононима. Такие факты являются ядром хрононимии и составляют самую большую группу названий, описываемых в словаре.

В приядерной зоне хрононимии находятся наименования подвижных временных промежутков: *Безыменная неделя* ‘третья неделя Великого поста’, *Беспорочная неделя* ‘неделя перед масленицей’, *Гулюшки* ‘время со второй недели после Пасхи до Петрова поста’. Такие хрононимы номинируют и индивидуализируют временные отрезки, но при этом у них ослаблена функция идентификации.

На периферии хрононимического пространства находятся названия отрезков времени, начало или завершение которых приурочено к календарной дате. Обычно эти временные единицы совпадают с периодами земледельческого календаря, ср.: *Бызы* ‘время с 13/26 июня до конца июля по новому стилю’ (период активности насекомых); *Червяная неделя* ‘время появления огородных вредителей в июне’ и др. Периферийные хрононимы не способны в полной мере выполнять функции индивидуализации и идентификации, поскольку размыты границы их абстрактных денотатов.

В нашем словаре описываются все вышеперечисленные типы хрононимов.

Не попадают в словарь (и остаются за рамками проприальной лексики) наименования праздников и сезонов, не имеющих календарного закрепления: к примеру, *отжинки* ‘день окончания жатвы’.

В словарь будут включены также единицы отхрононимического происхождения — словообразовательные (*поникóлить* ‘отпраздновать Николин день’) и семантические дериваты хрононимов (*афанáсий-ломонóс* ‘морозы в день св. Афанасия, 18/31 января’), фразеологические обороты с участием хрононимов (*Вéрбница свернётся* ‘о перемене погоды с Вербной недели’).

Описанные особенности отбора языкового материала для словаря объясняются стремлением представить хрононимию как «живую» систему, активно взаимодействующую с апеллятивной лексикой.

По охвату лексики данный словарь является политерриториальным, включающим в себя материалы по хрононимии всей территории России. При этом в силу неравномерной изученности хрононимии разные территории будут представлены с разной степенью подробности (например, наиболее полно будет описана хрононимия пермских, тамбовских, архангельских говоров и др.). Разумеется, при сведении воедино фактов, относящихся к разным диалектным системам, предусматриваются территориальные пометы.

Если говорить о таком параметре, как дифференциальность/недифференциальность, то здесь значимы два момента. С одной стороны, как говорилось выше, в словарь включаются не только диалектные, но и общенародные хрононимы. Последние нередко проявляют специфику функционирования в народной традиции: получают новую мотивировку и/или приобретают диалектные дериваты (*пáсочная корóва* ‘корова, отправляемая в Петербург перед Пасхой’).

С другой стороны, при составлении словаря избран курс на отграничение народной хрононимии от церковной. Церковные хрононимы, будучи искусственно созданными формулами, остаются за пределами словаря, ср.: *Рождество Господа Бога и Спаса нашего Иисуса Христа* ‘25 декабря / 7 января’; *день праведницы Мариамны, сестры апостола Филиппа* ‘17 февраля / 2 марта’. Конструкции такого рода не усваиваются народным сознанием. Упрощенные народные названия (*Ильин день, Иванов день*) мыслятся народом как именины святых «покровителей» временных отрезков.

Возникает вопрос о включении в словарь редуцированных (кратких) форм церковных названий, которые присутствуют в этнографических источниках, но, по всей видимости, малоизвестны в народной среде (например, *день Андриана и Наталии*). Бывает непросто выяснить, восстановлены ли данные хрононимы собирателем по церковному календарю или записаны со слов носителя традиции. Вопрос о включении таких фактов в словарь в каждом случае решается индивидуально — и положительное решение зависит от наличия контекстов, подтверждающих возможность функционирования подобных названий в народной речи.

По способу подачи материала словарь русской народной хрононимии толково-идеографический. Словарь состоит из двух частей — первая является толковой, вторая — идеографической.

В толковой части словаря принцип расположения хрононимов — алфавитный со слабым гнездованием (см. Приложение № 1 к данной статье).

Словарная статья толковой части словаря будет состоять из двух основных зон: 1) зона хрононима; 2) зона дериватов хрононима и фразеологизмов с его участием. В первой зоне в качестве заглавного слова дается хрононим

с грамматическими пометами, толкованием, иллюстративными контекстами (при этом фольклорные контексты вводятся после знака ▲). Во второй зоне даются семантические и словообразовательные дериваты хрононимов, а также фразеологизмы, в состав которых входит данный хрононим. Эти факты тоже снабжаются толкованиями и иллюстративными контекстами. Например:

ПЁТР. День св. Петра и Павла, 29 июня / 12 июля. ▲ На св. Петра дождь — жито как хвощ. — Даль, 3, 106.

> **Петрушка.** Сорт репы-скороспелки. *Посиют ее, петрушку-то, а к Петрову-то дню и исъ уже можно.* Ср. Урал — СРГСУ, 4, 25.

Знак > вводит факты деривации от хрононимов.

Фразеологизмы вводятся традиционным знаком ◊. Например: ◊ **Как ко Троице.** Нарядно. Перм. — Прокошева, 2002, 382.

Во вторую зону статьи могут входить также устойчивые словосочетания с хрононимическими дериватами, которые даются после знака ~. Например:

> **Благовещенский.** ~ **Благовещенская капуста.** Капуста, посаженная на Благовещенье. — Даль, 1, 91.

В идеографической части словаря приводится хронологический индекс, который построен по идеографическому принципу — от даты к ее наименованиям, расположенным в алфавитном порядке.

При составлении словарной статьи мы старались выбрать наиболее компактный и ясный для читателя способ подачи материала, но вместе с тем по возможности полно отразить информацию о каждом хронониме и об отношениях в системе. При этом возникают различные трудности: проблема унификации при подаче вариантов хрононимов, проблема выбора денотативных признаков для дефиниции, несовпадение дат в церковном и народном календарях, сложность отбора иллюстративного материала из этнографических источников, необходимость объединения в пределах статьи наименований, относящихся к разным микросистемам, и др.

Способы решения этих проблем удобнее рассмотреть, обратившись к структуре словарной статьи: 1) заголовочная единица, 2) грамматические пометы (факультативно), 3) дефиниция, 4) ареал, 5) иллюстративные контексты, 6) источники, 7) хрононимы, вступающие с заглавной единицей в отношения «антонимии» (факультативно).

Подобная структура выдерживается и при подаче хрононимических дериватов. Вариантные отношения дериватов в данном словаре не рассматриваются.

Заголовочную единицу планируется подавать в орфографическом написании, ударение указывается в соответствии с источником.

При составлении словаря возникает проблема отбора заголовочных единиц для словарных статей. Так, в этнографических источниках некоторые наименования фиксируются лишь в составе паремий, ср.: *Петр-Павел на час день убавил, а Илья Пророк два уволок.* Поскольку такие контексты принадлежат народ-

ной речи, представляется возможным выделить из их состава хрононимы *Петр-Павел*, *Илья-Пророк* и включить в словарь.

Непросто разграничить составные хрононимы и фразеологизмы с участием хрононимов. В данном случае помогает иллюстративный контекст: словосочетание можно признать хрононимом, если в контексте есть родовое название соответствующего временного отрезка, например: «Д е н ь такой был — *Мария-Заиграй Овражки*».

Составные хрононимы в основном располагаются по первому слову, значимому в мотивационном отношении (*Временная пятница*, *Бабий день*).

Структурные варианты, отличающиеся количеством компонентов (*Иван* и *Иван-день*), подаются отдельно с отсылкой к варианту с родовым словом: *Иванов*. То же, что *Иванов день*.

Варианты, различающиеся порядком следования компонентов, также подаются раздельно с отсылкой к названию с агнионимом (смысловым центром) на первом месте и определением в постпозиции: *Вешний Никола*. См. *Никола Вешний*.

Наименования временных отрезков, состоящие из имени святого и родового слова (*день*, *неделя* и др.), приводятся на агнионим: не *день Иова-Горошника*, а *Иов-Горошник*; не *святой Георгий*, а *Георгий*. Диалектное слово-приложение в составе хрононима (ср. *Евдокия-Плющиха* и *Плющиха*), употребляемое в контекстах независимо от агнионима, рассматривается как заголовочная единица.

Акцентологические, фонетические, словообразовательные варианты указываются в зоне заголовочной единицы. При этом сначала дается наиболее распространенный вариант хрононима, затем — остальные (*Аксинья-Полухлѣбница*, *Аксинья-Полухлѣбца*, *Оксенья-Полухлѣбница*). Варианты, отражающие нерегулярные фонетические изменения (*Звѣженье*, *Встрѣтенье*), а также названия, образовавшиеся в результате сращения (*Великдень*, *Варварадни*), будут представлены как самостоятельные заглавные единицы с описательной дефиницией.

Трудности выделения заглавного слова связаны и с грамматической вариативностью хрононимов. Поскольку не во всех источниках даются грамматические пометы, сложным оказывается разграничение форм род. п. ед. ч. и им. п. мн. ч. При отсутствии грамматических помет в словаре-источнике омоформы (*Ксенииполузимницы* в форме им. п. мн. ч. и (день) *Ксенииполузимницы* в форме род. п. ед. ч.) можно различить только при помощи контекстов. Если это удастся сделать, то по форме род. п. ед. ч. в составляемом словаре восстанавливается форма им. п. (*Ксения-полузимница*) — и именно она дается в качестве заголовочной. Что касается грамматических вариантов хрононимов в форме им. п. мн. ч., то они рассматриваются как самостоятельные заголовочные наименования.

Родовая характеристика некоторых хрононимов варьирует: *Илья* в форме м. р. и *Илья-Матушка* в форме ж. р.; *Микола Вешний* и *Микола Вешняя*. Структурные (*Илья* и *Илья-Матушка*) и грамматические (*Никола Вешний* и *Никола Вешняя*) варианты в словаре приводятся без грамматических помет. Грамматические

пометы даются лишь для хрононимов, родовая принадлежность которых определяется по контексту.

Дериваты хрононимов и фразеологизмы будут представлены в статье с заголовочным хрононимом, сходным с ними по морфемному составу: *Иванский день*. > *Иванский*. ~ *Иванская сельдь*; *Иванов день*. > *Ивановский*. ~ *Ивановская сельдь*. Такая подача не вызывает проблем, если дериваты образованы от однокомпонентных хрононимов или от обоих компонентов составных хрононимов, ср.: *Святки* ‘время от Рождества до Крещения’ и *святки* ‘нечистая сила, проявляющая активность в Святки’; *Архангел Михаил* ‘8/21 ноября’ и *михайло-архангельский*: *михайло-архангельские ярмарки* ‘ярмарки с 1/14 по 11/24 ноября’.

Апеллятивы, образованные от одного из компонентов составного хрононима, отражаются в словаре на первый структурный вариант по алфавиту: *Василий Великий* ‘1/14 января’; > *васильчик* ‘выпечка, приготовленная на Новый год’.

Факты семантико-словообразовательной деривации (имя сущ.) и устойчивые сочетания с дериватами (имя сущ. и имя прилаг./сущ.) приводятся в форме им. п. ед. ч. (*ивановщина*, *ивановский дождь*) либо в форме им. п. мн. ч. (*иванские воды*). Для глагольных образований в роли заглавного слова выступает инфинитив: *никóлить* ‘праздновать Николин день’.

В статье на основную заголовочную единицу предполагается давать описательное толкование. Для названий, обозначающих численно закрепленные единицы времени, в дефиницию входит имя святого-именинника и/или указание на событие христианского или земледельческого календаря, а также дата по старому и новому стилям, ср.: *Егорьев день* ‘день св. Георгия Победоносца, 23 апреля / 6 мая’; *Прокопий-Жатвенник* ‘день св. Прокопия, 8/21 июля’.

При подаче диалектных хрононимов, связанных с событиями из жизни святых, в дефиниции приводятся их общенародные или упрощенные церковные эквиваленты¹. Краткие официальные наименования временных отрезков даются при отсутствии в толковых словарях общенародных названий, ср.: *Мокрый праздник* ‘праздник Троица’, но *Благословенной день* ‘день св. Петра и Павла², 29 июня / 12 июля’.

В тех случаях, когда в источнике материала нет сведений о том, с какой датой соотносится хрононим, делается попытка восстановить дату по церковному

¹ Упрощенное церковное название включает в себя указание на временной отрезок (день, неделя), само событие или имя святого без определения его «статуса» (*апостол*, *мученик* и т. д. заменяются общим эпитетом *святой*). К примеру, полное официальное название *День памяти славных и всехвалных первоверховных апостолов Петра и Павла* в словаре будет представлено как *День святых Петра и Павла*. Минимум признаков позволяет читателю без специальной подготовки идентифицировать церковный праздник, названный хрононимом.

² Такое широко распространенное наименование, как *Петров день*, не отмечено в то же время толковыми словарями литературного языка, поэтому оно не может быть использовано для толкования диалектного хрононима.

календарю. Следует заметить, что в диалектных микросистемах определенные наименования могут связываться с такими датами, которые не совпадают с «церковным значением» хрононима. При невозможности восстановления точного числа в толковании хрононима указывается хотя бы календарный сезон: *Избосим* ‘весенний праздник [какой?]’. Смежные «плавающие» даты при «омонимичности» их названий даются в одной дефиниции: *Авдотьи-Малиновки* ‘1/14 или 4/17 августа’. Вариативные названия с одной мотивацией, обозначающие смежные календарные числа, имеют ссылку на «плавающую» дату в конце статьи после пометы «ср.»: *Василий-Капельник*. День 27 февраля / 13 марта. Ср. *Василий-Каплюжник*; *Василий-Каплюжник*. День 27/28 февраля / 12/13 марта.

По возможности мы стараемся сохранять в дефиниции компоненты, способствующие прочтению внутренней формы хрононима: *Бабьины* ‘праздник в честь повивальной бабки, 26 декабря / 8 января’.

Толкование названий подвижных праздников включает привязку к крупному православному празднику (посту) и общенародный или краткий официальный эквивалент хрононима: *Ржаные Мироносицы* ‘третья неделя после Пасхи, неделя жен-мироносиц’. Толкование хрононимов, называющих временные отрезки с числовым обозначением их начала или конца, включает указание на дату и на календарный месяц: *Бызы* ‘время с 13/26 июня до конца июля по новому стилю’.

Как известно, церковные праздники делятся на двенадцатые, великие, престольные, праздники в честь святых и дни памяти русских святых³. Для хрононимов, называющих двенадцатые праздники, важно не просто указать событие, но и подчеркнуть значение этого события для православной и народной культуры: *Успение* ‘п р а з д н и к Успение Богородицы, 15/28 августа’.

С целью разграничения в словаре двенадцатых и великих праздников для названий последних в толковании фиксируется только событие и соответствующая ему дата: *Иванов день* ‘день рождения св. Иоанна Крестителя, 24 июня / 7 июля’. Для хрононимов, обозначающих престольные праздники, в дефиниции дается указание на локальный характер праздника: ‘местный церковный праздник, отмечаемый ... числа’.

³ См. подробнее [Зайцева, 2007]. *Двенадцатыми* считаются двенадцать важнейших церковных праздников, посвященных событиям земной жизни Иисуса Христа и Богородицы (Вознесение, Троица, Благовещение и т. д.). *Великие праздники*, помимо двенадцатых, включают в себя пять значимых для русского православия дат: 1/14 января — Обрезание Господне и память св. Василия Великого, 24 июня / 7 июля — Рождество Иоанна Предтечи, 29 июня / 12 июля — День памяти святых Петра и Павла, 29 августа / 11 сентября — Усекновение главы Иоанна Предтечи, 1/14 октября — Покров Богородицы. Эти даты связаны с событиями из жизни святых, живших одновременно с Иисусом Христом. *Престольными* называют местные праздники, отмечаемые в дни памяти событий и святых, в честь которых возведены храмы. К ним относятся празднества в честь чудотворных икон.

Для удобства поиска хрононимов и во избежание повторения дефиниций используются отсылочные толкования. Минимально различающиеся (коррелятивные) варианты (фонетические и структурные) даются через отсылку «см.» (*Вспожїнки*. См. *Воспожинки*; *Вѣшня Микѡла*. См. *Микола Вешня*). Варианты, идущие друг за другом по алфавиту, даются через отсылку «то же». Варианты хрононимов и параллельные названия одного и того же дня, разделенные другими хрононимами, получают полное толкование: *Иванов день* ‘день св. Иоанна Крестителя, 7/20 января’; *Иван Хреститель* ‘день св. Иоанна Крестителя, 7/20 января’. Такой принцип позволит читателю быстро найти все сведения об интересующем его наименовании. Таким же образом приводятся толкования для фактов семантико-словообразовательной деривации.

Каждой заголовочной единице приписывается определенная ареальная характеристика (край, республика, область) в виде сокращенных географических помет, которые даются в соответствии со словарными и этнографическими источниками: Арх., Волог., Прикам., Тамб. — КСГРС; Махрачева; Черных, 2008. Географические пометы приводятся в алфавитном порядке. Для хрононимов, зафиксированных в большинстве областей и регионов России, дающих большой географический разброс, вместо указания ареала будет дана помета «шир. распр.» (широко распространено). Общепринятые наименования приводятся с пометой «общепр.» (общепринятое).

Возникают трудности при отборе иллюстраций для хрононимов из этнографических источников. Иллюстративный материал из фольклорно-этнографических сборников значительно превышает информацию из диалектных и общепринятых словарей, особенно если речь идет о широко распространенных хрононимах (*Благовещенье*, *Сретенье* и пр.). Объемная за счет фольклорных текстов иллюстративная зона усложняла бы прочтение словарной статьи. Для решения этой проблемы предлагается выделить три микрзоны в иллюстративной части статьи: выдержки из речи информантов (контексты, записанные в полевых условиях); цитаты из фольклорных текстов (приметы, пословицы, фрагменты календарных песен и др.); комментарии собирателя. Фольклорные тексты приводятся после знака ▲. Третья микрзона будет представлена при отсутствии первых двух зон или при наличии в ней информации о народной этимологии, мотивации хрононима. Комментарии собирателя будут выделены кавычками.

Следует обозначить основные критерии отбора контекстов для словарной статьи: 1) наличие мотивации хрононима, 2) характеристика объекта описания с разных сторон, 3) лингвокультурная значимость информации, 4) различные ареальные характеристики. В каждую микрзону включается до пятнадцати контекстов. Однотипных контекстов мы по возможности избегаем.

Внутри микрзон предлагается провести жанрово-тематическую рубрикацию. Дифференциация материала упростит анализ функционирования хрононимов. В той микрзоне, где приводятся выдержки из речи информантов, можно

выделить следующие виды информации: языковая рефлексия (размышления о хрононимах), истории, связанные с конкретным праздником (на библейской или реальной основе), поверья (запреты, предписания), обычаи и обряды. В фольклорной зоне контексты будут расположены в таком порядке: рифмованные выражения и поговорки с хрононимами-агионимами (*Введение разбивает леденье*); контексты, в которых задействована народная этимология (*В день Мокия мокро, и все лето мокрое*); устойчивые фразы, представляющие собой приметы, поверья — о погоде, о сельском хозяйстве (*Если в Ильин день дождя не будет — потом шесть недель не будет*).

Иллюстративный материал, как говорилось выше, должен отражать функционирование хрононимов в речи, а также сведения мотивационного и лингвокультурного характера: к примеру, *Аксенья-Полузимница-Полухлебница живет о середине зимы, половина корму скоту*. Такая информация позволит читателю воссоздать картину народных представлений о годовом времени. Фонетические особенности речи информантов даются в соответствии с источниками.

При сборе материала мы столкнулись с тем, что в целом ряде контекстов опущен собственно хрононим. Основная причина появления подобных контекстов, вероятно, в том, что сбором хрононимии нередко занимались не профессиональные диалектологи, а этнографы и фольклористы. Такие контексты учитываются лишь в том случае, если они содержат культурно-мотивационные сведения, ср.: *Авдотьи-Плюшники* '1/14 марта'. *Снег плющит настом* [Даль, 3, 132]. Есть недостатки и у контекстов, записываемых диалектологами: при полевом сборе хрононимы зачастую фиксируются списком (информант перечисляет все летние праздники, затем осенние и т. д.), при помощи вопросника (информанту называют даты основных церковных праздников), — и собиратель не стремится разнообразить контексты, задать дополнительные вопросы и т. п.

Возникают сложности при подаче отношений лексической системности. Как и другие имена собственные, хрононимы «замкнуты» на денотат. В то же время некоторые наименования единиц годового времени называют смежные временные отрезки. При этом зачастую происходит расширение значения хрононима. Метонимическая связь временных отрезков, имеющих одинаковое наименование, отражается в одной словарной статье путем введения буквенных индексов а), б) и др.: *Водокрещи*. а) Праздник Крещение Господне, 6/19 января; б) Время с 6/19 января по 1/14 марта. «Плавающие даты» способствуют «полисемии» хрононимов: *Бабы каши*. а) День 26 декабря / 8 января; б) День 27 декабря / 9 января. Основное значение наименований устанавливается по церковному календарю.

Одинаковые названия несмежных временных точек условно можно считать «омонимами»: *Иванов день* '24 июня / 7 июля'; *Иванов день* '24 февраля / 9 марта'. В нашем словаре такие наименования подаются с надстрочной цифрой: *Иванов день*¹, *Иванов день*². Последовательность подачи данных названий определяется двумя критериями: степенью распространенности названия и положением

обозначаемой единицы на временной оси. Широко распространенный хрононим будет дан первым по алфавиту с индексом 1, например: *Иванов день*¹. День рождения Иоанна Крестителя, 24 июня / 7 июля; *Иванов день*². День усекновения главы Иоанна Крестителя, 29 августа / 11 сентября; *Иванов день*³. День памяти св. Ивана Богослова, 26 сентября / 9 октября. Узколокальные «омонимичные» хрононимы подаются в соответствии с хронологическим принципом, опирающимся на последовательность временных единиц в году.

Хрононимы могут иметь семантические варианты, во внутренней форме которых лежит один мотивационный признак (*Иван Постный*, *Иван Сухой* '29 августа / 11 сентября'). Данные «синонимичные» названия можно будет найти в хронологическом индексе по обозначенной ими единице годового круга.

Хрононимы, имеющие во внутренней форме семантически противоположные признаки, составляют «антонимические пары/ряды» (*Малый Спас* — *Большой Спас*; *Маленький Спас* — *Средний Спас* — *Большой Спас*). Такие микросистемы рассматриваются в словарной статье после контекстной зоны под пометой «ср.».

Хрононимы, обозначающие дни какого-либо праздничного цикла, образуют сценарии, при этом мотивационные признаки названий складываются в какой-либо сюжет: *Встреча*, *Заигрыши*, *Проводы* (Масленичный цикл). В словаре такие наименования также будут даны после пометы «ср.».

Кроме того, помета «ср.» ставится в тех случаях, когда хрононимы, обозначающие смежные временные промежутки, связаны словообразовательными отношениями и располагаются на разные буквы алфавита: *Подспас* (ср. *Спас*), *Анна Сретенска* (ср. *Сретенье*).

Представляется, что словарь русской народной хрононимии продемонстрирует особенности функционирования хрононимов в языковой системе и в фольклорных текстах, даст возможность увидеть разнообразие этого разряда ономастики и его лингвокультурную специфику, отражающую народные представления о традиционном календаре.

Ниже представлены образцы словарных статей для словаря русской народной хрононимии.

Примеры статей толковой части словаря

АФАНАСИЙ, АФОНАСЕЙ, ФАНАСИЙ. День святителя Афанасия, 18/31 января. Ангара, Арх., Енис., Твер., Яросл. *На Афанасия к нам гости со всех деревень приезжали.* Арх. — КСГРС. *На Афанасия знахари выгоняют ведьм.* — Даль, 1, 689. Макаренко, 1993, 46.

▲ *Афанасий и Кирилло забирают за рыло* (о зимней стуже в эти дни); *Афанасий, сломи рожки*; *Фанасий, шиби рог с зимы*; *С Афанасья солнце бок коровы нагревает*; *С Афанасья сена надо жеребей, а хлеба два* («с этого дня сена понадобится столько же, сколько было уже скормлено, а хлеба, т. е. овса, вдвое больше, так как наступает время линьки скота, которая, по мнению крестьян, проходит легче при хорошем кор-

ме»). — СРНГ, 1, 293. *Афанасий два часа приволок* (об удлинении светового дня). Арх. — ЭМ ТЭ.

> **Афанасьевский**. ~ **Афанасьевские (фанасиевские) морозы**. Морозы в день св. Афанасия. Сев., Tobол., Урал — СРНГ, 18, 269; Даль, 1, 32; 4, 9; Бурцев, 3, 242; КСРНГ.

БОГОРОДИЦЫН ДЕНЬ¹. День иконы Божьей Матери, называемой «Троеручица», 12/13 июля. Арх. — АОС, 2, 45.

БОГОРОДИЦЫН ДЕНЬ². Праздник Рождество Богородицы, 8/21 сентября. Шир. распр. *До Богородицына дня все убрать надо* (с полей). *Снопик овсяный принесут, он стоит две недели у иконы*. Арх. — ЭМ ТЭ. *Придет Богородицын день, говорили: «Богородица все с поля убрала»*. *После уж и не ходят в огород*. Прикам. — Подюков, 2001, 68. Вылегжанин, 1995, 116; ЛК ТЭ; Черных, 2006, 263; Макаренко, 1993, 77; СГРС, 1, 129; Некрылова, 2007, 197.

БОГОРОДИЦЫН ДЕНЬ³. День 26 декабря / 8 января. *Бабушкин день, а по-Божьи — Богородицын день: Богородица отдыхает после родов*. Нижегород. ? Корепова, 2009, 66.

ВЁРБНИЦА. а) Воскресенье на шестой неделе Великого поста. Арх., Пск., Смол. — СРНГ, 4, 122; ССГ, 11, 189.

б) Шестая неделя Великого поста. Арх., Костр., Яросл. — Даль, 1, 178; АОС, 3, 103. ▲ *Какова Вербница, такова будет и Железница* (о погоде). Яросл. — СРНГ, 4, 122.

◇ **Вёрбница свернется**. а) О перемене погоды с Вербной недели; б) О сохранении погоды Вербного воскресенья и в последующее воскресенье. Новг. — СРНГ, 4, 122.

ЕГÓРИЙ¹. День св. Георгия Победоносца, 23 апреля / 6 мая. Шир. распр. *Ставили свечку к иконе: «Егорию — свичка, корове — вичка»*. *На Егория скотинку выгоняли*. Вят. — Вылегжанин, 1995, 109. *Егорий у нас считался как конский праздник, коней кропили у церкви*. *На Егория корова-именинница, надо ее хлебушком с солью покормить*. *На Егория обязательно надо капусту на рассаду высадить*. *На Егория всегда разлив воды большой живет*. Прикам. — Подюков, 2001, 49. *С Егорья женщины и челядь копают саранки (луковицы)*. Сиб. — Макаренко, 1993, 55. *Первый весенний выгон скота обычно начинается в Егорий*. *Коровам укорачивали хвосты*. Костр. — ЛК ТЭ. *В Егорей надо иголки и ножницы не видеть, чтоб змей не видеть весь год*. Волог. — КСГРС. Ср. ЕГÓРА-БУХАЛА.

▲ *Егорий из-под спуда зелену траву выгоняет*. Тамб. — Дубровина, 2001, 44. *Егорий на белом коне приехал* (о снеге, выпавшем 23 апреля / 6 мая). *Егорий с водой, Никола с травой; Троица с листом, а Илья с просвирой*. Арх. — СГРС, 3, 301. *Егорий по настоящему весну начинает, а Илья лето кончает*. *Егорий с теплом, а Никола с кормом; Егорий с ношей, а Никола с возом*. *На Егорья роса — будут добрые проса*. Орл. *Сей рассаду до Егорья — будет капусты доволё*. Новг. — Даль, 1, 514. *На Егорья мороз — будет просо и овес*. Орл. — Даль, 4, 669. *В Егорей если мороз, под кустом овёс*. Волог. — КСГРС. *На Егорья пастух заиграл*. — Даль, 3, 23. *На Егорья — отдых людям, а лошадям — конский праздник*. Забайк. — Болонев, 1978, 77–78. *Если на Егория дождь, то и на Иванов и Петров дни будет дождь*. Вят. — Вылегжанин, 1995, 109.

> **Егóрий**. Содержимое решета (хлеб и икона св. Георгия), с которым пастух обходил стадо в день св. Георгия. *Пастуху в решето кладут егорий*. *Три раза он должен обойти встречь солнца скотину*. Волог. — КСГРС.

◇ **Егорий в лодочках.** Об интенсивном таянии льда на реках около 23 апреля / 6 мая. Вят. — Вылегжанин, 1995, 109. ◇ **Свечи Егорью.** Свечи, которые ставят св. Георгию 23 апреля / 6 мая. Сиб. — Макаренко, 1993, 144.

ЕГО́РИЙ². День св. Георгия Победоносца, 26 ноября / 9 декабря. Арх. — СГРС, 3, 301.

ЕГО́РА-БУХАЛА. День 25 апреля / 8 мая. Новг. — СРНГ, 8, 317. Ср. ЕГО́РИЙ¹.

ИВА́Н ПО́СТНЫЙ. День усекновения главы Иоанна Крестителя, 29 августа / 11 сентября. Шир. распр. *С Ивана Поснова сохатой с сохатухою (лось с лосихой) водитца до Покровá.* Сиб. — Макаренко, 1993, 76. *Иван Постной, в этот день капусту нельзя шевелить.* Прикам. — Подюков, 2001, 70. *Иван Постной есть, капусту нельзя рубить, а то Ивану голову отрубешь.* Прикам. — Черных, 2006, 279. *29 августа Иван Постный живет. К этому дню в огородах вырезают, ...торопятся с тем, что должно на зиму попасть в подполье.* Иркут. — СРНГ, 12, 54. *29 августа Иван Постный — коноплю рвут.* — Потанин, 1858, 121. Ср. ИВА́Н МЯСНО́Й.

▲ *Иван Постный — осени отец крестный.* Тамб. — Дубровина, 2001, 51. *Ждал, как Иисуса Христа, теплого дня, а дождался Ивана Постного.* Прикам. — Черных, 2006, 267. *Успенье без заморозков — до Ивана Постного морозов не будет.* Забайк. — Болонев, 1978, 95.

◇ **Съесть Ивана Пóстного.** Нарушить пост 29 августа / 11 сентября. Волог. — СРНГ, 30, 230.

ЗА́ИГРЫШ. Вторник на Масленичной неделе. Моск., Пск., Смол. — СРНГ, 10, 101. Ср. ВСТРЕЧА, ГУЛЯ́ЛОВКА (ЗАГУ́ЛИВАНИЕ, ЗАГУЛЯ́ЛОВКА), ПРО́ВОДЫ (ПРОЩА́НЬЕ, ПРОЩЕ́НЫЙ ДЕНЬ).

СЕМЬК. а) Четверг на седьмой неделе после Пасхи. Шир. распр. *Семик — праздник русалок и мертвых.* Забайк. — Болонев, 1978, 145. *Вот на Вятке утонуло семь братьев. И, видно, братья-то были набожные. А утонули в четверг перед Троицей. Вот в честь них и праздник такой теперя. На Семик поминать ходили на могильники. А когда поминаем: «Ну, лежите спокойно. Дай вам, Бог, царства небесного, ...а нам — хорошего здоровьица. И прощайте. Может, приду на следующий Семик».* Вят. — Вылегжанин, 1995, 129. *Селянку утром в Семик делают, а сыпаются накануне.* Прикам. — Черных, 2006, 140. *Семик отмечают дважды — в четверг и в субботу перед Троицей. Задавленников, утопленников в Семик поминуют, они ничё ж не видят подаяния, они только в этот день видят. В Семик утопленников не поминуют. В Семик покойники загибаются, после Семика они подаяния не видят.* Прикам. — Черных, 2006, 195—196, 199. Макаренко, 1993, 110; Даль, 4, 170; Дубровина, 2001, 105.

▲ *На Семик дождь — к урожаю.* Прикам. — Подюков, 2001, 54.

«Во многих губерниях России поминовение умерших в Семик считалось едва ли не главным поминовением года. В южнорусских губерниях в Семик матери устраивали поминки по своим умершим детям. Они приглашали соседских детей и угощали их кашей и медовой сытой. Семик был также днем веселья и гуляний, которые продолжались вплоть до Троицы». — Шангина, 2008, 148—149.

> **Семик.** 1. Ярмарка на седьмой неделе после Пасхи. Вят. — СРНГ, 37, 154. 2. **Семик, Семичиха.** Мужской и женский персонажи в игре «в свадьбу». «Свадебная тема разыгрывалась и через парные мифологические персонажи, один из которых сим-

волизировал мужское начало, другой — женское: Семик и Семичиха, Кукушка и Кукун, Русалка и Русалим, Молодец и Молодица». — Шангина, 2008, 147. > **Семикáться**. 1. Поминать усопших в седьмой четверг после Пасхи. 2. Праздновать Семик. Вят. — СРНГ, 37, 155. > **Семицкий**. ~ **Семицка(я) березка**. Обрядовый предмет, связанный с праздником Семик. Моск. *Она нарядна была, семицка березка*. — КСРНГ-Д. ~ **Семицкий венок**. Венок, сплетенный на Семик, используемый при гадании. Тамб. — Дубровина, 2001, 106.

б) Пятница на седьмой неделе после Пасхи. Прикам. *Бывает Семик в пятницу, бывает в субботу*. — Черных, 2006, 195.

в) Суббота на седьмой неделе после Пасхи. Орл., Прикам. *Семик отмечают дважды: в четверг и в субботу перед Троицей, в четверг поминают утопленников и удушенных. Прикам.* — Подюков, 2001, 55. *Бывает Семик в пятницу, бывает в субботу. Прикам.* — Черных, 2006, 195. *В Семик покойники загребуться, и будет тепло. Прикам.* — Черных, 2006, 153. *А в Семик-то ходили венки завивать, а потом в Троицу их ходили на речку, на пруд топить. Прикам.* — Черных, 2006, 139. *На Сямик завивали (венки) и бросали в речку. Какой потонить, мол, я умру скоро. А это воскресенье — венки развивать. Орл.* — Махрачева.

г) Праздник Троица. Влад., Ворон., Калуж., Забайк. — СРНГ, 37, 154; Даль, 4, 170; Болонев, 1978, 146. «Девушки связывали с березкой свои представления о солидарности, а потопление ее — с избавлением от сердитых мужей. Бросая в воду, они кричали: «Тони, Семик, тони сердитых мужей». Против мужского полу тоже березка бывает противна: если кто-нибудь наскандальничал в Семик, то Семик предаст несчастного уже в руки березке. А чаще всего попадается ей в руки женский пол в замужестве». Влад. — Шейн, 1898, 346.

> **Семицкий**. ~ **Семицкие песни**. Песни, которые поют в Троицу во время шествия с березой и завивания венков. Моск. — СРНГ, 26, 304.

д) Седьмая неделя после Пасхи. Тул. — СРНГ, 37, 154. ▲ Троица на цветах, а Семик на ветвях. — Даль, 4, 170.

е) Понедельник после Троицы, Духов день. Зап. — Даль, 4, 170.

ж) Неделя после Троицы. Казан. — СРНГ, 37, 154.

Примеры статей идеографической части словаря

Сентябрь, 8/21. Аспожка, Аспос, Аспосан день, Аспосов (день), Бабий праздник, Богородицын день, Божьей Матушки Рожденья, Большая спожка, Васпощенье, Вспожинки, Вторые осенины, Госпоженка, Госпоженки, Госпожинадень, Кальестровская, Луков день, Луково, Малая Пречистая, Оспас, Оспожка, Оспожки, Оспожинки, Пасекос день, Праздник Пречистой, Пречистая, Рождество Богородицы, Средняя Богородица, Споза, Спозенка, Спозинки, Спозка.

Масленица. Блинная неделя, Вострая неделя, Всёмирна, Всемирный праздник, Жороеда, Катунья, Кривая неделя, Кривошейка, Курносая, Маслена, Масленика, Масленка, Масленская неделя, Масленские заговины, Масленца, Маслинска(я) неделя, Масляно заговенье, Масляны, Мясопустная неделя, Обжорная Масленица, Сырная неделя, Сыроястная неделя.

Пасха. Артусное воскресенье, Господень день, Велик-день, Великдень, Велико-день, День обжорства, Паска, Ползучая Пасха, Радостно(е) воскресенье, Светлая, Светлый праздник, Свят день, Святая, Сырник, Христов день.

Вторая неделя после Пасхи. Красная горка, Радовинские поминки, Радованцы, Радоница, Радоницы, Радошная неделя, Радошно, Радуница, Родымская неделя, Толпище, Фомина неделя, Хминяя неделя.

-
- АОС — Архангельский областной словарь. М., 1980—... . Вып. 1—... .
- БАС₂ — Большой академический словарь русского языка / Гл. ред. К. С. Горбачевич. М.; СПб.: Наука, 2004—... .
- Болонев Ф. Ф. Народный календарь семейских Забайкалья (вторая половина XIX — начало XX в.). Новосибирск, 1978.
- Бурцев — Обзор русского народного быта северного края / Собрал А. Е. Бурцев. СПб., 1902. Т. 2. Заклинания и заговоры. Личная библиотека К. И. Конищева; СПб., 1902. Т. 3.
- Востриков О. В. Опыт этноидеографического словаря русских говоров Свердловской области. Екатеринбург, 2000. Вып. 1.
- Вылежанин А. Вятский фольклор. Народный календарь. Котельнич, 1995.
- Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. М., 1998. Т. 1—4.
- Дубровина С. Ю. Народное православие на Тамбовщине (опыт этнолингвистического словаря). Тамбов, 2001.
- Зайцева Д. Е. Полный календарь народных и православных праздников. Ростов н/Д, 2007.
- Калинский И. П. Церковно-народный месяцеслов на Руси. М., 1990.
- Корепова К. Е. Русские календарные обряды и праздники Нижегородского Поволжья. СПб., 2009.
- КСГРС — картотека Словаря говоров Русского Севера (хранится на кафедре русского языка и общего языкознания Уральского университета, Екатеринбург).
- КСРНГ — картотека Словаря русских народных говоров (хранится в Институте лингвистических исследований РАН, Санкт-Петербург).
- КСРНГ-Д — картотека Словаря русских народных говоров. Дополнения (хранится в Институте лингвистических исследований РАН, Санкт-Петербург).
- ЛКТЭ — лексическая картотека Топонимической экспедиции УрГУ (хранится на кафедре русского языка и общего языкознания Уральского университета, Екатеринбург).
- Макаренко А. Сибирский народный календарь. Новосибирск, 1993.
- Махрачева — Личный архив Т. В. Махрачевой (Тамбов): полевые материалы, собранные в Тамбовской и Орловской областях.
- Некрылова А. Ф. Русский традиционный календарь. СПб., 2007.
- Подюков И. А. Круговорот жизни. Народный календарь Прикамья. Пермь, 2001.
- Потанин 1858 — Юго-западная часть Томской губернии в этнографическом отношении. Ст. чл. — сотр. Гр. Н. Потанина // Этнографический сборник, издаваемый Русским географическим обществом. СПб., 1858. Вып. IV.
- Прокошева К. Н. Фразеологический словарь пермских говоров. Пермь, 2002.
- СГРС — Словарь говоров Русского Севера. Екатеринбург, 2001—... . Т. 1—... .
- СРГСУ — Словарь русских говоров Среднего Урала. Свердловск, 1964—1988. Вып. 1—7.
- СРНГ — Словарь русских народных говоров. М.; Л., 1965—... . Вып. 1—... .
- ССГ — Словарь смоленских говоров, Смоленск, 1974—2005. Вып. 1—11.
- Толстая С. М. Полесский народный календарь. М., 2005.

- ТСРЯ — Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов / Под ред. Н. Ю. Шведовой. М., 2007.
- Черных А. В.* Русский народный календарь в Прикамье. Праздники и обряды конца XIX — середины XX в. Ч. I. Весна, лето, осень. Пермь, 2006.
- Шангина И.* Русские традиционные праздники. СПб., 2008.
- Шейн П. В.* Великорусс в своих песнях, обрядах, обычаях, верованиях, сказках, легендах: Материалы, собранные и приведенные в порядок П. В. Шейном. СПб., 1989, 1900.
- ЭМТЭ — картотека фольклорных и этнографических материалов Топонимической экспедиции УрГУ (хранится на кафедре русского языка и общего языкознания Уральского университета, Екатеринбург).

СООБЩЕНИЯ

УДК 811.511.132 + 81:39 + 81'373.21

Е. А. Цыпанов

КЛИЧКИ СОБАК В КОМИ ЯЗЫКЕ

Ключевые слова: финно-угорские языки, коми язык, зоонимия, этимология, мотивация, дистрибуция.

Статья посвящена краткому рассмотрению кличек собак в современном коми языке, описанию основных групп исконных названий с точки зрения мотивации и дистрибутивных характеристик (общенациональные, региональные клички, индивидуальные наименования).

В последние десятилетия в отечественном финно-угроведении наблюдается повышенный интерес ученых-лингвистов к изучению ономастических систем, прежде всего топонимов, этнонимов и личных имен людей. Это и понятно, ибо в условиях усиления общественного внимания к исследованию этничности в целом именно такой материал дает более рельефную картину как в отношении освещения древней и недавней истории коренных народов, их контактов с соседними народами, так и в отношении изучения современного состояния жизни и развития этносов. В пермском языкознании традиционно изучаются прежде всего наименования географических объектов и антропонимы. Однако в работах по коми ономастике совершенно не рассматриваются клички животных, подобное же положение наблюдается и в удмуртском языкознании.

Настоящая статья посвящена краткому рассмотрению кличек собак в современном коми языке, описанию основных групп исконных названий с точки зрения мотивации и дистрибутивных характеристик.

© Цыпанов Е. А., 2010

Вопросы ономастики. 2010. № 1 (8)

Как и во многих российских финно-угорских регионах, бóльшая часть кличек животных в Республике Коми ныне заимствована из русского языка или через русский язык из иных языков. В составе кличек собак это, например, *Друг*, *Тайга*, *Шарик*, *Мальчик*, *Граф*, *Рекс*, *Джек*, *Джерри* и др. Меньшинство кличек составляют исконные коми наименования, а также уже адаптированные старые заимствования из русского языка, например коми-перм. *Барбоско*, коми-зыр. *Пёлкан*, *Жульё*, *Белько*, *Рыжко*.

Объектом анализа в данной статье является преимущественно пласт исконных коми наименований собак. Статья основана на материале составленного нами компьютерного фонда «Коми клички животных» и изданного на его основе ономастического словаря [Цыпанов, 2008]. Список собачьих кличек коми происхождения (всего 54 наименования) вместе с иллюстративными примерами из фольклора, диалектных текстов и художественной литературы также был опубликован в одном из номеров журнала «Войвыв кодзув» [Цыпанов, 2003, 75—79]. В словаре же этот список насчитывает 87 наименований.

Коми язык достаточно хорошо сохраняет немало исконных общенациональных и региональных кличек собак, коми по происхождению индивидуальные наименования регулярно появляются и в наши дни.

Необходимо отметить, что финно-угорские народы, как исконные охотники, рыболовы и собиратели плодов леса, издавна использовали собак в домашнем хозяйстве для охоты и охраны жилищ, что демонстрирует название собаки в финно-угорских языках, ср.: коми *пон* [понй-], вс. *пõн*, кя. *пун*, удм. *пуны* ‘собака’ — общеперм. *põni* // морд. *p'in'e*, мар. *pi, piç*, фин. *peni*, саам. *bãñâ*, ?? венг. *fene* = доперм. **pene-* [КЭСК, 224–225]. Тем не менее вполне очевидным является утверждение, что системы кличек собак в различных языках развились в относительно недавнем прошлом, уже в период самостоятельного развития языков, что объясняется также достаточно быстрыми изменениями в ономастических системах в целом в ходе исторического развития языков. Об этом можно судить и на основе сравнения наиболее употребительных кличек собак в коми и финском¹ языках. И по составу, и по происхождению клички совершенно разные, никак не сводимые к праязыковым.

Коми язык: *Белько* < рус. *белый*, кличка белой собаки; *Буско* < *бус* ‘пыль’, кличка серой собаки; *Катиыс* < *кати* ‘белый’, кличка черной собаки с белой шерстью на лбу или на шее; *Серко* < *сер* ‘узор, пятно’, кличка пестрой собаки; *Ваткыль* < *ваткылясьны* ‘ходить вперевалку’; *Лыско* < *лысны* ‘лысеть, линиять, облезать’ (< рус.).

Финский язык: *Musti* < *musta* ‘черный’; *Rekku* < *rekku* ‘бедняжка’; *Ressu* < *ressu(kka)* — с тем же значением ‘бедняга, бедняжка’; *Tassu* < *tassu* ‘лапа’; *Minni, Minna* < ? (происхождение неизвестно).

¹ По сообщению П. Кокконен и Э.-Ю. Салминена.

Проблематично выявить пока даже общепермские клички собак. По сообщению Л. Л. Карповой и Б. И. Каракулова, современные удмурты используют лишь заимствованные из русского языка клички типа *Шарик*, *Бобик*, *Тузик*, лишь писатели изредка используют удмуртские наименования, например, П. Чернов в повести «Кион кар» («Волчья нора»)² вводит кличку *Лусьтро* ‘лохматый’. Возможно, в диалектах и сохраняются еще исконные клички собак, однако из-за отсутствия материала мы пока не можем судить даже о положении дел в удмуртском языке.

В отношении дистрибутивной характеристики весь собранный материал кличек собак (естественно, далеко не полный) можно разделить на две группы — узуальные и окказиональные, или единичные, клички.

Узуальные клички являются общераспространенными среди всех коми или же имеют всеобщее, но региональное или диалектное употребление.

У всех коми (в основном коми-зырян) широко бытуют такие клички собак, как *Авö*, *Белько*, *Буско*, *Ваткыль*, *Жульö*, *Катшö*, *Катшыс*, *Кутю*, *Лапъяпель*, *Лыско*, *Рыжко*, *Туган*, *Тиайко/Чайко*, *Увö*. Из особенных коми-пермяцких кличек в фольклорных произведениях и устной речи употребительны *Бусик*, *Гос*, *Жысько*, *Лапко*, *Ляв-Ляв*, *Низько*, *Рись*.

Среди коми-зырянских диалектных данных, представленных в научной литературе, клички собак занимают маргинальное положение: они есть далеко не во всех словарях и текстах. Однако можно отметить и регионально распространенные клички. В местностях проживания носителей ижемского диалекта употребительны клички *Катшо*, *Лано*, *Н’ол’о* [ИД, 160, 171, 187]; на Удоре отмечены клички *Ланö*, *Тычö* [УД, 189, 258–259], *Ребо* [КЭСК, 240]. В регионе Верхней Сысолы употребляется кличка *Ланик* [ВСД, 195] (ср. выше *Лано*, *Ланö*); на Нижней Вычегде — *Кычэ* [КЭСК, 155], *С’эр*, *С’эрка*, *С’эрко* [НВД, 122, 174], на Верхней Вычегде — *Т’авэ* [ВВД, 202].

В группу окказиональных, или единичных, кличек входят такие наименования, которые не имеют всеобщего распространения, они возникают в индивидуальном порядке, часто даже случайно.

К примеру, опросы показывают, что иногда, особенно у детей, в качестве кличек собак используются слова *пон* ‘собака’ > *Пон*, *кычан* ‘щенок’ > *Кычан*.

В последнее десятилетие у части владельцев собак, в основном коми национальности, появилась тенденция давать собакам коми наименования, что демонстрируют каталоги выставок охотничьих собак, где зафиксированы такие клички, как *Айка*, *Анча*, *Дона*, *Парма*, *Райда*, *Чард* и т. д.

Интересные данные содержатся в текстах художественной литературы, где некоторые коми авторы дают индивидуально-авторские клички собакам литературных персонажей, демонстрируя возможности языка образовывать разнообраз-

² Чернов П. Кион кар («Волчья нора»). Ижевск, 1970.

разные наименования на собственно коми основе. К примеру, клички *Мунтась* и *Татілок* авторы создали на основе разговорных выражений, адресованных собакам, — *Мун тась!* <Пошел отсюда!> и *Таті лок!* <Иди здесь, по этому месту!>: *Вочасён Мунтась быдмис да лоис зэв мича понйён* (И. Белых)³. <Постепенно *Мунтась* вырос и стал очень красивым псом>; *Водзын Татілок кодёскё пондiс камгыны-увтны, лёкысь эргигтыр увтны* (И. Торопов)⁴. <Впереди *Татілок* на кого-то стал очень громко лаять>.

Некоторые современные писатели, создавая произведения на историческую тему, описывающие жизнь древних коми перед русской колонизацией Коми края, вводят исконные, но придуманные ими клички собак. Например: *А вола. Октысьны водз на жё а. Гёнтьом кока на съёла-тарыс. Нуёдан тайёс? Тутёсё? — тиапкылис зон кычансё мышкёдыс* (Г. Юшков)⁵. <А приду. Ставить ловушки все равно рано еще. Рябчики и тетерева еще не оперились. Поведешь его? *Тутё?* — схватил парень щенка за загривок>; *Тикёлён гортса ёртыс — Чангыр нима пон, но сийёс мёс видзысьяс съёрсьыныс босьтiсны* (В.Тимин)⁶. <Домашний друг у Тикё — собака по имени *Чангыр*, но её взяли с собой пасущие коров пастухи>.

Окказиональных кличек собак гораздо больше, чем узуальных, и постоянно появляются новые клички. Однако такие наименования в обиходной жизни очень быстро забываются по причине единичности наименования — часто лишь в отдельной семье у одной собаки. Тем не менее их сбор и изучение отнюдь не являются неактуальными.

При рассмотрении оснований для номинации в корпусе кличек собак наблюдается большое разнообразие.

1. Для большинства наименований узуального и окказионального характера основанием для номинации послужили внешние особенности собак. Чаще всего это цвет шерсти, например: *Белько* «белый», *Рыжко* «рыжий» (< рус.). Клички *Катшыс*, *Катшö*, иж. *Катшо* даются, как правило, черным собакам с пятном из светлой шерсти (по КЭСК — «с белым пятном на лбу или на шее»; иж. *Катшо* — «кличка собаки с белой полоской вокруг шеи»), этимологически коми *катши* ‘белый’ (общеперм. **каś*- ‘белый’) — предположительно древнетюркское заимствование в пермских языках [КЭСК, 118–119]. Кличка *Буско*, коми-перм. *Бусик* — от *бус* ‘пыль’ (возможно, общеперм. **bus*- < др.-чуваш. [КЭСК, 250–251]) — дается собакам серой масти, с шерстью цвета пыли. Клички *Сер*, *Серко* (нв. *С’эр*, *С’эрка*, *С’эрко*) даются собакам пестрой масти (коми *сер* III ‘узор,

³ Белых И. Мунтась, мун тась! // Йёлöга. 2001. № 12. С. 4.

⁴ Торопов И. Тян, повесть. Сыктывкар, 1982. С. 192.

⁵ Юшков Г. Бива (Огнивица). // Юшков Г. Öтувтём гижöдыяс. Собр. соч. в 4 т. Т. 1. Романъяс. Сыктывкар, 2001. С. 43.

⁶ Тимин В. Эжва Перымса зонка. Сыктывкар, 2000. С. 9.

пятно, рябинка' — общеперм. **s'ęr* 'узор, орнамент'; ср. также *ser* I нв., уд. 'куница' — общеперм. **s'ęr* или **s'ęr* 'куница' [КЭСК, 250–251]). Первоначальным значением слова *тишай* (*šaj*), от которого образована кличка *Тшайко* / *Чайко*, могло быть значение 'голый, открытый, белый, выделяющийся чем-то', ср.: *тишя кока вöв* 'лошадь в белых чулках', вв., печ., скр., сс. *тишайко* 'кличка лошади с белой щеткой', уд. *кок тишай* 'копыто коня' [КЭСК, 288–289]. Удорская кличка *Тычö* соотносится с уд. *тычка*, *тычик*, *тычык* 'пестрина, пестринка, крапинка, пятно, пятнышко' [УД, 258].

Выделяются и другие внешние признаки собак. Например, кличка *Гöна* образована от прилагательного *гöна* 'пушистый'; коми-перм. кличка *Низько* — от *низь* уст. 'соболь' [КПРС, 273] — также может характеризовать цвет собаки и (или) ее пушистый мех; в основе клички *Лыско*, если она не заимствована из русского языка, может быть глагол *лысны* 'лысеть, линять, облезать' (коми < и.-е. [КЭСК, 164]).

Ижемская кличка *Н'ол'о* — «кличка собаки с пятнами над глазами», образованная от *н'ол* 'четыре', дается собакам со светлыми пятнами над глазами, из-за чего кажется, что собака четырехглазая.

Кличка *Лапко*, уд. *Ланö*, соотносится с коми *лапа* 'лапа' (< рус.) или *лап* в составе словосочетаний *коз лап* 'лапа ели' (*коз* 'ель'), *син лап* 'веко' (*син* 'глаз'), первоначальное значение 'свободно висящее, плоское', удм. *лопио* 'вислоухий', *лопио пель пуны* 'собака с висячими ушами', общеперм. **lɤp-* [КЭСК, 157]; в основе клички *Лапьяпель* — словосочетание *лапъя пель* 'отвислое ухо'. Пояснение «кличка черной собаки» относительно иж. *Лапо* [ИД, 171] кажется неточным.

Кличка *Чангыр* буквально означает «вздернутый (о носе)».

Коми-перм. кличка *Гос* образована от коми-перм. *гос* 'жир' [КПРС, 146], т. е., вероятно, должна обозначать «толстая собака».

Широко употребительная кличка *Ваткыль* восходит к глаголу *ваткылясьны* 'ходить вперевалку', и первоначальное значение было «собака с вихляющей походкой», но теперь это обыкновенная кличка собак, независимо от особенностей походки.

2. Основанием для номинации собак также являются характерные черты их лая, оформленные коми звукоподражательными словами: *Увö* < *ув-ув* 'гав-гав'; *Авö* < *ав-ав*, ср. коми-перм. *авöстны* 'зарычать, рывкнуть' (о животных) [КПРС, 16]; *Тяв-Тяв*, вв. *Т'авэ* < *тяв-тяв*; коми-перм. *Ляв-Ляв* < *ляв-ляв*, ср. коми-перм. *ляв-ляв* изобр. 'гав-гав' [КПРС, 238].

3. Номинация может содержать определенную оценку собак хозяевами, характеристику охотничьих и иных качеств собаки: *Дона* < *дона* 'дорогой, ценный'; *Анча* < *анча* 'норка', т. е. собака юркая, ловкая; *Руч* < *руч* 'лиса', т. е. умная, хитрая собака; *Чард* < *чард* 'молния', т. е. быстрая собака; *Нырис* < *нырис* 'нюх', т. е. чуткая собака; коми-перм. *Гос* (ср. выше) возможно также 'полезная собака' < коми-перм. диал. *гос* 'польза' [КПРС, 146]. К оценочным может быть

отнесена и коми-перм. кличка *Жысько* < *жысь* 'ах', междометие (выражает удивление) [КПРС, 143].

4. В исконных коми кличках собак в принципе не существует разделения по роду, но в единичных случаях по аналогии с русским языком при номинации сук используются слова, оканчивающиеся на *a*: *Дона* < *дона* 'дорогой'; *Парма* < *парма* 'тайга'; *Нывка* < *нывка* 'девочка'; *Райда* < древнее женское имя коми.

5. Кличка может опираться на языковые предпочтения автора, например по благозвучному, понравившемуся хозяину слову (*Лун* < *лун* 'день'; *Парма* < *парма* 'тайга'; *Айка* < *айка* 'свекор'; коми-перм. *Рись* < *ришь* 'творог, сырок' [КПРС, 406] и т. д.), или быть связанной с конкретной ситуацией, например кличка *Котьмый*, образованная от сочетания *коть мый* 'хоть что' — собаку назвали по той причине, что она откликалась на любые слова (*Коть мый сылы шу* < 'Хоть что ей скажи>').

6. В качестве клички используют и нарицательные слова, не отражающие дифференцирующие признаки собаки, а обозначающие родовые понятия «собака», «щенок»: *Пон* < *пон* 'собака', *Кычан* < *кычан* 'щенок', нв. *Кычэ* < *кычи*, *кычан* 'щенок', *Кутю* < *кутю* 'щенок'.

В отношении морфологической структуры коми клички собак не отличаются особым разнообразием: часто они являются простыми непроемными словами (*Анча* «норка», *Кутю* «щенок», *Гёна* «пушистый»), иногда композитами, образованными методом словосложения (*Лапъяпель* «отвислое ухо», *Мунтась* «пошел отсюда», *Тати лок* «иди здесь», *Котьмый* «хоть что»). К последним примыкают клички *Тяв-тяв*, *Ляв-ляв* и т. п., образованные от звукоподражаний собачьему лаю. Из производных наименований выделяются клички, образованные с помощью суффикса *-ко* от коми и русских основ (*Буско*, *Жысько*, *Низько*, *Лыско*, *Тшайко*; *Белько*, *Рыжко*) и с помощью суффикса *-ё* (*Катшё*, *Жульё*, *Лапё*, *Тузё*), диалектный вариант *-о* (иж. *Катшо*, *Лапо*).

Интересно происхождение клички *Вёрзим*, которая исторически является трансформировавшейся в наименование собаки формой глагола 1 лица мн. ч. I прошедшего времени — *вёрзим!* 'тронулись!' (в значении 'давай пойдём'). Например: *Сиктсьыд пöшти став понсё, мянлысь Вёрзимтё моз, кöиньяс косяллöмны* <...> (Н. Мальцев)⁷. — «Из деревни почти всех собак, как нашего *Вёрзима*, волки загрызли <...>». Так же образована и кличка *Муним* — от призыва собаке: *муним!* 'пошли!'⁸.

Вопрос генезиса подсистемы кличек собак в коми языке наиболее интересен и малоизучен. Очевидно, что большинство общеупотребительных кличек возникло в давний период развития коми этноса, заимствованных кличек мало.

⁷ Мальцев Н. Самöстрел // Коми му. 2003. 13 марта. № 29–30. С. 9.

⁸ Об употреблении клички *Муним* нам стало известно из сообщения коми писателя Виктора Напалкова, уроженца с. Жежим Усть-Куломского района.

Это, например, удорская кличка *Ребо* < вепс. *rebo, rebõ* ‘лис, лисица’, ср. фин. *repo*, карел. *repo, reboi*, люд. *reboi* [КЭСК, 240], которая может отражать как цвет собаки, так и ее характер; некоторые клички заимствованы и адаптированы из русского: *Рыжко, Белько, Пёлкан, Барбоско, Тузьё* (< рус. *Тузик*), *Жульё* (< рус. *Жулик, Жулька, Жуля*).

Среди кличек собак есть названия, которые были употребительны в качестве личных имен. Например, *Бус* (основа клички *Буско*), а также *Лыско*, согласно Т. И. Тепляшиной, являются древними общепермскими личными именами [Тепляшина, 1978, 36, 55]. Таким образом, в кличках собак «законсервировались» некоторые древние дохристианские личные имена. Сюда же относятся клички *Туган* — от древнего мужского имени, которое сохраняется лишь в легендах, и *Райда* — от старинного женского имени.

Некоторые клички используются для названия не только собак, но и других домашних животных: лошадей (*Лыско, Серко, Рыжко, Тшайко*), кошек (*Ваткыль*).

В целом этот аспект исследования еще нуждается в дополнительных разысканиях на основе более полного сбора материала из диалектов и живой устной речи. Определенный национальный подъем среди коми населения, наблюдаемый в последнее десятилетие, способствует появлению все новых кличек собак исконного происхождения. Однако сбор такого материала затруднен по той причине, что индивидуальные клички быстро забываются и известны чаще всего лишь членам одной семьи.

-
- ВВД — Сорвачева В. А., Сахарова М. А., Гуляев Е. А. Верхневычегодский диалект коми языка // Историко-филологический сборник. Вып. 10. Сыктывкар, 1966.
 ВСД — Жилина Т. И. Верхнесыольский диалект коми языка. М., 1975.
 ИД — Сахарова М. А., Сельков Н. Н. Ижемский диалект коми языка. Сыктывкар, 1976.
 КПРС — Баталова Р. М., Кривоцекова-Гантман А. С. Коми-пермяцко-русский словарь. М., 1985.
 КЭСК — Лыткин В. И., Гуляев Е. С. Краткий этимологический словарь коми языка. М., 1970.
 НВД — Сорвачева В. А. Нижневычегодский диалект коми языка. М., 1978.
 Тепляшина Т. И. Антропологические модели пермских языков. М., 1987.
 УД — Сорвачева В. А., Безносикова Л. М. Удорский диалект коми языка. М., 1990.
 Цыпанов Й. Комиын пемӧс нимъяс // Войвыв кодзув. 2003. № 4. С. 75–79.
 Цыпанов Й. Коми пемӧс нимкуд. Сыктывкар, 2008.

МАТЕРИАЛЫ

Л. С. Зеленцов

ПОВТОРЯЕМОСТЬ НАЗВАНИЙ НАСЕЛЕННЫХ ПУНКТОВ И ГЕОГРАФИЧЕСКИЙ ФАКТОР

Сопоставляя справочники населенных пунктов различных областей, трудно не обратить внимания на тот факт, что существует немало повторяющихся названий — как в пределах одной области, так и в нескольких областях. Очевидно, причины таких повторов различны, но показалось целесообразным свести их в единую таблицу — возможно, тогда эти причины станут более понятными.

В таблице учтены повторяющиеся названия 5 областей: Архангельской (А), Вологодской (В), Кировской (К), Пермской (П) и Свердловской (С), а также названия Удмуртии (У).

Берег 4 означает, что данное название использовано в пределах региона 4 раза как самостоятельный топоним.

Дор 25+11 означает, что название *Дор* повторяется 25 раз для названий населенных пунктов и, кроме того, входит в 11 словосочетаний (типа *Большой Дор*, *Верхний Дор*, *Крутой Дор* и т. п.).

Двор 0+43 означает, что ни в одном названии населенного пункта слово *Двор* не употребляется самостоятельно, но в названиях 43 населенных пунктов оно встречается в словосочетаниях и сложных словах.

Количественные показатели объединялись в случаях употребления в качестве ойконима прилагательных и форм единственного и множественного числа (т. е. *Белый*, *Белая* и *Белое*, а также *Бор* и *Боры* учитывались как одинаковые).

Приведенные количественные данные дают основания для некоторых выводов самого первого приближения.

© Зеленцов Л. С., 2010

Ойконимы	А	В	К	У	П	С
<i>Бараба</i>						3
<i>Белая, -ый, -ое</i>	0 + 4	4 + 0	4 + 3		4 + 6	4 + 7
<i>Берег</i>	4	5 + 1	1			
<i>Бережок</i>		5				
<i>Березник, -и</i>	23 + 1	11	9	2	13 + 2	2
<i>Березовка</i>	3		7	5	24	4
<i>Болото</i>	4		1	0 + 1	1 + 1	
<i>Бор, -ы</i>	18 + 3	12 + 7	3	0 + 3	7 + 2	0 + 8
<i>Боровая</i>		1				8
<i>Борок, -ки</i>	9	10	13			
<i>Брод, -ки</i>		4	1		3 + 2	1 + 1
<i>Бугры</i>		3	1		1	2
<i>Бутырки</i>	2 + 2		6			1
<i>Верховье</i>	4	9	1			
<i>Вершина, -ы</i>	2	2	1			
<i>Выселок</i>	1	1 + 4		1 + 1		
<i>Высокая</i>		18				
<i>Выставка</i>	6 + 6	2 + 2	0 + 1			
<i>Выставок</i>			0 + 1			
<i>Вязовка</i>						5
<i>Гари</i>	2 + 2	2 + 4	6 + 2	2	21 + 4	3
<i>Гарь</i>	2 + 1	2 + 1		0 + 2	1 + 4	3
<i>Глинный</i>	1		1		1	1
<i>Глухая, -ое</i>	0 + 1	2 + 1				
<i>Глядень, -ы</i>		1			1 + 3	1
<i>Гора</i>	15 + 5	32 + 20	0 + 17	0 + 2	7 + 8	2 + 6
<i>Горка, -и</i>	20 + 6	73 + 19	1 + 7	2	0 + 2	1 + 3
<i>Горы</i>	2	1	2	0 + 1	0 + 3	
<i>Городище</i>		5	6		10 + 4	6
<i>Городок</i>			1		2	1
<i>Горушка</i>	1	2	1			1
<i>Гремеча, -яча</i>			1		1 + 2	
<i>Гремячий</i>		1	1			
<i>Грива, -ка</i>	0 + 1	2 + 2	1			
<i>Двор</i>	0 + 1	0 + 43	0 + 1			
<i>Дворец</i>		2	2		1	
<i>Дворище</i>		2	3			
<i>Десярня, -ка</i>		1				2
<i>Деревня</i>		0 + 5		0 + 2	0 + 3	0 + 2

Ойконимы	А	В	К	У	П	С
<i>Дол</i>	0 + 1		0 + 1			0 + 2
<i>Долина</i>			0 + 1			0 + 2
<i>Дор, -а</i>	0 + 1	25 + 11	1 + 1			
<i>Дресва</i>		1	1			
<i>Дресвище, -а</i>	1	2				
<i>Дресвяница</i>		1				
<i>Дресвянка</i>		5				
<i>Дуброва</i>	5 + 1	10	9 + 5	1	5 + 2	1
<i>Дубровка</i>		6 + 2	2	6	3 + 2	1 + 1
<i>Дунай</i>		0 + 2			1	
<i>Елань</i>			1			4
<i>Еловка</i>						4
<i>Ельник, -и</i>	1	3	0 + 1	0 + 1	5	0 + 2
<i>Жар, -ки, -ы</i>		3				
<i>Заберезник</i>	1	4				
<i>Заберезье</i>	1	1				
<i>Заболото</i>					2 + 2	
<i>Заболотье</i>		10	4		1	1
<i>Забор</i>				1	1	
<i>Заборье</i>		6	3 + 1	1	6	
<i>Завал</i>	5					
<i>Завражье</i>	1	5				
<i>Загарье</i>		1	4		4	
<i>Загорье</i>	3	7			0 + 2	
<i>Задний, -яя</i>	0 + 2	5 + 3				
<i>Заимка, -и</i>	2	0 + 1	3 + 1	1	1	2
<i>Займище</i>	0 + 1	2 + 3				
<i>Залесье</i>	6 + 1	7 + 1			1	
<i>Залужье</i>	1	3	1			
<i>Заозерье</i>	10	5 + 1	2		6 + 2	
<i>Запань</i>	5	1 + 2	0 + 1			
<i>Заполье</i>	17	4	1	1	18 + 2	
<i>Заречка</i>		1	1		1	
<i>Заречье</i>	5	25 + 2	1		1	
<i>Заручевье</i>	9	4				
<i>Зачерная</i>					1	1
<i>Зимник</i>	2	1				
<i>Зимняк</i>		3	1			

Ойконимы	А	В	К	У	П	С
<i>Исады</i>		4 + 1			1 + 2	
<i>Исток</i>		2 + 2			1 + 1	1 + 1
<i>Каменка</i>		7			13 + 2	11
<i>Каменник</i>		3				
<i>Камешник</i>	1	2	1			
<i>Кедровка</i>					2	3
<i>Кекур</i>		2			6	2
<i>Ключ</i>			0 + 4	0 + 27	3 + 12	2 + 4
<i>Ключи</i>		2	28 + 2	4 + 10	23 + 8	9 + 1
<i>Ключики</i>					11	4 + 1
<i>Кокуй</i>	1	1	4 + 3		5 + 4	2
<i>Конец</i>	0 + 11	5 + 4	3		0 + 2	
<i>Копанец</i>	1				1	
<i>Копки</i>				2 + 3	1	
<i>Коса</i>					2 + 1	
<i>Косогор</i>					8	
<i>Красногорье</i>			5			
<i>Красногоры</i>			3			
<i>Краснояр</i>	1		1		4	1
<i>Креж</i>	7				1	1
<i>Кресты</i>		3	1		1	
<i>Кривец</i>		0 + 2			1	
<i>Круглец</i>		1				
<i>Круглица</i>	1	3				
<i>Крутец</i>		9 + 2	2			
<i>Крутик, -и</i>			2		4	1
<i>Крутиха</i>		1				2
<i>Кулига</i>		2	3			1
<i>Курень</i>			2 + 1			1
<i>Курья, -и</i>		2		3		
<i>Куст, -ы</i>	0 + 4	1			0 + 2	
<i>Липник</i>		4				
<i>Липовец</i>		3				
<i>Липовка</i>				7	6	7
<i>Лог, -а</i>		1 + 4		0 + 1	0 + 2	0 + 7
<i>Лом</i>		1	5		1	
<i>Лохта</i>		3 + 1				
<i>Лужки</i>					1 + 2	

Ойконимы	А	В	К	У	П	С
<i>Лука</i>		1				0 + 1
<i>Лыва</i>		1	1		1	1
<i>Майдан</i>	2					
<i>Межовка</i>					2	1
<i>Мокрецы</i>			6			
<i>Мостовая, -ка</i>		2			11	15 + 1
<i>Моховое</i>					4	
<i>Мочалка</i>						2
<i>Мочище</i>				0 + 2	0 + 2	1
<i>Мыза</i>		2 + 2				
<i>Мыс</i>	0 + 2	13 + 2	8 + 1	2 + 1	5 + 6	2
<i>Мысы</i>	7				7	
<i>Наволоок, -и</i>	0 + 9	8				
<i>Нагорье</i>		1	1			
<i>Надболотье</i>	1	0 + 1				
<i>Нива, -ы</i>		2				
<i>Низ</i>		3				1
<i>Нова, -о</i>		6 + 2				
<i>Новец</i>		2				
<i>Новина</i>	2				1	
<i>Новинка, -и</i>	8	15 + 2			2 + 2	
<i>Новополье</i>		1				
<i>Нос</i>	0 + 5					
<i>Овраг</i>	0 + 3	0 + 1	0 + 5			
<i>Одина</i>					8 + 4	2
<i>Одиночка</i>	3					
<i>Озеро</i>	0 + 5	2			2 + 4	4
<i>Озерки</i>		3			4	1
<i>Окольники</i>			2			
<i>Ольховка</i>		1			14	4
<i>Омут</i>	1	1			1	
<i>Опалиха, -и</i>					5 + 2	
<i>Орешиник</i>		1			3	
<i>Осередок</i>	6 + 1					
<i>Осинник, -и</i>		1	1		3	1
<i>Осиновик</i>		0 + 2			1 + 2	
<i>Осиновка</i>		1			10 + 5	

Ойконимы	А	В	К	У	П	С
<i>Остров</i>	0 + 1	11	3		2	1
<i>Острожка</i>	0 + 1				2	
<i>Осыпь</i>		0 + 1				1
<i>Отводы</i>					0 + 2	
<i>Падун, -ы</i>		1			1	0 + 1
<i>Паль</i>					2	
<i>Пальник</i>			3	2	4 + 5	1
<i>Пальники</i>					9 + 2	
<i>Пасынок</i>						2 + 2
<i>Пашня</i>					3 + 3	2 + 1
<i>Перебор</i>				0 + 1	1	2
<i>Перевоз</i>		1				0 + 1
<i>Перескоки</i>			2			
<i>Пески</i>	1	3	5		1	1
<i>Песчанка</i>	2					
<i>Пещеры</i>				0 + 2		
<i>Пихтарь, -и</i>					3	
<i>Пихтеник</i>	1	1				
<i>Плёсо</i>	6	7 + 1	4 + 1	1		
<i>Погорелец, -ица</i>		2				
<i>Погорелка</i>	7	19	1		1	1
<i>Погост</i>	22 + 3	9 + 14				
<i>Подберезье</i>		2				
<i>Подбор</i>	2		2			
<i>Подборье</i>	1	1				
<i>Подволочье</i>	1	5	2			
<i>Подгородье</i>	1	2				
<i>Подгорье</i>	1	7				
<i>Поддубье</i>		2				
<i>Подъельник</i>					1	0 + 2
<i>Подол</i>		9				
<i>Подсосенье</i>	1	6				
<i>Пожар</i>		2				
<i>Пожарка</i>		2				
<i>Пожарище</i>	3	10	2			
<i>Поле</i>	0 + 1	0 + 3	0 + 6		0 + 3	0 + 3
<i>Половина</i>					0 + 2	
<i>Половинка</i>			1		4	3

Ойконимы	А	В	К	У	П	С
<i>Полом</i>			9	3 + 3	5	
<i>Поломка</i>			2			
<i>Полуденная</i>			1		6 + 2	1
<i>Полуденка</i>						3
<i>Поляна</i>			5			
<i>Порез</i>			2			
<i>Порог</i>	1	3				
<i>Посад</i>			1		4 + 5	
<i>Поселье</i>					1 + 2	
<i>Починок</i>	7 + 12	44 + 25	4 + 2	0 + 3	2	1
<i>Прилук</i>	12 + 2	5				
<i>Прилуки</i>	3	6				
<i>Прислон</i>	5	3	2 + 2			
<i>Пресека</i>					2	
<i>Пруды</i>			2		1	
<i>Пустополье</i>			1	1		
<i>Пустошка</i>		7				
<i>Пустошь, -и</i>	4 + 2	4 + 2	1			
<i>Пустынь</i>		3 + 2			1	0 + 2
<i>Пустыня</i>	5	3				
<i>Раменье</i>	3	11 + 7	5 + 14			2
<i>Раскатица</i>						1
<i>Рассоленка</i>					1	1
<i>Рассольная</i>					1 + 2	
<i>Рассоха</i>					5 + 3	1
<i>Реуны</i>					2	
<i>Речка</i>					1 + 7	1 + 1
<i>Ржавец</i>					1	1
<i>Родник</i>					0 + 2	
<i>Родники</i>		2		2	6 + 2	
<i>Роспашь</i>	0 + 1		0 + 1			
<i>Росоха</i>	2					
<i>Ростани</i>		3			1	
<i>Роца</i>		1				0 + 1
<i>Рубеж</i>		1 + 1				
<i>Ручей</i>	4	2 + 6		1		
<i>Селище</i>		8			2 + 2	
<i>Село</i>		3			0 + 2	0 + 1

Ойконимы	А	В	К	У	П	С
<i>Сельцо</i>		5 + 3				
<i>Середыши</i>			3			
<i>Слобода</i>		12 + 4	4 + 1		2	1 + 1
<i>Слободка</i>	4	12 + 1	6		2	1
<i>Слуда, -ы</i>	6 + 1	6 + 2	1			
<i>Слудка, -и</i>	2 + 1	7	7		5	1
<i>Согра</i>	4				1	1
<i>Солоники</i>			2			
<i>Солонцы</i>			1			1
<i>Солянка</i>					0 + 2	
<i>Сосновка</i>	4 + 1	6	14		19	7
<i>Стан</i>		4				
<i>Старица</i>		1			0 + 3	1
<i>Стрелище</i>	1	3				
<i>Стрелка, -и</i>	3	3			3	1
<i>Студенец</i>	3	1	1			
<i>Таборы</i>	3	1			3	2
<i>Талая</i>					3	2
<i>Талица</i>		9	3		5 + 5	10
<i>Тепляк, -и</i>					3	3
<i>Тюмень</i>			3			
<i>Увал</i>			1			1
<i>Угол, -ы</i>	3	9 + 4				
<i>Угор</i>		1	5		4	
<i>Урай</i>					2	2
<i>Усолка</i>					1 + 1	
<i>Усолье</i>			1		1	1
<i>Халуй</i>	1 + 1					
<i>Холм</i>	8					
<i>Хутор</i>	6				0 + 1	2
<i>Чаща</i>	6	1				
<i>Черная, -ое</i>	1 + 5	4 + 9	0 + 4	0 + 2	5 + 2	1 + 3
<i>Чернопенье</i>			3			
<i>Шутём, -тьма</i>					1	2
<i>Щелья, -е</i>	3 + 5					
<i>Юг</i>					1 + 3	
<i>Яр</i>	0 + 1		1 + 4	2 + 1	0 + 6	4 + 6

Во-первых, повторяемость в целом ряде случаев объясняется тем фактом, что данные топонимы возникли на базе географического термина, ср. *Болото*, *Бор*, *Брод*, *Выставка*, *Гора*, *Остров*, *Угор*, *Хутор*, *Шутём* и мн. др. (по нашим подсчетам, подобных названий более 60 %). Немалочисленны и образования от географических терминов типа *Подборье* (от *бор*), *Заречка* (от *речка*) и т. п. Распространенность того или иного термина определяет зоны его употребления (например, *Шутём*, *Шутьма* фиксируются только в Свердловской и Пермской областях), а вот *Яр* встречается повсеместно.

Во-вторых, повторяются названия, отражающие универсальные по употребительности и общезначимые признаки реалий: цветовые характеристики (*Белый*, *-ое*, *-ая*; *Черная*, *-ое*), характер растительности (*Сосновка*) и т. п. Здесь, правда, возникают вопросы. Например, почему *Осиновка* встречается не во всех областях — ведь осина растет по всей территории? Почему ойконим *Задняя* встречается только в Архангельской и Вологодской областях — ведь такая ориентационная характеристика присутствует тоже практически всегда?

Наконец, отметим случаи, когда закрепленность повторяющихся названий указывает на те или иные природные и социальные особенности регионов. Так, очень высокая частотность ойконимов *Дор* и *Двор* в Вологодской области характеризует способы местного землепользования; закрепленность ойконимов, образованных от слова *соль* (*Рассоленка*, *Усолье*, *Солянка*) за Пермской областью напоминает о расположенных там соляных месторождениях.

ТРИБУНА ОНОМАТОЛОГА

А. К. Матвеев

СУБЪЕКТИВНЫЕ ФАКТОРЫ И ЛЖЕНАУКА В ТОПОНИМИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ

Мир собственных имен, прежде всего антропонимов и топонимов, всегда был очень привлекателен не только для исследователей, но и для любителей разного рода, поскольку он кажется легкодоступным и постижимым. А в наши дни, если можно придумать что-нибудь этакое, то и напечатать — совсем не проблема.

Будем справедливы: и среди любительских опусов порой попадаются стоящие, но в целом ощутимый вред такой продукции очевиден. И особенно велика вина ее распространителей — издателей, писателей, журналистов.

Ну и что с этим делать? Может быть, не обращать внимания? Но все не так просто. Ведь подобная ситуация может возникнуть только при заниженной оценке науки, когда она приравнивается к сочинительству. А это, в свою очередь, обусловлено теоретическими, методическими и этическими просчетами, которые допускают сами исследователи, публикуя неубедительные, а то и вообще несообразные работы и в то же время уклоняясь от просветительской деятельности, предписанной науке о собственных именах, как говорится, по определению.

Поэтому, раздумывая о сложностях ономатологии, о ее специфике и трудностях, нельзя упускать из виду и субъективные факторы, связанные с личностью исследователя. Они, вообще говоря, характерны не только для науки о собственных именах, но именно в этой области, прежде всего в сфере социально наиболее значимых антропонимических и топонимических исследований, почва для них особенно благодатна.

Мои интересы преимущественно относятся к миру географических названий, поэтому в основном я буду говорить о топонимических исследованиях. Для

© Матвеев А. К., 2010

Вопросы ономастики. 2010. № 1 (8)

начала поясню, что понимается под топонимическими исследованиями, поскольку топонимией интересуются многие и цели их различны.

Как известно, научное исследование, если мы имеем дело с чем-либо действительно новым, предполагает констатацию и интерпретацию факта, за которыми может последовать (а может и не последовать) его теоретическое или практическое использование, в идеале — то и другое. Применительно к географическим названиям это, во-первых, выявление топонима (будь то у информанта или в каком-либо тексте), во-вторых, его интерпретация, а в-третьих, использование данного факта в интересах языкознания, разделом которого является ономастология (а подразделом — топонимика), а также и других наук, как исторических, так и наук о земле и живой природе. Есть еще и прикладной аспект, весьма актуальный в социальном отношении, но настолько специфичный, что заслуживает особого, причем очень серьезного обсуждения.

Сбор материала в принципе не является собственно исследованием. Это установление фактов, абсолютно необходимый, но начальный этап работы, ее фундамент. Однако и в процессе сбора материала мы нередко имеем дело с элементами интерпретации, например, при сопоставлении названий с реалиями или при уточнении системных связей. Завершающий процесс — теоретическое или практическое использование топонимического факта в качестве источника информации — тоже не всегда прямолинейно. Топоним оказывается в ведении других наук (лингвистических, исторических, географических и пр.), но во многих случаях действует обратная связь, и уже эти науки способствуют интерпретации.

Безмерна заслуга краеведов, топографов, учителей, а подчас и школьников, собирающих географические названия и тем самым спасающих их от гибели в эпоху перемен. Не менее обязаны мы и филологам, историкам, архивистам, которые восстанавливают, изучают и публикуют старинные рукописи и карты. Тем не менее, когда мы говорим о топонимических исследованиях в полном смысле этого слова, т. е. об исследованиях-интерпретациях, то должны к ним относить прежде всего синхроническое и диахроническое изучение топонимической системы во всех ее аспектах, имея в виду, конечно, определенный язык или языки, а также выделяемый из этой огромной проблемы в отдельное направление этимологический анализ субстратных, заимствованных и других неясных названий. Существенно как первое, так и второе. Что важнее? Это зависит от конкретной ситуации и постановки вопроса. Но труднее, притом намного, безусловно второе. Ведь в первом случае информация лежит на поверхности или близ нее, а во втором может быть зарыта очень глубоко, иногда так, что и при всем старании ее не удастся извлечь.

Но и серьезных исследователей, и любителей-дилетантов в топонимии привлекает прежде всего то, что труднее — древние темные имена. Не принципы номинации, не системные отношения и т. п. Это удел отдельных специалистов.

Уже издавна как ученых, так и неученых влечет загадочность имени. Ясно, что в этом видится прежде всего интерес к прошлому родной земли. Но не только. Здесь ведет за собой естественная тяга первооткрывателя, первопроходца, любознатца к новому, необычному, непонятному, в конечном счете — к находке, разгадке и даже открытию. Говоря языком современности — возможность извлечения совершенно новой лингвистической, исторической и географической информации. Именно по этой причине этимологическая интерпретация стала сердцевинной топонимических исследований. Потому и именуют хорошо известное топонимистам, да и всем ономатологам подразделение Института русского языка им. В. В. Виноградова РАН *Отделом этимологии и ономастики*, хотя термины эти не одного порядка.

Притягательность имени поразительна. При этом самые простые люди хорошо понимают, что имя — не слово. По сравнению с именем слова обыденны и всепригодны, тогда как имя всегда индивидуально. Отсюда его таинственность и сакральность. Слова препарируют ученые, над ними колдуют и превращают их сочетания в шедевры великие поэты, но найти этимолога-любителя, который занимается происхождением слов, крайне трудно. Другое дело имена. Ибо за ними стоит не мужчина или женщина вообще, не гора или река вообще, а действительная реальность, окутанная аурой и первого знакомства, и радостью или печалью воспоминания. Вот почему не столько озадачивает, сколько восхищает способность иных информантов, будь то русский, башкир или манси, объяснять все названия подряд, пусть даже на уровне народной этимологии.

Но притяжение имени — только одно из его колдовских свойств. Есть и другое, не менее удивительное. Поскольку имя является знаком, оно по определению семанлично. Однако нет в языке более «лживого» знака, чем имя. Даже не имея внутренней формы и какой-либо другой семантики, кроме способности выделять тот или иной объект, оно может служить обществу, славить и обличать, покрывать и срывать маски. Но имя без внутренней формы — сирота, набор звуков, смысл которого утрачен. Тем самым исчезает и самая надежная опора этимологического поиска, и нас окружает лес труднодоказуемых гипотез, где легко заблудиться даже самому компетентному ученому. Вот эта «лживость» имени не могла не сделать его объектом лженауки.

В антропонимике лженаука свила гнездо на проблеме воздействия имени на судьбу человека. На страницах этого журнала [см.: Матвеев, 2004] я уже довольно подробно писал об ошибочности этого взгляда, т. е. пресловутой формулы «имя — код судьбы». Поэтому здесь напомним только главный вывод: имя действительно может воздействовать на судьбу человека, но только опосредованно: через восприятие этого имени людьми, поскольку с именами могут быть связаны самые разнообразные аллюзии, не имеющие никакого отношения к их первоначальному значению. Позволю себе еще раз привести известный пример.

В наше время назвать своих детей прекрасными античными именами *Пульхерия* и *Акакий* было бы блестящим, но преступным экспериментом.

В топонимике лженаука нередко эксплуатирует патриотическую тему. В 1991 г. журналист В. Киприянов опубликовал в Архангельске книжечку «Двинская топонимика» [1991]. Киприянов — патриот русофильского толка. И это само по себе похвально. Только зачем компрометировать добрые намерения, объясняя финно-угорские топонимы с помощью русских слов: *Ракула* < *оракул*, *Чухчерема* < (потому что здесь жили) *чухчи нёмы*, *Нермуша* < *Неорамуша* < *неорамая* (т. е. «не паханая», от *орать* ‘пахать’) *земля* и т. п. Не повезло даже *Холмогорам*. Оказывается, не *Холмогоры* (упоминаются еще в документах XIV в.) стали *Холмогорами* (в памятниках XVII–XVIII вв.), а *Холмогоры* превратились в *Холмогоры*. В 1992 г. тот же Киприянов публикует еще один шедевр такого же рода — «Рассказы об Архангельске» — да еще адресует его детям среднего и старшего возраста. Здесь та же околесица: *Чубола* < *чудь была*, *Кехта* < *кехтать* ‘уплетать за обе щеки’, *Койдокурье* < рус. диал. *койдо* ‘куда’ с торжествующей назидательной репликой: «Вот вам и угро-финское наречие!» [Киприянов, 1992, 27].

Киприяновские измышления — эталонный образчик лженауки, процветающей в топонимике благодаря всеядности и безответственности средств массовой информации. Игнорируется все: апробированные методы, исторические документы, твердо установленные факты, правила, законы... Но за этим внешним антуражем скрывается еще более опасная сущность. В лженауке почти всегда (исключая бредовые сочинения шизофреников, тоже довольно многочисленные), кроме вымысла, есть и прямой умысел, преднамеренность, нарочитость установки, будь то корысть, или ложный патриотизм, как в киприяновском случае, или жажда утвердиться. Лженаука порождается либо проходимцами всех разновидностей, либо тщеславными невеждами, либо больными людьми. Она паразитирует на низком уровне науки, культуры и образования в обществе, и этому способствует слабая подготовка и недостаточная общественная активность самих отечественных ономастологов и, в частности, топонимистов.

Но есть одно немаловажное обстоятельство. Встречаются явно ошибочные работы, которые все же не следует относить к лженаучным. Так, в 1907 г. в небольшом уездном городке Вельске была опубликована книга местного жителя А. Орлова «Происхождение названий русских и некоторых западноевропейских рек, городов, племен и народностей», где автор приходит к выводу, что все реки Европейской части России и большинство значительных рек Западной Европы получили свои названия от предков финских народностей. Эта обширная работа по-дилетантски беспомощна и научного значения не имеет, хотя в серьезности намерения и старательности автору не откажешь. И таких работ немало. Их нельзя считать лженаучными, они просто ненаучные, т. е. любительские, дилетантские. Эти работы как раз свидетельствуют о том, что в этическом плане грань между наукой и ненаукой иногда очень тонка.

А как относиться к грубейшим топонимическим просчетам выдающихся ученых? Можно ли, скажем, считать лженаучными или ненаучными труды замечательного русиста и индоевропеиста А. И. Соболевского, посвященные «иранскому» субстрату в топонимии Русского Севера? Конечно, нет. Происхождение субстратной топонимии Русского Севера — сложнейшая проблема с чуть ли не двухсотлетней историей. И ученые, конечно, имеют право на непредумышленные ошибки, тем более, что их делают прежде всего не ученые-разрушители, а ученые-созидатели. Ошибки больших ученых во многом являются результатом действия субъективных факторов в топонимических исследованиях.

На первом месте здесь, несомненно, топонимический непрофессионализм. Он неоднороден. Блестящие лингвисты, вторгаясь в топонимию, порой не знают, что это особый мир и там требуются соответствующие методы, например обязательный учет распространения — карта. Б. А. Серебренников в своей известной топонимической статье «Волго-Окская топонимика на территории Европейской части СССР» оперирует формантом *-га*, полагая, что он принадлежит дофинно-угорскому населению [Серебренников, 1955, 23 и след.]. Но если бы он картографировал названия с этим псевдоформантом, то увидел бы, что следует выделять названия на *-юга*, *-уга*, *-Иньга* и т. п., сразу опознав их как финно-угорские.

Непрофессионализм может быть связан и с недостаточной лингвистической осведомленностью. Когда А. Алквист относит к мерянским такие названия, как *Суборь*, *Шабурново*, *Семиградское*, *Хреново*, *Сафроново*, *Кренёво*, *Харино* и т. п. [Алквист, 2000, 23–25], то она как раз демонстрирует свою неосведомленность в области русской топонимии и антропонимии, а также русской диалектологии.

Наконец, непрофессионализм может быть связан и с профессиональной ограниченностью, интересами специализации, своего рода «вкусовщиной». Лингвист может пройти мимо географических описаний, историк — пренебречь грамматическими и фонетическими закономерностями.

Второе место среди субъективных факторов надо отдать разным формам как местного, так и этнического патриотизма. В чистом виде это находим у автохтонистов, которые полагают, что никаких предшественников у них не было. Между тем давно установлено, что бессубстратных территорий или вообще нет, или это какие-то изолированные окраинные земли.

Некоторые убежденные автохтонисты считают, например, что все географические названия на территории проживания манси — мансийские. На самом же деле наименования многих более или менее значительных рек информанты манси объяснить не могут, и они явно принадлежат какому-то другому этносу. Таковы *Пасар-Вишера*, *Пёлас-Вёлс*, *Таньис-Тансуи* и др.

Третий субъективный фактор — предвзятость, в результате которой исследователь находит в топонимии только то, что хочет найти. Так, мне доводилось слышать разные мнения об истоках концепции Д. Европеуса, который считал

угорскими чуть ли все названия Русского Севера и центра России, однако у меня нет оснований рассматривать его концепцию как предвзятую, хотя полагаю, что она является заблуждением. А вот попытку Б. А. Серебренникова подтвердить эту версию в статье «О потенциально возможных названиях рыб в субстратной гидронимике Русского Севера» [Серебренников, 1967], на мой взгляд, следует считать и неудачной в методическом отношении, и предвзятой. Почему? Методически упущен хорошо известный факт, что названия рыб очень характерны для обозначений озер, в которых нередко доминирует или вообще представлен только один вид рыбы (*Карасье, Окунёвое, Щучье* и т. п.), тогда как в реках обитает разная рыба. Поэтому и редки наименования рек, особенно более или менее значительных, по видам рыб. Предвзятость же выражена в том, что, предпочитая угорскую гипотезу финской, Б. А. Серебренников, не обращая внимания на соответствия в финских языках, так сказать, «накладывает» исключительно угорские названия рыб на субстратную гидронимию Русского Севера. Ясно, что среди множества субстратных наименований рек для них находятся более или менее близкие по звуковому составу соответствия, которые в действительности ни к рыбам, ни к уграм никакого отношения не имеют.

Так, гидроним *Печеньга* зафиксирован на территории Русского Севера тринадцать раз. Очевидно, что при столь высокой для субстратного названия частотности он должен обозначать что-то жизненно важное. Б. А. Серебренников находит соответствие в хантыйском *potsi* ‘плотва’ [Серебренников, 1967, 201]. Эта рыба имеет огромный ареал, очень многочисленна и в реках, и в озерах. И озера действительно довольно часто именуются *Плотичьими*, а в субстратной лимнонимии прибалтийско-финского происхождения им соответствуют многочисленные полукальки *Сяргозеро ~ Сергозеро* (ср. фин. *särki*, карел. *särgi* ‘плотва’). Напротив, в названиях рек такие номинации редки. На самом деле гидроним *Печеньга* восходит к субстратной основе *печ-* ‘сосна’.

Появление многочисленных новых книг дилетантского характера обусловлено действием еще одного — четвертого — субъективного фактора — влиянием других наук, прежде всего археологии и древней истории. Я никоим образом не отрицаю необходимости учета при топонимических исследованиях археологических, этнографических и прочих данных исторического характера. Но если они порождают предвзятость концепции, о которой только что шла речь, это может привести к ошибочным решениям.

Наиболее яркий пример — открытие Аркаима на Южном Урале и последующее увлечение «арийской» гипотезой как в «иранском», так и в «индо-иранском» варианте. К тому же уральские «арийцы» иногда отождествляются и с таинственными гипербореями, которые обитали чуть ли не на берегах Ледовитого океана. «Арийскую» топонимию стали искать на всем Урале, но прежде всего, естественно, на Южном. Краевед В. В. Поздеев недавно опубликовал историко-топонимический словарь [2002]. В нем довольно много интересных объяснений

русских и тюркских названий, но наряду с этим проявилось увлечение «арийской» гипотезой в ее иранском, а точнее, в пуштунском варианте, поскольку язык афганцев — пушту — основной источник этимологий. В результате русские названия *Есаулка*, *Разборная*, чисто тюркские *Баштау*, *Башташ* и многие другие им подобные объясняются на иранской почве.

Вполне вероятно, что иранские топонимические реликты сохранились в топонимии Южного Урала. Не исключено, что они есть и в южной части Среднего Урала, где начинается лесостепная полоса. Но, во-первых, их не может быть много, поскольку допустимо думать только об очень древних названиях, которым не меньше 2–3 тыс. лет. Во-вторых, по ним прошли волны великого переселения народов с завершающей, очень мощной тюркской адаптацией. Поэтому выявлять «с ходу» иранизмы в топонимии Урала вряд ли перспективно. Сначала надо снять тюркский слой (а он тоже неоднороден), затем разобраться с предполагаемыми венгерскими (и шире — финно-угорскими) реликтами, и только потом серьезно заниматься иранской проблемой.

Поиски арийской топонимии на Урале указывают на опасность еще одного субъективного фактора в топонимических исследованиях — зацикленности, гиперувлеченности, что опять-таки ведет к предвзятости и ошибочным построениям. Топонимистам, может быть, даже больше, чем другим исследователям, необходимо обладать способностью сомневаться в справедливости полученного результата, адекватно оценивать его, укрощать неумеренный восторг, признавать свои промахи и одергивать себя в нужный момент.

Обычно субъективные факторы действуют, образуя своего рода комплексы. Наиболее опасно сочетание местного и этнического патриотизма с предвзятостью. Оно нередко приводит к использованию топонимии в политической борьбе, когда топонимическими данными оперируют, чтобы обосновать претензии на соседние территории, изменение границ и т. п. Эти возможности использования географических названий давно известны. Поэтому в закрытом многонациональном обществе собственно топонимические исследования, прямо скажем, не поощрялись. Достаточно напомнить, что в Советском Союзе с его огромной территорией и неизмеримыми топонимическими возможностями в 30–40-х гг. XX в. исследований по топонимии почти не было. Оживление началось только в середине 1950-х гг.

Алквист А. Меряне, не меряне (I) // *Вопр. языкознания.* 2000. № 2. С. 15–34.

Киприянов В. Двинская топонимика. Архангельск, 1991.

Киприянов Вл. Старый Архангельск: Рассказы об Архангельске. Архангельск, 1992.

Матвеев А. К. Апология имени // *Вопр. ономастики.* 2004. № 1. С. 7–13.

- Орлов А.* Происхождение названий русских и некоторых западноевропейских рек, городов, племен и народностей. Вельск, 1907.
- Поздеев В. В.* Южноуральская топонимика. Челябинск, 2008.
- Серебрянников Б. А.* Волго-Окская топонимика на территории Европейской части СССР // *Вопр. языкознания.* 1955. № 6. С. 19–31.
- Серебрянников Б. А.* О потенциально возможных названиях рыб в субстратной гидронимике Русского Севера // *Сов. финно-угроведение.* 1967. № 3. С. 199–205.

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

КОНФЕРЕНЦИИ, СЪЕЗДЫ, СИМПОЗИУМЫ

Международная научная конференция «Этнолингвистика. Ономастика. Этимология»

8–12 сентября 2009 г. в окрестностях Екатеринбурга (в пансионате «Зеленый Мыс» под Новоуральском) состоялась международная научная конференция «Этнолингвистика. Ономастика. Этимология». Этот научный форум был организован Уральским государственным университетом им. А. М. Горького (УрГУ), Институтом русского языка им. В. В. Виноградова РАН, Институтом славяноведения РАН при участии этнолингвистической комиссии при Международном комитете славистов. Основным организатором конференции — кафедра русского языка и общего языкознания УрГУ — и раньше проводила международные конференции по проблемам ономастики и этимологии, в том числе «Ономастика в кругу гуманитарных наук» (2005), «Русская диалектная этимология» (1991, 1996, 1999, 2002) и др.

В этот раз оргкомитет конференции задумал объединить ономастическую и этимологическую проблематику с этнолингвистической, что отражает стремление расширить возможности интерпретации языкового материала в историко-культурной перспективе. Такое объединение доказало свою продуктивность, поскольку во многих докладах эти три раздела «диахронического» языкознания вводятся в тесное взаимодействие друг с другом: затрагиваются этно- и социоллингвистические аспекты ономастики, осуществляется этимологизация языковых фактов с опорой на этнолингвистические данные и др.

В ходе конференции прозвучало 95 докладов исследователей из 18 городов России и 10 стран ближнего и дальнего зарубежья (Австрии, Белоруссии, Бельгии, Германии, Польши, Чешской Республики, Сербии, США, Финляндии, Латвийской Республики). В данном обзоре кратко представлена информация лишь о тех докладах, в которых имеется ономастическая «составляющая».

Собственно научную часть конференции открыло выступление *А. К. Матвеева* (Екатеринбург) «Мансийская топонимия как историко-этнографический феномен». Докладчику удалось соединить все три ветви заявленной проблематики: данные этнолингвистики и этимологии были использованы при исследовании ономастического материала. Мансийские топонимы стали источником сведений об особенностях материальной и духовной культуры манси, их верованиях, о контактах с соседними этносами. На основе анализа топонимического материала были сделаны выводы о древней территории, занимаемой племенами манси, и направлениях, в которых шло освоение новых территорий этими племенами.

Лингвоэтнические проблемы решались также в докладе *А. Ломы* (Белград, Сербия) «Из топонимии древней Скифии — в поисках страны будинов». Автор применил в своем исследовании комплексную методику, основанную на данных археологии, этнографии, лингвистики (в частности, на изучении фонетических процессов, которые предположительно протекали в прабалтийскую эпоху). Исследователем представлены факты, свидетельствующие как «за», так и «против» этимологического тождества русского топонима *Курск* и названия города страны будинов *Кариск* (этот топоним предположительно является балто-славянским). Возможными соседями будинов были меланхлены, для которых допускается фракийское происхождение¹.

Роль ономастики в решении вопросов лингвогенетического характера продемонстрировала и *А. А. Юнаковская* (Омск) в докладе «Формирование этнической модели региона (на материале Среднего Прииртышья)». Докладчица, в частности, выделила особенности старожильческих и переселенческих названий населенных пунктов на территории Среднего Прииртышья.

Описанная выше проблематика смыкается с проблематикой ономастической этимологии и контактологии, которая также занимала видное место в выступлениях участников конференции. В докладе *И. И. Муллонен* (Петрозаводск) «Вепские карты в “Топонимическом атласе Карелии”» представлены результаты реконструкции по топонимическим данным исторического вепского ареала в Карелии, который был привязан к транзитным водным путям, связывающим Обонежье со смежными территориями, в том числе с Поморьем, на что указывает проникновение ряда моделей (*Puhä* с исторической семантикой ‘граница’, *-l*-овая ойконимная модель и др.) на Онежско-Беломорский водораздел. Автор выдвигает предположение, что северные границы исторического административного подразделения Заонежская пятина носили этнический характер, т. е. отделяли вепскую этническую территорию от карельской. Финно-угорская по происхождению топонимия рассматривалась также в докладах *Д. В. Кузьмина* (Петрозаводск) «Топоформант *-ngV/-nkV* в карельской топонимии»², *А. Л. Шилова* (Москва) «К вопросу о наличии германских заимствований в языках создателей топонимии Заволочья» (рассмотрев ряд топонимических фактов, которые предположительно могли бы иметь германское происхождение, докладчик пришел к выводу об отсутствии надежных оснований для привлечения финно-угорских германизмов при трактовке субстратной топонимии Русского Севера). *Н. В. Лабунец* (Тюмень) в выступлении «К этимологии топонима *Кармак*» выдвинула предположение о том, что данный топоним родственен тюркскому слову *караул* (соответствующие названия соотносятся с этапом «дозора» сибирских рубежей в XVII — начале XVIII в.); возможно также позднейшее влияние термина *кармак* ‘небольшой залив изогнутой формы’. В докладе *О. Г. Щитовой* (Томск) «Примем семантической типологии в процессе этимологизации заимствований: тканеобозначение *фарабат*» описана модель метонимического переноса с названия места происхождения ткани (персидский город *Фаррухабад*) на название самой ткани. Проблемы топонимической контактологии затронуты также в докладе *Р. Г. Жамсарановой* (Чита) «Явления трансференции и интерференции в топонимической системе Восточного Забайкалья».

¹ Подробнее см. в одноименной статье *А. Ломы* в настоящем издании.

² Материалы этого доклада легли в основу статьи *Д. В. Кузьмина* в настоящем издании.

В нескольких выступлениях осуществлялась этимологизация географических терминов — разряда апеллятивной лексики, который обнаруживает регулярные связи с топонимической номинацией. Так, в докладе *Л. В. Куркиной* (Москва) «Термины горения в культурном контексте раннего земледелия» был предложен семантико-мотивационный комментарий к славянской терминологии подсечно-огневого земледелия, которая в ряде случаев становится мотивирующей для топонимов (ср., например, севернорусские названия покосов *Шаёк, Савáткин Шаю́н* < рус. диал. *шаек, шаюн* 'лесная расчистка под пашню' < *šajati 'тлеть'). Автор показал, какую роль при этимологизации лексики подсечно-огневого земледелия играет учет экстралингвистических факторов (смена типа хозяйства) и как отражается в лексических связях слов-терминов переход от одной культурной парадигмы к другой. *Н. В. Кабинина* (Екатеринбург) в докладе «К этимологии севернорусского *поча*» дополнила и уточнила гипотезу Я. Саарикиви о связи термина *поча* 'старица', 'рукав реки', 'залив' с саам. **писа* 'рукав реки'. Автору удалось сопоставить это слово с «живыми» восточносаамскими лексемами и выстроить ряд возможных фонетических соответствий.

Несколько участников конференции обратились к проблемам ономастической лексикографии. *М. Э. Рум* (Екатеринбург) в докладе «О некоторых общих проблемах ономастической лексикографии» указала на необходимость словарного описания разных разрядов ономастики, отметила значимость учета системных связей онимов и необходимость четкой формулировки прагматических установок словаря. В настоящее время топонимические словари тяготеют к описанию имен реальных объектов, в то время как антропонимы описываются как факты языковой системы вообще. Автор считает целесообразным некоторое уравнивание этих подходов. В докладе *Н. М. Ивашовой* (Екатеринбург) «К типологии ономастических словарей» речь шла о месте данных лексикографических источников среди прочих и о необходимости выработки четких критериев их систематизации. Конкретные словарные проекты были представлены в докладах *А. А. Макаровой* (Екатеринбург) «К лексикографическому описанию озерной гидронимии Белозерья: словарь и электронная база данных», *Л. Чижмаровой* (Брно, Чешская Республика) «О методических принципах работы над Словарем микротопонимов Моравии и Силезии», *М. Шипковой* (Брно, Чешская Республика) «Словарь микротопонимов Моравии и Силезии: теоретический и интерпретационный аспекты»³.

В ряде выступлений предпринималась попытка рассмотреть ономастические данные с позиций когнитивной лингвистики. Так, в докладе *Н. В. Васильевой* (Москва) «Имена собственные в ассоциативно-вербальной сети» проанализированы факты ономастики, представленные в «Русском ассоциативном словаре» (не только как стимулы, но и как реакции), и выдвинуто предложение выделить внутри когнитивной лингвистики самостоятельное направление — когнитивную ономатологию. В докладе *Е. Д. Казаковой* (Екатеринбург) «Имя человека в зеркале метаязыковой рефлексии диалектоносителей» были охарактеризованы наивные представления о статусе и функциях личных имен и прозвищ, которые отражены в русских диалектных метаязыковых высказываниях.

Докладчики стремились показать историко-культурное своеобразие топонимии. *Т. П. Соколова* (Москва) в докладе «Типология раннегородских названий (на материале

³ См. статьи чешских коллег в настоящем издании.

урбанонимов древнего Новгорода и старой Москвы)» пришла к выводу о наличии специфически новгородских топонимов (это, в частности, урбанонимы в форме прилагательных-посессивов с суффиксами *-j-*, *-ов/ев-*, *-ин-*, производные от дохристианских и христианских личных имен, которые были распространены именно в древнем Новгороде или Новгородских землях) и отсутствии специфических «старомосковских» урбанонимов. *О. Т. Молчанова* (Щецин, Польша) в докладе «Географические имена Алтая на картах XVI–XIX вв.» проанализировала представленную на картах топонимию. Так, на карте 1673 г. бассейн *Телецкого озера* и земли к востоку от него обозначены как *Земли алтырцов* и *теленбинцов*; по соседству на западе отмечены *Земли Белых Калмыков* (актеленгетов), на севере — *Земля Кыштымска* (данников), на северо-востоке — *Земли Кыргыз белых и черных*, а на востоке и юго-востоке — *Земля Саянска*. Рассмотрение таких топонимов позволяет проследить динамику народных представлений о географии Сибири и эволюцию топонимических систем. В докладе *Е. Н. Ивановой* (Вологда) «К типологии географических наименований в деловой письменности XIV–XV вв.» выявлены основные типы географических названий, зафиксированных в актах, которые были созданы на территории Белозерья. Классификация отражает особенности словообразовательных моделей, а также прагматики номинативной деятельности.

Три выступления были посвящены синхронным процессам в урбонимии. *В. И. Беликов* (Москва) в докладе «Статистический анализ неофициальной топонимии» обратился к исследованию различных обозначений Екатеринбурга (*Катер*, *Екб*, *Ебург*, *Ёбург* и др.), Новосибирска (*Новосиб*, *Энск*), Красноярска (*Крас*, *Кырск*), Хабаровска (*Хабар*, *Хабара*), функционирующих в блогах. Автор показал зависимость частотности тех или иных словоупотреблений от гендерной, возрастной и региональной принадлежности информантов. *М. В. Ахметова* (Москва) и *Е. В. Кулешов* (Санкт-Петербург) в докладе «Способы образования неофициальных названий городов» представили детальную классификацию способов неофициальной номинации городов, предполагающих преобразование официального урбанонима — сокращение (*Тотти* ‘Тольятти’, *БГ* ‘Борисоглебск’, *ГКлюч* ‘Горячий Ключ’, *НиНо* ‘Нижний Новгород’), морфемно-фонетических изменениях (*Дубики* ‘Дубоссары’, *Челяба* ‘Челябинск’, *Южак* ‘Южно-Сахалинск’), семантические изменения (*Уран-Батор* ‘Железногорск’, *Электродырск* ‘Электрогорск’, *Хитроград* ‘Биробиджан’). В докладе *Р. В. Разумова* (Ярославль) «Названия районов и микрорайонов в системах урбанонимов провинциальных городов», основанном на материале урбонимии Ярославля и Рыбинска, выявлены различия в моделях именования крупных и более мелких административных единиц в пределах города. В частности, автор показал, что в настоящее время в российских городах одновременно употребляются официально утвержденные в советскую эпоху названия районов и стихийно возникающие названия микрорайонов.

Значительное место в ономастическом блоке конференции занимали выступления, посвященные изучению антропонимии. *В. И. Супрун* (Волгоград) в докладе «Русский антропоним: структура, взаимосвязь компонентов, денотативные и коннотативные аспекты ономастической семантики» проанализировал своеобразие конститuentов антропонимии (в русской традиции трехчленный состав имени), особенности структуры антропонимического поля, показал строгую взаимосвязь и в то же время относительную свободу выбора компонентов антропонимической формулы, выявил некоторые специфические черты денотативной и коннотативной семантики антропонима.

Результаты исследования антропонимии в историческом и историко-этимологическом аспектах были представлены в докладах *Т. Н. Дмитриевой* (Екатеринбург) «Проблемы этимологизации фамилий коренного населения Ханты-Мансийского автономного округа» и *Н. В. Комлевой* (Вологда) «Вологодские фамилии: история и современность». Выступление *Т. Н. Дмитриевой* базировалось на материалах соответствующего словаря, который подготавливается в настоящее время в УрГУ. Обосновав принципы составления словаря, докладчица проиллюстрировала их на примере этимологического комментария к фамилиям *Аренгов, Арнахов, Ареховский, Арахнаев*. *Н. В. Комлева* выделила типы мотивации вологодских фамилий: например, фамилии, мотивированные некалендарными прозвищными именами, восходящими к именам существительным со значением лица (*Крутков, Пискунов, Рындин*); фамилии, мотивированные некалендарными прозвищными именами, образованными от названия профессий (*Квасников, Осначев, Сальников, Свинобоев*); фамилии, мотивированные топонимами и этнонимами (*Ваганов, Кокшаров, Мезенцев*), и др.

В нескольких докладах рассматривались особенности функционирования библейских и христианских имен в фольклорных текстах. *О. Е. Фролова* (Москва) в выступлении на тему «Библейские антропонимы» выделила следующие функциональные типы паремий, включающих библейские имена: упрощенное изложение Священного писания или комментариев к Библии, обеспечивающий ее адаптацию к обиходному употреблению; библейская гипертекстовая ссылка; предикат, называющий постоянное качество. В докладе *А. В. Юдина* (Гент, Бельгия) «Образ святого Петра в украинских колядках: этнолингвистическая дефиниция» представлено описание образа святого Петра в украинских колядках, которое структурировано как этнолингвистическая дефиниция: Петр — это гость хозяина дома; пахарь, который ходит за волами на хозяйском поле; жнец, собирающий урожай; святой ключник, выпускающий грешные души из ада, и др. *А. Б. Мороз* (Москва), подготовивший выступление на тему «Имя святого и его фольклорная интерпретация», проанализировал особенности интерпретации агнонимов в календарных паремиях, приметах и обрядовых текстах: объединение тезоименных святых (*Иоанн Креститель, Иоанн Златоуст и Иоанн Богослов*) в одном персонаже; объединение нескольких святых в одну группу на основании созвучия или рифмы (*Deszcz na św. Annę — potrwa nadal do Zuzanny*); этимологизация имени святого, основанная на паронимической аттракции или на актуализации внутренней формы слова (*Св. Прокоп — прокопал (сугроб)*); образование игровых имен «псевдосвятых» (*праздновать Симона Гулимона*) и т. п. К этому блоку примыкает доклад *В. В. Алтатова* (Москва) «Английские топонимы с христианскими ассоциациями», характеризующий особенности народного религиозного мироощущения, отраженные в английской топонимии.

К. А. Климова (Москва) в докладе «Имя мифологического персонажа: к проблеме идентификации» обратилась к другому полюсу народной религии — к мифологическим (демонологическим) персонажам. На материале новогреческого языка и фольклора автором предложена классификация мифологических персонажей, в которой учитывается характер и функции их имени: 1) персонажи, объединенные общим именем, а также одинаковым набором признаков, свойств и характеристик; 2) персонажи с общим именем, но различными локальными характеристиками; 3) персонажи, имеющие «родовые» имена; 4) персонажи с ослабленной субстанциональностью, состоящие практически из одного имени.

Этнолингвистический подход к антропонимическому материалу был представлен также в докладе *Л. А. Феоктистовой* (Екатеринбург) «Языковой образ и варьирование личного имени». Докладчица выявила закономерности семантической и семантико-словообразовательной деривации на основе разных форм одного и того же личного имени (*Мария — Маша — Марья; Афанас — Афонька* и т. п.) и наметила различия в формировании и восприятии образов, стоящих за каждой из форм антропонима.

Не была обойдена вниманием участников конференции и этнонимия, занимающая промежуточное положение между ономастикой и апеллятивной лексикой. Вопросы этнонимии рассматривались в докладах *Т. А. Сироткиной* (Пермь) «Этнонимы как объект этнолингвистики (на материале этнонимии Пермского края)», а также *В. В. Шаповала* (Москва) «Критерии разграничения цыганских заимствований и вкраплений в русском языке: производные от корня *(p)ром-* ‘цыган’».

Данные ономастики как основа для изучения нарицательной лексики и фразеологии были проанализированы в докладах *О. В. Атрошенко* (Екатеринбург) «К семантической реконструкции хрононимических дериватов», *Е. В. Колосько* (Санкт-Петербург) «Имена собственные в “Словаре русских народных говоров”», *И. А. Кюргиновой* (Петрозаводск) «О реконструкции лексики по данным исторической антропонимики», *А. В. Приображенского* (Петрозаводск) «Топонимия как материал для реконструкции нарицательной лексики говора», *Е. Э. Ивановой* (Екатеринбург) «Устаревшие географические термины в топонимии Среднего Урала».

Несколько участников конференции посвятили свои выступления проблемам литературной ономастики. *А. А. Фомин* (Екатеринбург) в докладе «О разграничении лингвистического и литературоведческого подходов в исследованиях по литературной ономастике» выделяет общее и различное в лингвистическом и литературоведческом исследовании поэтонимов (имен собственных в литературном произведении) и приходит к выводу о невозможности и нежелательности жесткого разграничения этих подходов. В докладе *А. Г. Кречмер* (Вена, Австрия) «Славянский этно- и глоттогенез в представлении православных славян на пороге Нового времени (на материале Славяносербских хроник Джорджа Бранковича)» анализируются идейные, композиционные, жанрово-стилевые особенности исследуемого источника; особое внимание автор уделяет данным топонимии и глоттонимии. *М. В. Голомидова* (Екатеринбург) в своем выступлении на тему «Проблемы изобретения собственных имен в практике современного книжного нейминга» рассмотрела особенности коммерческой номинации книжных заголовков. Анализ показал, что в заголовках проявляются, в частности, приемы манипулирования читательским поведением: словесные обозначения «рецептов успеха» («17 Мгновений успеха: стратегии лидерства»), тайного знания («Величайший секрет, как достичь успеха»), магии чисел («Как выработать здоровый пофигизм, или 12 шагов к уверенности в себе») и т. п. В центре внимания *И. В. Крюковой* (Волгоград), сделавшей доклад на тему «Ономастическое шаржирование», — сатирическая стилизация имен собственных, предполагающая наличие легко узнаваемого прототипа (*Понты-Мансийск*, балерина *Наволочкина*, парламентский деятель *Грызунов*, журнал «*Клейбой*» и др.). *С. В. Шойбонова* (Улан-Удэ), выступившая с докладом «Ономастикон монгольских романов (этнолингвистический аспект)», охарактеризовала системы антропонимов, теонимов, топонимов, функционирующие в монгольских романах, и проанализировала отраженные в ономастических данных особенности жизненного уклада и культуры монголов.

Прагматические аспекты функционирования имени собственного в современном социокультурном пространстве были освещены в докладах *С. О. Горяева* и *Е. С. Пестеревой* (Екатеринбург) «“Внеалфавитные” графические средства в современной русской ономастике (на материале ник-неймов и рекламных имен)», *Д. В. Пьянковой* (Екатеринбург) «Дисконимы и мелонимы в сфере направления “тяжелый металл” (ономастиологический аспект)», *О. С. Смирновой* (Красноярск) «О репертуаре номинативных моделей в эргонимии двух российских городов», *Т. Г. Федотовских* (Екатеринбург) «Особенности имяобразования ювелирных брендов», *Т. П. Романовой* (Самара) «Прагматические модели рекламных собственных имен», *Э. Хофманна* (Вена, Австрия) «Евразия и экономика в зеркале ономастики».

Материалы конференции вошли в изданный к ее началу сборник, куда включено более 160 текстов (по количеству первоначально присланных работ): Этнолингвистика. Ономастика. Этимология. Материалы междунар. науч. конф., Екатеринбург, 8–12 сентября 2009 г. / Отв. ред. *Е. Л. Березович*. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2009. 320 с.

Е. Л. Березович

XVI Общепольская ономастическая конференция «Имена собственные и общество»

24–26 сентября 2008 г. во Вроцлаве состоялась XVI Общепольская ономастическая конференция «Имена собственные и общество» («Nazwy własne a społeczeństwo»). Организаторы симпозиума: Институт польской филологии Вроцлавского университета и Комитет по лингвистике Польской академии наук. Симпозиум был посвящен памяти проф. Казимежа Рымута (*Kazimierz Rymut*), умершего в октябре 2006 г., выдающегося ономаста, многолетнего директора Института польского языка ПАН и руководителя сектора польской ономастики.

24 сентября состоялось торжественное открытие конференции ее организаторами — проф., д-ром *Яном Мёдкой* (*Jan Miodka*) и секретарем конференции д-ром *Романой Лободзиньской* (*Romana Łobodzińska*). На пленарном заседании было прочитано три доклада.

Первой выступила *Александра Чесликова* (*Aleksandra Cieślukowa*) с докладом «Имена собственные в работах Марии Малец и Казимежа Рымута». Здесь мы позволим себе выйти за рамки жанра хроникальной заметки и представить российскому читателю этих двух выдающихся польских ономастов.

Проф., д-р *Мария Малец* (*Małgorzata Males*), отметившая в 2008 г. свой восьмидесятилетний юбилей, работает в отделе антропонимии, который входит в состав сектора польской ономастики в Институте польского языка ПАН. Она является членом Общества любителей польского языка и членом комиссии по ономастике при Комитете по лингвистике ПАН, много времени посвящает работе в научных журналах «*Język Polski*» и «*Onomastica*», будучи членом их редколлегии.

В 1969 г. в Ягеллонском университете Марии Малец была присвоена степень кандидата наук (*doktor*), в 1983 г. — доктора (*doktor habilitowany*); 24 апреля 1996 г. — звание профессора гуманитарных наук. Не являясь вузовским преподавателем, Мария Малец, тем не менее, опекает молодых ономастов и выступает рецензентом их диссертационных работ.

Научные достижения проф. Марии Малец внушительны. Нельзя не упомянуть ее всем известные книги: «Морфологическая структура старопольских сложных личных имен» (*Budowa morfologiczna staropolskich złożonych imion osobowych*. Вроцлав, 1971); «Старопольские сокращенные личные имена, образованные от двучленных имен» (*Staropolskie skrócone nazwy osobowe od imion dwuczłonowych*. Вроцлав, 1982); «Христианские имена в средневековой Польше» (*Imiona chrześcijańskie w średniowiecznej Polsce*. Краков, 1994). В 1996 г. в издательской серии „Библиотека Общества любителей польского языка» вышла работа «Об именах и фамилиях в Польше. Традиция и современность» (*O imionach i nazwiskach w Polsce. Tradycja i współczesność*. Краков, 1996). В энциклопедии о польских собственных именах М. Малец является автором двух разделов, посвященных именам и этнонимам (*Polskie nazwy własne. Encyklopedia*. Под ред. Э. Жетельски-Фелешко. Варшава; Краков, 1998). Из последних публикаций следует упомянуть книгу «Имя в польской антропонимии и культуре» (*Imię w polskiej antroponomii i kulturze*. Краков, 2001) и «Этимологический словарь географических названий Польши» (*Słownik etymologiczny nazw geograficznych Polski*. Варшава, 2003). Новейшая библиография по польской ономастике с 1991 по 2000 г. включительно (*Bibliografia onomastyki polskiej od roku 1991 do roku 2000 włącznie*. Краков, 2001), которую составили Р. Пшибытек (R. Przybytek) и К. Рымут, содержит 34 публикации М. Малец — книг и научных статей.

М. Малец входила в состав редакционного коллектива, который занимался изучением старопольской антропонимии и издавал словарь старопольских личных имен (*Słownik staropolskich nazw osobowych*, под ред. В. Ташицкого, т. 1–6, Вроцлав, 1965–1987; т. 7: *Suplement*, подготовленный под руководством М. Малец, Вроцлав, 1984–1987). Вместе с А. Чесlikовой М. Малец является соредактором и соавтором индекса и tergo к этому словарю (*Indeks a tergo do «Słownika staropolskich nazw osobowych»*, Краков, 1993). В последующие годы издавался этимолого-мотивационный словарь старопольских личных имен (*Słownik etymologiczno-motywacyjny staropolskich nazw osobowych*, 1995–2000), в шести томах (у каждого свой автор-составитель) под редакцией А. Чесlikовой, М. Малец и К. Рымута. М. Малец подготовила второй том этого словаря — «Личные имена христианского происхождения» (*Nazwy osobowe pochodzenia chrześcijańskiego*, 1995).

Научные публикации проф. М. Малец характеризует, с одной стороны, необычайная добросовестность, скрупулезность, прекрасное знание предмета, с другой — ясность и простота стиля. М. Малец бесспорно является самым большим знатоком антропонимии в Польше.

«Портрет» Казимежа Рымута (18.12.1935 — 14.11.2006) как ученого представила Мария Малец в журнале «Język Polski» (LXXXVII (2007), вып. 1, с. 1–2), а его избранные статьи и исследования вместе с библиографией научных работ были помещены в книге «Очерки по ономастике и истории языка» (*Szkice onomastyczne i historycznojęzykowe*, Краков, 2003).

К. Рымут был выдающимся лингвистом, в течение многих лет он являлся директором Института польского языка ПАН в Кракове и руководил сектором польской

ономастики в этом Институте. В 1953 г. он поступил на отделение полонистики в Ягеллонском университете, по окончании которого в 1957 г., работал под руководством В. Ташицкого в отделе ономастики ПАН (с 1973 г. — в составе Института польского языка ПАН в Кракове. К. Рымут занимался составлением и редактированием статей к словарю старопольских личных имен (*Słownik staropolskich nazw osobowych*, см. выше). Под руководством В. Ташицкого он написал кандидатскую диссертацию (praca doktorska) на тему «Географические названия северной части бывшего Краковского воеводства» (*Nazwy miejscowe północnej części dawnego województwa krakowskiego*, 1967). В 1973 г. он защитил диссертацию на соискание ученой степени доктора наук на тему «Словообразование польских патронимических географических названий с суффиксом **(ov)itjo* на западнославянском фоне» (*Słowotwórstwo polskich patronimicznych nazw miejscowych z przyrostkiem *(ov)itjo na tle zachodniosłowiańskim*). В 1979 г. получил звание экстраординарного профессора (profesor nadzwyczajny), а в 1988 г. — звание ординарного профессора (profesor zwyczajny). По его инициативе в секторе польской ономастики Института польского языка была создана группа для составления нового словаря польских ойконимов — «Географические названия Польши. История — происхождение — динамика» (*Nazwy miejscowe Polski. Historia — pochodzenie — zmiany*. Т. 1–6. Краков, 1996–2005). После В. Ташицкого К. Рымут возглавил редакцию журнала «Onomastica». Совместно с Розалией Пшибытек опубликовал три тома библиографии польской ономастики (*Bibliografia onomastyki polskiej (1971–2000)*).

В круг научных интересов К. Рымута входили, среди прочего, методология ономастических исследований, методы составления «больших» словарей антропонимов, топонимов и гидронимов, связи имен собственных и нарицательных, происхождение и структура онимов.

Важнейшими работами К. Рымута являются «Названия польских городов» (*Nazwy miast Polski*, 1980 г. — 1-е изд., 1987 — 2-е изд.) и «Фамилии поляков» (*Nazwiska Polaków*, 1991), 2-е расширенное издание — «Фамилии поляков. Историко-этимологический словарь» (*Nazwiska Polaków. Słownik historyczno-etymologiczny*. Т. 1–2, 1999–2001), а также десяти томный словарь современных польских фамилий (*Słownik nazwisk współcześnie w Polsce używanych*. Краков, 1992–1994) и словарь современных польских личных имен (*Słownik imion współcześnie w Polsce używanych*. Краков, 1995). Два последних словаря были составлены на основе материалов правительственного Информационного центра (PESEL). Это были первые такого рода статистические сводки польских антропонимов.

Проф. К. Рымут был инициатором и соредактором этимолого-мотивационного словаря старопольских личных имен (*Słownik etymologiczno-motywacyjny staropolskich nazw osobowych*, 1995–2001), а также инициатором лексикографической обработки польской антропонимии XVI–XVIII вв.

Заслужой К. Рымута было установление научных контактов с В. П. Шмидом (W. P. Schmid) и Академией науки и литературы в Майнце, итогом которых стал международный проект «Hydronymia Europaea». В этой серии под редакцией В. П. Шмида и патронажем К. Рымута было подготовлено в Польше и издано в Штутгарте 20 книг по гидронимии Польши (1985–2005).

К. Рымут был ученым неимоверно активным, он был членом польских и международных объединений, комитетов и комиссий, в том числе и председателем комиссии по славянской ономастике при Международном комитете славистов, членом комитета по

лингвистике ПАН и председателем комиссии по польской ономастике при том же комитете, председателем комиссии по названиям населенных пунктов и физиографических объектов при Министерстве управления. За свои заслуги он был избран членом-корреспондентом Польской академии искусств и получил награды — Золотой крест Заслуги и Орден Кирилла и Мефодия.

К. Рымут, не будучи вузовским преподавателем, опекал молодых ономастов. Он подготовил к защите диссертаций 13 докторов, рецензировал кандидатские и докторские работы. Уход Профессора — огромная утрата для польской ономастики.

Вернемся к пленарному заседанию. После *Александры Чесликовой*, рассказавшей о научной деятельности М. Малец и К. Рымута, выступили чешские коллеги: *Рудольф Шрамек* (Rudolf Šrámek) «Структура отношений “имя собственное — действительность”» и *Милан Гарвалик* (Milan Harvalík) — «К взаимному обогащению апеллятивной и проприальной сфер языка. Апеллятивизация имен собственных и онимизация апеллятивов».

Далее работа первого дня конференции проходила в четырех секциях. На первой секции выступили *Зофья Абрамович* (Zofia Abramowicz) — «Антропонимия и национальная идентичность», *Леонарда Дацевич* (Leonarda Dacewicz) — «Ономастика татарского меньшинства в Подлясье в контексте национальной идентичности», *Ян Бауко* (Jan Bauko) — «Использование антропонимов в двуязычной среде» и *Малгожата Магда-Чекай* (Małgorzata Magda-Czekaj) — «Пограничье в исторических фамилиях жителей Силезии», *Ирена Сарновска-Гефинг* (Irena Sarnowska-Giefing) — «Следы немецких влияний в исторической антропонимии Познани. На основе “старейших списков жителей города”», *Зенон Лица* (Zenon Lica) — «Поморские фамилии, производные от так называемых немецких Rufnamen», *Анджей Хлюдзиньский* (Andrzej Chłudziński) — «Антропонимы, происходящие от этнонимов, в “Liber beneficiorum Domus Corone Marie prope Rugenwold (1406–1528)”», *Агата Рыбиньска* (Agata Rybińska) — «Языковые различия macewet kewer — еврейские имена и названия в текстах надгробных надписей (Вроцлав, XIX в.)», *Кинга Бандерович* (Kinga Banderowicz) — «Лексикон старопольских названий картин: об отапеллятивных фамилиях жителей Познани», *Анета Колодзейчик-Травиньска* (Aneta Kołodziejczyk-Trawińska) — «Образ познаньского общества в ономастической перспективе (на материале метрических книг прихода св. Войтеха XVII в.)».

Во второй секции было представлено 7 докладов, посвященных проблемам современной и древней топонимии: *Кшиштоф Мазурский* (Krzysztof Mazurski) — «Туристическо-краеведческий вклад в судетскую топонимию после 1945 г.», *Ханна Гачиньска-Пивоварска* (Hanna Gaczyńska-Piwowska) — «Ономастика и формирование социального пространства — на примере туристической микротопонимии», *Ярослав Малицкий* (Jarosław Malicki) — «*Hejszowina*. К вопросу об истории ономастики горных Судет», *Зоряна Купчинска* (Zoryana Kupchynska) — «Историческая „мода” на типы ойконимов», *Ярослав Давид* (Jaroslav David) — «*Havličkova Borová Gottwaldov, Haviřov, Gottland* (мотив почитания в чешской ойконимии XX в.)», *Кароль Цирхоффер* (Karol Zierhoffer), *Зофья Цирхоффер* (Zofia Zierhofferowa) — «Рефлексы плавильного производства в польской ономастике» и *Беата Афельтович* (Beata Afeltowicz), *Александра Бельхнеровска* (Aleksandra Belchnerowska) — «Естественная среда и немецкая топонимическая система Западного Поморья».

Следующая, третья секция была посвящена литературной ономастике в синхронном и диахронном аспектах, а также онима́м в журналах для детей. Всего было представлено 7 докладов: *Катажина Скворнек* (Katarzyna Skowronek), *Мариуш Рутковский* (Mariusz Rutkowski) — «Ономастика дискурса: границы, проблематика и исследовательские методы», *Барбара Чопек-Копчух* (Barbara Czoprek-Korciuch) — «Функции имен собственных в поэзии Збигнева Герберта (на примере сборника “Pan Cogito”)» и *Уршула - Кенсикова* (Urszula Kęsikowa) — «Социологические различия ономастики в романах Марии Родзевич», *Павол Одалош* (Pavol Odaloš) — «Литературные онимы в прозе Максима Е. Маткина», *Зузана Грегорцова* (Zuzana Gregorcová) — «Имена собственные в творчестве Антона Хабовштыка», *Ян Каменецкий* (Jan Kamieniecki) — «Топонимы и антропонимы в “Żołtarzu” Walentego Wróbla» и *Эдита Скочыляс-Кротля* (Edyta Skoczyłas-Krotla) — «Имена собственные в некоторых католических журналах для детей».

Четвертая секция тематически была связана с топонимией, особое внимание было уделено славянской гидронимии. В этой группе также прозвучало 7 докладов: *Анета Левиньска* (Aneta Lewińska) — «Висла в ономастическом пейзаже Тчева», *Уршула Бияк* (Urszula Bijak) — «Изменения гидронимов в бассейне средней Вислы», *Яромир Кришко* (Jaromír Krško) — «Несловацкие этнические влияния в бассейне реки Хрон», *Яна Мария Тушкова* (Jana Marie Tušková) — «Грамматические формы чешских топонимов и их функционирование в повседневной коммуникации», *Витольд Маньчак* (Witold Mańczak) — «Этимология названия Стамбула», *Ирина Гапоненко* — «Передача польских собственных имен в белорусском языке» и *Дмитро Бучко* — «Влияние социально-экономических и политических факторов на формирование ойконимии Украины XX в.».

Всего в первый день симпозиума было представлено 35 докладов. Он завершился заседанием комиссии по ономастике в корпусе им. Ст. Роспонда («Роспондовке») Института польской филологии Вроцлавского университета.

На второй день конференции (25 сентября) было запланировано 48 докладов. День начался с пленарного заседания, в ходе которого выступили *Мария Малец* с докладом «Двучленные прозвища, сохранившиеся в польских фамилиях — соотношение позитивных и негативных значений», *Мария Бёлик* (Maria Biolik) — «Прагматика имен собственных», *Роберт Мрузек* (Robert Mrózek) — «Имена собственные в социальной коммуникации и задачи прагматической ономастики» и *Эльжбета Уминьска-Тыто́н* (Elżbieta Umińska-Tytoń) — «Имена собственные в контактах “личностей из сообщества” в XIX в.». Далее заседания проходили в пяти секциях.

В первой — антропонимической — секции было прочитано 6 докладов: *Станислава Сохацка* (Stanisława Sochacka) — «Лужицкие оттопонимические фамилии в современной польской антропонимии», *Ханна Бучко* (Hanna Buczko) — «Социально-экономические отношения в Галиции XVII–XVIII вв. и отапеллятивные фамилии Бойковщины», *Елена Палинчуц* (Elena Palinciuc) — «Антропонимы в многоязычных, многокультурных и многоэтнических контактах (на материале фамилий поляков из Кишинева и его окрестностей XIX–XX вв.)», *Анна Домбровска-Каминьска* (Anna Dąbrowska-Kamińska) — «Фамилии с суффиксом *-enka* в польской антропонимии», *Малгожата Клинкош* (Małgorzata Klinkosz) — «Поморские оттопонимические фамилии на *-ski*» и *Ленка Гаранчовска* (Lenka Garančovská), прочитавшая доклад на тему «Тиронимы (названия сыров) словацкого происхождения». Таким образом, наибольшее внимание из антропонимов было уделено фамилиям.

Вторая секция стала местом презентации 10 текстов, которые затрагивали, с одной стороны, проблемы антропонимии, с другой — дидактики и изучения ономастики в высшей школе. Выступали *Ивана Копаскова* (Ivana Kopásková) — «Официальность vs неофициальность словацкой антропонимической системы», *Агнешка Мышка* (Agnieszka Myszka) — «Вариативность онимов и коммуникативная ситуация», *Мария Чаплицка-Едликовска* (Maria Czaplicka-Jedlikowska) — «Знание компонентов ономастической системы в студенческой среде», *Данута Лех-Кириштайн* (Danuta Lech-Kirstein) — «Ономастика в вузовской дидактике». Шесть докладов тематически были связаны с особенностями имен в Польше, Чехии и Китае: *Эдвард Бреза* (Edward Breza) — «Имена поляков, образованные от имен римских божеств», *Эльжбета Рудницка-Фира* (Elżbieta Rudnicka-Fira) — «Имена жителей городов Верхней Силезии и Заглембе в историко-культурной перспективе — традиции и новации», *Ванда Шуловска* (Wanda Szulowska) — «Как мы сейчас называем близнецов?», *Любовь Осташ* — «Тенденции развития именника Чешской Республики начала XXI в.», *Ирена Калужиньска* (Irena Kałużynska) — «Социальная обусловленность современной моды на имена в КНР», *Виолетта Ягуш* (Violetta Jaguś) — «О формировании системы монашеских имен на пограничье Западной Польши».

Десять докладов, прочитанных в третьей секции, характеризовала эклектичность тематики. Они касались религиозных названий, хремотонимии, а также польской и зарубежной урбонимии. Выступали *Данута Копертowska* (Danuta Kopertowska) — «Хремотонимия г. Кельце в общественном восприятии», *Катажина Скворонек* (Katarzyna Skowronek), *Збигнев Пасек* (Zbigniew Pasek) — «От “Решительных христиан” до “Братьев политеистов”. Названия костелов и религиозных объединений в современной Польше в культурологической перспективе», *Артур Галковский* (Artur Gałkowski) — «Имена собственные с религиозным основанием в социокультурном пространстве Польши и Италии», *Павел Дудек* (Paweł Dudek) — «Названия изображений смерти» и *Эва Роговска-Цибульска* (Ewa Rogowska-Cybulska) — «Имена собственные как материал прецедентных дериватов в современной прессе (на примере словообразовательной аналогии к слову *łże-elity*)», *Божена Хрынкевич-Адамских* (Bożena Hryniewicz-Adamskich) — «Современные названия московских агентств недвижимости», *Иза Матусьяк* (Iza Matusiak) — «О ценностном элементе в названиях фирм», *Эльжбета Богданович* (Elżbieta Bogdanowicz) — «Ценностные коннотации имен собственных», *Малгожата Давидзяк-Кладочна* (Małgorzata Dawidziak-Kładoczna) «“Номер только для тебя”, или о рекламных стратегиях в названиях объектов гостиничного сервиса» и *Юзеф Ярош* (Józef Jarosz) — «“Andre huse, andre sæder” (“Что дом, то обычай”), или о датских названиях домов в городе Гамлета».

В четвертой секции было представлено 8 текстов. Они касались различных ономастических проблем (имена собственные в глоттодидактике, ономастическая лексикография и имена собственные в фольклоре), среди которых наибольшее внимание было уделено прозвищам. Выступали *Анета Пехник* (Aneta Piechnik), *Беата Зяйка* (Beata Ziajka) — «Роль прозвищ в формировании и развитии самосознания сельской языковой общности на примере некоторых сел Малой Польши», *Кинга Заводзиньска-Буковец* (Kinga Zawodzińska-Bukowiec) — «Прозвище? Псевдоним? О заменяющих факкультативных антропонимах польских спортсменов», *Рафал Зарембский* (Rafał Zarembski) — «Функционирование имен собственных в памятниках XVI в.» и *Галишка Гурный*

(Halszka Górný) — «Названия культурных объектов в избранных текстах воспоминаний XVIII и XIX вв.», *Жанета Прохазкова* (Žaneta Prochazková) — «Имя собственное в мифе», *Наталья Колесник* — «Лингвокультурологическая специфика номинации Богородицы в украинском и польском фольклоре», *Анна Бужиньска-Каменеца* (Anna Burzyńska-Kamieniecka) — «*Hanuchniczka* и *Piesinek*. Об именах и фамилиях в старых учебниках польского языка для иностранцев», *Ирина Процик* (Iryna Protsyk) — «Первый украинский языковедческий словарь имен собственных и его дидактическая роль в лингвистическом образовании».

В пятой секции во второй день конференции было представлено 8 докладов, тематически связанных с историческими и современными проблемами урбонимии. На этом фоне выделялся доклад проф., д-ра *Эвы фон Лохнер* (Ewa von Lochner) — «Ономастическое освоение космоса». Доклады представили *Лилия Читко* — «Образ городского сообщества в исторической урбонимии Гродно», *Эльжбета Борысяк* (Elżbieta Borysiak) — «От названий улиц Пишчаца в Польше до урбанонимов Виндхука в Намибии, или названия улиц и религиозные сообщества (отдельные примеры)», *Генрик Душиньский* (Henryk Duszyński) — «Годонимия гмины Белые Болота в быдгощском повяте» и *Бернард Янцевиц* (Bernard Jancewicz) — «Как возникают названия улиц во Вроцлаве?», *Малгожата Руткевич-Ханчевска* (Małgorzata Rutkiewicz-Hanczewska) — «*Nomina propria* в аспекте глобализации — несоответствие тенденции», *Алина Нарушевиц* (Alina Naruszewicz) — «От дома Гербовой до *Moscow Monster* — о названиях так называемых элитных домов (*apartamentowiec*)» и *Магдалена Граф* (Magdalena Graf) — «*Дворец Культуры* или “*Комната с видом*”. Название идеологизированного городского пространства».

Последний день конференции — 26 сентября — сначала проходил в четырех секциях, а затем состоялись пленарные заседания.

В первой секции, тематически разнородной, были заслушаны 4 выступления: *Малгожата Будзик* (Małgorzata Budzik) — «На долгие и счастливые дни. О названиях талисманов, амулетов и других эзотерических предметов и их культурно-языковой обусловленности», *Анна Томеца-Мирек* (Anna Tomecka-Mirek) — «*Leon* и *Электрический Апельсин*, или об оболыщении названием. Тенденции в номинации соков и напитков», *Вальдемар Жарский* (Waldemar Żarski) — «Ономастическая мотивация блюд и кушаний в польском языке» и *Влодзимеж Высочаньский* (Włodzimierz Wysoczański), *Кинга Ружаньска* (Kinga Różańska) — «К изучению железнодорожной хремотонимии. Названия локомотивов».

Во второй секции — прежде всего, топонимической — состоялись выступления четырех исследовательниц. Участники конференции имели возможность послушать *Лилиану Димитрову-Тодорову* (Liliana Dimitrova-Todorova) — «Влияние общества на болгарскую топонимию», *Уршулу Вуйчик* (Urszula Wójcik) — «Метафорические названия в топонимии Польши», *Яну Стейнерову* (Jana Steinerová) — «Рефлексы церковной жизни в чешских географических названиях» и *Катажину Ситковску* (Katarzyna Sitkowska) — «Имеют ли „нюс-ы” названия?».

В следующей, третьей секции была затронута проблематика функционирования географических названий на территории Чехии и Силезии. С докладами выступили *Либуше Чижмарова* (Libuše Čížmarová) — «Методология конструирования заглавных слов в Словаре микротопонимии Моравии и Силезии», *Милена Шипкова*

(Milena Šipková) — «К чешским микропонимам с корнем *-bab-/-báb-*» и *Михаэла Чорнейова* (Michaela Čornejová) — «О старейших чешских топонимах: *Miletín, Mařatice, Vořítov, Liboc*».

Четвертая секция была посвящена проблемам исторической и современной антропонимии, также в сопоставительном аспекте. Здесь результаты своих исследований представили Ярослав Липовский (Jaroslav Lipowski) — «Эволюция патронимического форманта *-ów* на фоне других антропонимических словообразовательных суффиксов на юге Чешинской Силезии», *Виолетта Ярос* (Violetta Jaros) — «Современная антропонимия гмины Мыканув в контексте социально-экономических и культурных изменений в Польше» и *Хелена Сойка-Машталерж* (Helena Sojka-Masztalerz) — «*Vocian* и *Лелека*, или о фамилиях жителей Вроцлава и Львова. Польско-украинское сопоставительное исследование».

Всего в ходе секционных заседаний в последний день конференции прозвучало 14 докладов, отличающихся и тематически, и методологически, касающихся функционирования различных категорий онимов. Это свидетельствует о широком диапазоне интересов современных ономастов, представляющих многие польские и зарубежные научные центры.

Во время пленарного заседания, завершившего XVI Общепольскую ономастическую конференцию, выступили трое участников. *Алиция Новаковска* (Alicja Nowakowska) в докладе «Ономастика и фразеология» рассмотрела влияние единиц ономастической системы на развитие польской фразеологии и сделала вывод, что имена собственные влияют на увеличение количества устойчивых сочетаний, несмотря на то, что постоянно уменьшается знание старой фразеологии носителями языка. *Ян Мёдек* (Jan Miodek) в докладе «Нормативное ономастическое сознание современных поляков» указал несколько общих принципов, связанных с использованием имен собственных в различного типа текстах — как устной, так и письменной формы польского языка. *Богдан Вальчак* (Bogdan Walczak) в сообщении «Еще о будущем экзотизмов» представил процесс дальнейшего функционирования экзонимов — топонимов, заимствованных польским из других языков.

XVI Общепольская ономастическая конференция, организованная Институтом польской филологии Вроцлавского университета под руководством проф., д-ра Яна Мёдки, предоставила ученым из европейских научных центров возможность рассказать о новейших результатах ономастических исследований. Во Вроцлаве прошло и множество неофициальных встреч, во время которых оживленно обсуждались как индивидуальные, так и коллективные исследовательские проекты. Ярослав Давид из Института чешского языка филологического факультета Остравского университета вручил присутствующим приглашения на IV Чешскую ономастическую конференцию «Разнообразие и специфика ономастики» («Mnohotvárnost a specifická onomastika»), которая состоялась 15–17 сентября 2009 г. в Остраве.

Следует обратить внимание на внушительное число участников и выступлений на конференции: всего в ходе трех дней было прочитано около 100 докладов. Тем больше слова признательности организаторам симпозиума, который воспринимается с неослабевающим интересом и пользуется популярностью у ономастов из Польши и многих других стран. Большое количество участников является также неоспоримым доказательством того, что ономастика — это постоянно развивающаяся область языкознания.

Следующая — XVII Общепольская ономастическая конференция состоится 9–11 сентября 2010 г. в Варминьско-Мазурском университете в Ольштыне. Ее тема звучит как «Хремотонимия как феномен современности».

Б. Афельтович

Перевод с польского К. В. Пьянковой

IV Чешская ономастическая конференция «Многообразие и специфика ономастики»

15–17 сентября 2009 г. в г. Острава (Чехия) состоялась IV Чешская ономастическая конференция «Многообразие и специфика ономастики» («Mnohotvárnost a specifická onomastika»). Организаторами конференции выступили кафедра чешского языка философского факультета Остравского университета и Ономастическая комиссия при Институте чешского языка АН Чешской Республики. В оргкомитет вошли представители трех крупнейших ономастических центров Чехии: *Ярослав Давид* (Jaroslav David, Остравский университет в Остраве) — председатель; *Михаэла Чорнейова* (Michaela Čornejová, Университет им. Масарика, Брно); *Милан Гарвалик* (Milan Harvalík, Институт чешского языка АН Чешской Республики, Прага).

В конференции приняли участие ономасты из Чехии, Словакии, Польши, Австрии, Венгрии и России — всего около 70 человек. В программе также были заявлены доклады участников из Германии и с Украины, но они по разным причинам не смогли приехать. Ученые из Чехии, Словакии и Польши делали доклады на своих языках, также рабочими языками конференции были немецкий и английский. Программа конференции представлена на сайте <http://www.onomastics2009.ic.cz/>.

На пленарном заседании 15 сентября прозвучали доклады *Яны Плескаловой* (Jana Pleskalová, Чехия) — об именах собственных в старочешском языке (XII–XV вв.), *Милана Гарвалика* (Milan Harvalík, Чехия) — о новых тенденциях в современном чешском ономастиконе, *Яромира Кришко* (Jarmír Krško, Словакия) — о мотивационных изменениях при создании имени собственного и *Мариуша Рутковского* (Mariusz Rutkowski, Польша) — о «Словаре коннотаций и метафор имен собственных».

Остальные выступления были распределены по секциям в соответствии с основными разделами ономастики и проблемами их изучения: теория и методология ономастики, топонимия, антропонимия, хремотонимия, литературная ономастика, ономастика и другие дисциплины (диалектология, корпусная лингвистика, история, география, этнография и др.). Так, во второй половине дня 15 сентября в одной секции были объединены доклады преимущественно по топонимии, в другой — по антропонимии.

В топонимической секции большой интерес вызвали выступления чешских ономастов: *Либуше Оливовой-Незбедовой* (Libuše Olivová-Nezbedová) — о микротопонимах в Богемии и чешских экзонимах, *Михаэлы Чорнейовой* (Michaela Čornejová) — об отражении условий жизни в именах собственных Южной Моравии и *Ярослава Давида*

(Jaroslav David) — о мемориальных названиях как определяющей мотивационной модели в современной урбанонимии. В докладах польских ученых они рассматривались с социолингвистической точки зрения: *Алина Нарушевич-Духлинська* (Alina Naruszewicz-Duchlińska) — «Никнеймы пользователей Интернет-форумов»; *Беата Афелтович* (Beata Afeltowicz) — «Онимы как источник современных польских эвфемизмов»; *Иза Матусяк-Кемпа* (Iza Matusiak-Kempa) — «Эстетические ценности, отраженные в польских и немецких фамилиях на территории Вармии»; *Леонарда Дацевич* (Leonarda Dacewicz) — «Названия неславянских национальных меньшинств Польши в контексте польской и восточнославянской номинативной культуры». *Мирослава Лиžбетинова* (Miroslava Ližbetinová, Словакия) сделала доклад о прозвищных именах.

В секции антропонимии заслушали доклады *Дианы Свободовой* (Diana Svobodová, Чехия) — о женских формах фамилий, *Мирослава Казика* (Miroslav Kazík, Словакия) — о личных именах в среде замужних женщин и *Божены Франковски-Козак* (Božena Frankowska-Kozak, Польша) — об антропонимической системе в коммуникативных микросообществах Гожовской земли. В нескольких выступлениях источником материала для анализа стала современная печатная и электронная пресса: *Элжбета Богданович* (Elżbieta Bogdanowicz, Польша) — «Новейшие ономастические дериваты», *Иоанна Микош* (Joanna Mikosz, Польша) — «Имена в онлайн-журналах», *Мария Кабата* (Maria Kabata, Польша) — «Имена собственные в местной польской прессе». *Радек Чех* (Radek Čech, Чехия) рассмотрел имена собственные с точки зрения гипотезы транзитивности. *Магдалена Била* (Magdaléna Bílá) и *Мартин Олоштяк* (Martin Ološtiak, Словакия) рассказали об электронной обработке английских имен собственных в словацком языке.

Во второй день конференции, 16 сентября, секционные заседания продолжились. У топонимистов прозвучали выступления *Андреа Бёльскей* (Andrea Bölskei, Венгрия) — об идентифицирующих ойконимах, *Ижи Мартинек* (Jiří Martínek, Чехия) — о названиях городов в бывшем Советском Союзе (речь шла о волне переименований в 1920-е и 1990-е гг.), *Яны Мари Тушковой* (Jana Marie Tušková, Чехия) — о типах склонения чешских топонимов и *Дануты Лех-Кирштейн* (Danuta Lech-Kirstein, Польша) — о названиях птиц в польской топонимии. Несколько докладов были посвящены микропонимии: *Марек Олейник* (Marek Olejnik, Польша) — «Микропонимия на польско-украинском пограничье»; *Павел Штепан* (Pavel Štěpán, Чехия) — «Композиты типа *Kozohlody, Žabokřik* в названиях ненаселенных мест Богемии»; *Станислава Клоферова мл.* (Stanislava Kloferová ml., Чехия) — «Личное имя *Cyryl* и его дериваты в микропонимии Моравии и чешской части Силезии».

Городская топонимия стала предметом рассмотрения в выступлениях *Яромиры Шинделаровой* (Jaromíra Šindelářová, Чехия) — «Чешская и словацкая урбанонимия на основе классификации по моделям отношения», *Лилии Читко* (Lilia Citko, Польша) — «Модели номинации в исторической урбанонимии Подлясья» и *Петра Фонки* (Piotr Fařka, Польша) — «Имена в пространстве города (по материалам новой карты Лодзи)».

Исследованию антропонимии были посвящены доклады *Анеты Колодзейчик-Траиньски* (Aneta Kołodziejczyk-Grainńska, Польша) — о значении костельных документов в исследованиях ономастического и неонимастического прошлого Польши, *Кинги Бандерович* (Kinga Banderowicz, Польша) — о вариативности в фамилиях жителей Познани XVI–XVIII вв. и *Магдалены Граф* (Magdalena Graf, Польша) — об именах жителей Познани на основе старейших переписей населения (XVI–XVIII вв.). Неофициальная

антропонимия рассматривалась в выступлениях *Яна Бауко* (Ján Bauko, Словакия) — об исследовании прозвищ в словацко-венгерской двуязычной среде, *Иваны Копасковой* (Ivana Kopásková, Словакия) — о специфике неофициальной антропонимической системы и *Зузаны Глубинковой* (Zuzana Hlubinková, Чехия) — об именах собственных и Лингвистическом атласе чешского языка (докладчица сосредоточила внимание на обозначениях незамужних дочерей и младших детей в чешских диалектах). Проблемы антропонимии в контактных зонах освещались в докладах *Ярослава Малицкого* (Jarosław Malicki, Польша) — «Польская Острава моравского народа», *Марчина Койдера* (Marcin Kojder, Польша) — «Личные имена на польско-украинском пограничье в XVII и XVIII вв.», *Татьяны Схоффер* (Tatjana Schoffer, Чехия) — «Славянские фамилии в Германии» и *Марека Бонуша* (Marek Bonuš, Чехия) — «Немецкие антропонимы в Оломоуце 1880 г.». Особое внимание участников конференции привлек доклад старейшего представителя Оставской ономастической школы *Надежды Байеровой* (Nadežda Bayerová, Чехия) об уменьшительных формах имен собственных. *Юрай Гладкий* (Juraj Hladký, Словакия) говорил о региональных аспектах в исследовании имен собственных, *Андрей Заводный* (Andrej Závodný, Словакия) — о мотивации прозвищ в районе Сеницы, *Виолетта Ярос* (Violetta Jaros, Польша) — о современных польских микропонимах и фамилиях, мотивированных лексемой *bartnik* и ее синонимами.

Большой интерес вызвал доклад *Милославы Кнапповой* (Miloslava Knappová, Чехия) о престижности в номинации. Прозвучали также выступления, в которых ономастический материал рассматривался в свете не собственно ономастических способов интерпретации: *Маггожата Ярач* (Małgorzata Jaracz, Польша) — «Дискурсивный анализ и ономастика (на примере антропонимов, представленных в “Словаре польского языка XVII и 1-й пол. XVIII в.”)»; *Габриэлы Ольховой* (Gabriela Olchowa, Словакия) — «Имена собственные в передаче культурного содержания при обучении польскому языку как иностранному». *Петр Томасик* (Piotr Tomasik, Польша) сделал доклад о названиях поездов польской железной дороги.

В заключительном блоке этого дня, объединившем всех участников конференции, выступили *Александра Хомова* (Alexandra Chomová, Словакия) с докладом о гидронимии бассейна Торыси, *Анна Макарова* (Россия) — о словаре озерной гидронимии Белозерья и *Вацлав Лабус* (Václav Lábus, Чехия) — о чешских топонимах в Озерских горах до 1950 г.

В четверг, 17 сентября, в секции литературной ономастики заслушали доклады *Жанеты Дворжаковой* (Žaneta Dvořáková, Чехия) — об ассоциативной функции имен собственных в литературе, *Павла Одалоша* (Pavol Odaloš, Словакия) — о литературных онимах в романе Максима Е. Маткина «Мексиканская волна» и *Вероники Штепановой* (Veronika Štěpánová, Чехия) — об именах персонажей в прозе Яна Дрды, *Клаудии Ваховой* (Kludíia Vachová, Словакия) — о специфике перевода литературных онимов, *Эдиты Скошылас-Кротли* (Edyta Skoszylas-Krotla, Польша) — о поликультурной Европе на ономастическом материале избранных книг для детей и *Марцеллы Григерковой* (Marcela Grygerková, Чехия) — об именах в e-mail подписях.

В другой секции были объединены доклады по зоонимии и коммерческой ономастике. С докладами по зоонимии выступили чешские ономасты *Надежда Квиткова* (Nadežda Kvitková) и *Эва Гайкова* (Eva Hájková). Затем прозвучали доклады *Ленки Гаранчовской* (Lenka Garančovská, Словакия) — об амбивалентном характере прагмато-

нимов, *Катажины Сковронек* (Katarzyna Skowronek, Польша) — о названиях косметики и их социально-биологической обусловленности, *Михалы Томановой* (Michala Tomanová, Чехия) — о названиях чешского пива, *Властимила Пульчара* (Vlastimil Pulčár, Словакия) — об иноязычных элементах в русских эргонимах. В заключение *Ангела Бергермайер* (Angela Bergermaier, Австрия) рассказала об именах собственных славянско-го типа с суффиксом *-jan-* в Австрии.

Вечером 15 сентября в рамках конференции состоялось заседание Ономастической комиссии, куда было приглашено по одному представителю от каждого ономастического центра.

А. А. Макарова

Краткая информация*

В 2010 г. состоятся следующие научные форумы, полностью или частично посвященные вопросам ономастики:

- **45-я Научная студенческая конференция по топонимике (24 марта, Москва).** Организатор: Московский центр Русского географического общества. Тезисы докладов будут опубликованы на официальном сайте МЦ РГО: <http://www.rgo.msk.ru>. Адрес оргкомитета: 119017, Москва, Старомонетный переулок, 29, к. 20, МЦ РГ; e-mail: amaliav.112@mail.ru, kntmcrgo@gmail.com, info@rgo.msk.ru, ntmcrgo@gmail.com.

- **II Международная научная конференция «Актуальные проблемы лексикологии и ономастики славянских языков» (22–23 апреля, Мозырь, Белоруссия).** Организатор: Мозырский государственный педагогический университет имени И. П. Шамякина. В ходе конференции планируется обсудить следующие вопросы: концептуальные проблемы славянской лексикологии и ономастики, ономастика как культурно-речевой феномен, проблемы преподавания лексикологии и ономастики в школе и вузе. К началу конференции будет выпущен сборник докладов. Адрес оргкомитета: 247760, Республика Беларусь, Гомельская область, г. Мозырь, вул. Студэнцкая, 28, «УА Мазырскі дзяржаўны педагагічны ўніверсітэт імя І. П. Шамякіна», кафедра беларускага мовазнаўства; e-mail: mozvuz@mail.gomel.by.

- **VII Международная научная конференция «Проблемы общей и региональной ономастики» (20–22 мая, Майкоп).** Основной организатор конференции: Координационный центр по изучению региональной ономастики Северного Кавказа при Адыгейском государственном университете. В рамках конференции пройдет обсуждение подготовленной к изданию рукописи «Сводного словаря личных имен народов Северного Кавказа» (проект 2002 г., около 20 авторов), а также круглый стол «Топонимы

* Информация подготовлена сотрудниками кафедры русского языка и общего языкознания Уральского государственного университета им. А. М. Горького *К. В. Пьянковой* и *С. О. Горяевым*. В числе источников — Интернет-ресурсы: <http://www.lingvomaster.ru>, <http://filolconf.narod.ru/>.

Причерноморья в аспекте лингвокультурологии, экологии и турбизнеса в преддверии Олимпиады Сочи-2014». К началу конференции запланировано издание сборника материалов. С программой VII конференции можно будет ознакомиться на сайте АГУ www.adygnet.ru. E-mail организаторов конференции: kafruaagy@mail.ru.

- **XVII Международная ономастическая конференция «Хрематономия как феномен современности» (9–11 сентября, Ольштын (Польша))**. Организатор: Институт польской филологии Варминско-Мазурского университета. Во время работы конференции состоится собрание ономастической комиссии комитета языкознания ПАН и Международной комиссии по славянской ономастике. Адрес оргкомитета: Instytut Filologii Polskiej, Uniwersytet Warmińsko-Mazurski, ul. Kurta Obitza 1, 10-725 Olsztyn, Polska; e-mail: maria@biolik.pl; jerzy.duma@wp.pl.

- **XII Международная конференция «Ономастика Поволжья» (14–16 сентября, Казань)**. Организаторы: Институт этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН, Волгоградский государственный педагогический университет, Казанский государственный университет, Институт языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова АН РТ. Планируется рассмотрение следующего круга вопросов: теория и методология ономастических исследований; проблемы поволжской топонимики, микротопонимики и урбанониимики; антропонимики народов Поволжья; вопросы зоонимики; теонимы и мифонимы в поволжских этнокультурах; изучение поволжской ономастической периферии и апеллятивно-ономастического пограничья; литературная и фольклорная ономастика народов Поволжья; проблемы перевода и передачи имен собственных на языки народов Поволжья; педагогические аспекты ономастики. Кроме того, будут организованы круглый стол «Волга в языках и культурах народов Поволжья» и работа студенческой секции. E-mail организаторов конференции: suprun@vspu.ru (В. И. Супрун), sadokova@list.ru (Р. Ш. Джарылгасинова), caliullina@list.ru (Г. Р. Галлиулина), iyali.anrt@mail.ru (Г. С. Хазиева).

- **XVI Международный конгресс ономастического сообщества Южной Африки («Names Society of Southern Africa», NSA, 26–28 октября, Кейптаун)**. Конгресс посвящен, как формулируют организаторы, «неумемному стремлению человечества именовать объекты», тема собрания: «Homo nominans: человек именующий». Основным организатором, действующим от имени руководства NSA, является вице-президент общества профессор Берти Нитлинг (Bertie Neethling); e-mail: bneethling@uwc.ac.za.

РЕЦЕНЗИИ

Кюршунова Ирина Алексеевна. Словарь некалендарных личных имен, прозвищ и фамильных прозваний Северо-Западной Руси XV–XVII вв. — СПб.: Дмитрий Буланин, 2010. — 667 с.

Вышел из печати «Словарь некалендарных личных имен, прозвищ и фамильных прозваний Северо-Западной Руси XV–XVII вв.» — результат многолетней кропотливой работы его составителя И. А. Кюршуновой. В нем представлено около 3 000 антропонимических единиц, зафиксированных деловыми документами на территории Карелии и прилегающих к ней районов Северо-Запада России. Использован обширный список источников, включающий практически все наиболее известные деловые документы по территории Карелии XV–XVII вв. Заметно, пожалуй, лишь отсутствие «Поземельной книги Кексгольмского лена 1637 г.», связанное, очевидно, с крайним положением этой территории в составе Северо-Западной Руси и явным преобладанием прибалтийско-финского компонента не только в населении, но и в местном антропонимиконе.

Во введении подробно описаны принципы составления словаря и структура словарной статьи, которая представляется обоснованной и логичной. Автор, в частности, обращает внимание на то, как проводится связь антропонима с образовавшим его апеллятивом, в том числе и реконструирующимся по антропонимическим данным. Полезная информация о конкретных носителях некалендарных имен, прозвищ и патронимов — их социальном положении, профессии, месте проживания. В ряде случаев она дает основание для этимологической интерпретации. Так, представители некрестьянского сословия нередко оказываются людьми пришлыми, что допускает более свободное привлечение данных средне- и южнорусских говоров или тюркских этимонов, чем при интерпретации местных крестьянских прозваний (ср. *Асманов, Печенегов, Калычев, Талызин, Терпигорев, Салтыков* и мн. др.). Не менее полезно предпринимаемое в словаре привлечение в качестве сопоставления материалов по другим регионам, причем не только для выявления региональных особенностей и общерусских черт, но, добавим, и как критерия этимологии. Отсутствие параллелей за пределами Карелии — это знак для поиска местных языковых истоков антропонима, что, кстати, не всегда используется автором как критерий истинности этимологии.

Для проведения этимологии использованы материалы исторических, диалектных, этимологических и других словарей, обобщены результаты многих работ по ономастике и истории русского языка, о чем свидетельствует и солидный список литературы. При этом для значительного числа (если не большинства) антропонимов предлагается несколько возможных этимологических интерпретаций. Предпочтение отдается при выстраивании

порядка их следования данным русских говоров Карелии, что в принципе верно. Хотелось бы добавить к этому еще и учет географии бытования антропонима. Сомнительно, к примеру, возведение зафиксированного в Оштинском погосте, на южном берегу Онежского озера, прозвища *Керчуй* к беломорскому *керча* ‘рыба бычок’ или архангельскому *керч* ‘тундровое растение’, заимствованным соответственно из саамского и коми. Значительно более правдоподобным кажется связь с карельским (и, возможно, вепсским) *kerčči* ‘penis’, тем более, что подобная лексика востребована антропонимией. Возвращаясь еще раз к порядку следования возможных этимологий, можно предложить в некоторых статьях выстроить его иначе, вынеся вперед более вероятные с позиций системы номинации (см., например, статьи *Дягилин*, *Комар*, *Корбуев* и некоторые другие).

Так, при последнем примере — *Корбуев* — приводится пять возможных этимонов, из которых наиболее вероятным с точки зрения возникновения именованного является последний, пятый этимон, а именно вепсская лексема *korboi* ‘загуста из овсяной муки’, ибо в прибалтийско-финской антропонимии наименования жидких каш используются метафорически для обозначения неумного человека [Ruoppila, 1955, 235–238] и оказываются, таким образом, востребованы в антропонимии. Остальные четыре предполагаемых мотива возникновения фамильного прозвания не характерны или менее характерны для именованного людей. Кстати, названия видов каш активно используются «в качестве мотивировочного элемента для номинации лексико-семантической зоны “глупость”» и в русском языке [Леонтьева, 2008, 220], что дает основание связывать отмеченные в словаре как не имеющие ясных мотивов именованного *Бебень* (*бебень* ‘жидкое кушанье из солода’) или *Завалишин* (*завалиша* ‘овсянка, пойло для телят’) с семантикой ‘глупый’. Последняя, судя по материалам словаря, была продуктивна в местной русской антропонимии, как и ряд других семантических групп с негативной семантикой. Антропонимы, восходящие к лексемам со значением ‘болтун’, ‘лентяй’, ‘грязнуля’, представлены солидным списком каждый. Автор верно отмечает их культурологическое значение, связь с отражением жизненных ценностей. Добавим к этому, что мы имеем дело с законами именованного. Обилие антропонимов с негативной семантикой напрямую связано с теми целями, которые преследуются актом именованного. Главная цель именованного — отличать, дифференцировать от других. Поэтому в прозвищах закреплялся отличительный признак: на общем фоне умных, трудолюбивых и во всех отношениях порядочных жителей, составляющих большинство, носители прозвищ с отрицательной семантикой являлись исключением. Но как раз исключение было благодатной основой для называния. Оно дифференцировало, отличало от других и поэтому закреплялось в наименовании. Добавим, что такова же ситуация с негативными прозваниями и в прибалтийско-финском антропонимиконе [Карлова, 2004].

Если именованного с негативной семантикой связаны с отражением жизненных ценностей, то оттопонимические исключительно интересны тем, что обрисовывают границы ойкумены, как близкой (*Сумлянин*, *Сельжанин*, *Свирынин*, *Самозерец*, *Ровдуженинов*, *Пулозерцов*), так и отдаленной (*Сурожанин*, *Пинежанин*, *Новгородец*). Историко-культурную ценность имеют и другие семантические разряды антропонимов, к примеру, содержащие указание на профессию (*Бочевник*, *Гончаров*, *Скорняк*, *Маслеников*, *Жемчужников*).

Одновременно материал словаря — важный языковой источник. Возможности исторического русского словообразования демонстрируют представленные в словаре бо-

гатые ряды антропонимных образований от некоторых основ (например, *Белавин, Белашка, Белехин, Белков, Белов, Беляев, Белянин*). Интересно и полезно выявление в именослове характерных для русской антропонимии суффиксов *-ан* (*Горзанов*), *-ак* (*Ушак*), *-ач* (*Ленгачев*) и др. Наиболее важный результат — это реконструкция для русского языка XV–XVII вв. целого ряда лексем, утраченных или зафиксированных в более поздних материалах.

Словарь не мог, конечно же, обойти вниманием прибалтийско-финскую составляющую в именовании. В нем несколько десятков статей, в которых предлагается прибалтийско-финская этимология для прозваний, зафиксированных как на территории современной Карелии, так и в Северо-Западном Приладожье. На самом деле их могло быть и больше, поскольку в некоторых случаях для имени с явными карельскими истоками предлагается русская интерпретация. В качестве примера отметим фамильное прозвание *Кочаков*, связываемое автором с онеж. *кочак* ‘вертикальный брус окна, стойка’ с неясным мотивом именованья. Значительно более естественной выглядит карело-вепсская этимология, особенно с учетом того, что фамильное прозвание фиксируется только в Карелии и не имеет аналогов за ее пределами: *kotšakka* ‘сердитый, капризный’ (здесь и далее карельские соответствия приводятся по KKS). *Пельякин* с вариантом *Пельяка* (добавим также вариант *Пеляка*, зафиксированный в [АСМ, 163]) имеет карельский прототип *Pölläkkä*, и сейчас существующий в Поморье [Кузьмин, 2007, 50], который входит в широкий круг именованья с основой *pöllä* ‘глупый’. Ойконим *Пельяки*, который предлагается автором в качестве истока для фамилии, на самом деле, видимо, как раз вторичен по отношению к антропониму, т. е. образован от него. Прибалтийско-финская этимология предпочтительнее, чем русская, для антропонима *Реняк* (карел. *röpäkkö* ‘морщинистый’ или ‘со следами оспы’), что ставит под сомнение реконструкцию апеллятива **реняк* ‘надоедливый, неотвязный’ или ‘ворчливый человек’ для русского. Прибалтийско-финские истоки, вписывающиеся в систему традиционных именованья, можно предложить для *Торх* (карел. *torhu* ‘о говорящем громко’), *Ушкалов* (древнее прибалтийско-финское личное имя *Uskali*, производное от глагольной основы *uskal-* ‘сметь, осмеливаться’, ср. *uskalikko* ‘смелый’ [см., например: Муллонен, 2008, 154]), *Тюбаков* (карел. *tyräkkä* ‘бестолковый’), *Мустар* (древнее прибалтийско-финское личное имя *Mustari*, входящее в ряд подобных именованья, в которых суффикс *-ri* оформляет глагольную основу, в данном случае *muista-*, *musta-* ‘помнить, понимать’), *Губаков* (*hupakko* ‘о недалеком, говорящем глупости’). Они просматриваются и в антропонимах *Кастиев, Чумбур, Шупаников, Углоев, Киндицев, Ланяков* и ряде других, анализируемых в словаре как имеющие славянские истоки. Карельские и вепские корни возможны и для некоторых антропонимов, которые отмечены в словаре как не имеющие ясной этимологии: *Мярмейко* довольно убедительно может быть возведено к карельскому именному производному от глагольной основы *märmätteä* ‘ворчать’. В некоторых случаях возможно уточнение приводимой автором прибалтийско-финской этимологии. Так, например, для *Мугуй* кажется более предпочтительным карел. или вепс. *muhi* ‘улыбка’, которое, в отличие от предложенного в словаре *muhju* ‘маленький окунь’, востребовано в прибалтийско-финской ойконимии. В основе фамилии *Гютюев* прибалтийско-финский антропоним *Huutiä*, от *huutiä* ‘филин’, продуктивный в традиционной карело-вепсской системе именованья [Муллонен, 2008, 156], а для *Габунова* совсем необязательно предполагать описку от изначального *Габунов*, поскольку оно может восходить к карел. *haruna* ‘бодрый, решительный’.

Добавим к этому, что, видимо, не вполне корректно реконструировать для русского языка XVI в. некоторые лексемы, заимствованные из прибалтийско-финского источника, только на основании того, что они употреблены в это время в фамилиях, поскольку на самом деле они присутствуют в документах как фамилии карелов (вепсов) и, следовательно, могут рассматриваться как факт прибалтийско-финской речи. В качестве примера: за фамилией Сеньки Курикова в карельском Панозерском погосте совсем необязательно видеть заимствованный из прибалтийско-финских языков Карелии в русские говоры *куруик*, логичнее предполагать его карельский оригинал *kurikka* > *Kurikka* 'о недалеком человеке', точно так же, как прозвание кемлянина Равды Кобринина естественно возводить к карельскому антропониму *Kopra, Kobra* < *kopra, kobra* 'горсть, ладонь', а не к заимствованному в русские говоры Карелии *кобра*. Неубедительным выглядит и реконструкция для русского языка XVI в. лексемы **линдач* на основании фамилии *Линдачев*. Надо полагать, что Сенка Линдачев, житель традиционно карельского по населению Селецкого погоста, был карелом, а поэтому в истоках его фамилии ничто не мешает видеть карел. *linta, linda* 'сваренная на молоке жидкая мучная каша', производное от которого *lindač* используется и в современной карельской системе именований как прозвище недалекого человека.

Вообще в связи с представленностью в словаре местных прибалтийско-финских антропонимов встает вопрос о том, почему их в целом не так уж много. Главная причина заключается, очевидно, в том, что документы фиксируют у крестьянского населения, как правило, имя и отчество, по которым православных русских и карелов различить нельзя. Родовые прозвания приводятся лишь в редких случаях, и именно они указывают на карельские корни их носителей: *Игнатко Федоров сын Пелвиев* или *Михалко да Мыртышко Семеновы дети Руйпины* в Селецком погосте. Наоборот, представители некрестьянского сословия: землевладельцы, духовные лица, служилые люди, жители городского посада — ремесленники, торговцы — значительно чаще названы в документах по фамильным прозваниям. А поскольку среди них было немало пришлого, неместного населения, то при знакомстве с материалами рецензируемого словаря может сложиться превратное впечатление о преобладании, например, на территории северной части Водской пятины в XVI в. русского, а не карельского населения, как это было на самом деле. Кроме того, автор, видимо, сознательно сделал упор на славянский материал (во введении отмечается роль словаря как своеобразной «энциклопедии русской души»), опуская ряд антропонимов с возможной прибалтийско-финской этимологией. К примеру, из нескольких десятков карельских именований Дозорной книги Лопских погостов лишь треть попала на страницы Словаря. Из Писцовой книги Водской пятины 1568 г. оказались непроанализированными *Гамалов, Туккуев, Вансюев, Кильчиев, Райвуй, Гойкула, Папынев, Пугпуев, Терруев, Лахкуев, Полтюев, Ваккуй и Ваккуев, Рягин, Кетчюев, Репчюев* и некоторые другие фамилии. Такова же в целом ситуация и по другим источникам. В совокупности с отмеченной выше русской языковой интерпретацией ряда нерусских антропонимных основ это действительно сводит прибалтийско-финский компонент к минимуму и не дает в полной мере объективной картины о ситуации в средневековом именовании людей в Северо-Западной Руси, где прибалтийско-финский этнический компонент играл существенную, а на территории многих погостов (в действительности, видимо, в подавляющем числе погостов, с учетом этнической ситуации трехсотлетней давности) и главенствующую роль. На самом деле, учитывая эту ситуа-

цию, следует задаться вопросом, почему иногда на территории погостов, традиционное население которых было практически полностью карельским или вепсским, фиксируются некалендарные русские имена, прозвища, фамильные прозвания. Что это: проникновение русского населения или проникновение русской антропонимии в иноязычную и инокультурную среду?

В связи со сказанным, видимо, было бы правильно и полезно подробнее описать во введении как сами источники материала, так и основные принципы именования людей в официальных источниках XV–XVII вв. Очень полезна была бы информация об этническом составе населения той территории, которая охватывается привлекаемыми источниками XV–XVII вв., а также краткая историческая справка о формировании населения. Само собой, в такого рода источниках можно только приветствовать карту, отражающую административное членение территории. Далекое не в полной мере проработанная литература по прибалтийско-финской антропонимии, в том числе и зафиксированной в Карелии.

В заключение некоторые разрозненные частные замечания. В статье *Лопинов* упоминается лопенин Гришка Меркурьев из Ялгубы, который, конечно, был не саамом, как вытекает из статьи, а карелом. Этноним *lappi* (лопь) широко бытовал в Карелии как название и самоназвание карелов и карельского языка (ср. карел. *lapikse pagizou* ‘говорит по-карельски’). Название присвирской деревни *Мятусово*, вопреки реконструкции автора, не содержит в своей основе антропонима, оно восходит к географическому термину, ср. вепс. *mättaz*, карел. *mätäs* ‘бугор, кочка’. Данный термин исключительно продуктивен в топонимии Карелии. Степан Родионов сын *Ловушка* и Степан Родионов сын *Лопушка* из Панозерского погоста — один и тот же человек, поэтому нет смысла разводить их по разным этимологическим статьям. Наличие вариантов объясняется, по всей видимости, характерным для карельского языка чередованием согласных *p : v*. Если *Жерноков* — ‘тот, кто наковывает жернова’, т. е. сложное слово, то почему оно возводится к существительному *жернок*? *Ладожанина* правильнее связывать не с Ладожским озером, а с г. Ладогой. Прибалтийско-финская лексема *tylppä* ‘тупой’ (статья *Тюльпин*) представлена в словаре как славянское заимствование (с. 551), что противоречит этимологической традиции, установившейся в финнистике, считающей слово исконным прибалтийско-финским производным, входящим в одно гнездо с целым рядом суффиксальных образований (*tylmä, tylkeä, tyly*), среди которых и карел. *tylčča* ‘глухой’ [SSA]. Последнее, кстати, представленное в словаре в самостоятельной статье *Тюльча*, не рассматривается автором как заимствование. Понятно, что при выполнении такого обширного и по материалам, и по задачам проекта, каковым является рецензируемый словарь, трудно избежать отдельных недочетов, подобных этим.

Завершая рецензию, отметим еще раз, что проведена большая и полезная работа по реконструкции русской некалендарной антропонимии Карелии и прилегающих к ней территорий. Впервые она предстала в такой полноте и глубине. На этом фоне и с учетом высказанных выше размышлений об отражении в словаре прибалтийско-финского компонента становится очевидной необходимость проведения подобного исследования по традиционному карельскому и вепсскому именованию.

- АСМ — Акты социально-экономической истории севера России конца XV–XVI в.: Акты Соловецкого монастыря 1572–1584 гг. Л., 1990.
- Карлова О. Л.* -Л-овая модель в ойконимии Карелии: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Петрозаводск, 2004.
- Кузьмин Д. В.* К проблеме формирования населения западного побережья Белого моря (по данным топонимии) // Финно-угорская топонимия в ареальном аспекте. Петрозаводск, 2007. С. 20–89.
- Леонтьева Т. В.* Интеллект человека в русской языковой картине мира. Екатеринбург, 2008.
- Муллонен И. И.* Топонимия Заонежья. Словарь с историко-культурными комментариями. Петрозаводск, 2008.
- KKS — Karjalan kielen sanakirja. 1–5. LSFU XVI. Helsinki, 1968–1997.
- Ruoppila V.* Vajaaälyisen kuvaannollisia nimityksiä // Virittäjä. 1955. № 3. S. 222–238.
- SSA — Suomen sanojen alkuperä. Etymologinen sanakirja. 1–3. SKST 556. Helsinki, 1992–2000.

И. И. Муллонен

КНИЖНАЯ ПОЛКА

Библиография А. Л. Шилова

1993

1. По Суне плыли наши челны. М., 1993.

1995

2. Гатчина // Рус. речь. 1995. № 1. С. 109–112.
3. Ландшафт и этнос через призму названий порогов Карелии // Этническое и языковое самосознание: Тез. науч. конф. М., 1995. С. 166–167.
4. Об одной русской фамилии // Рус. речь. 1995. № 3. С. 123.

1996

5. О некоторых терминах, обозначающих водные препятствия в Карелии // Изв. РГО. 1996. Т. 128. Вып. 6. С. 81–85.
6. Топонимический заповедник // Рус. речь. 1996. № 3. С. 66–74.
7. Топонимический заповедник // Рус. речь. 1996. № 4. С. 92–97.
8. Чудские мотивы в древнерусской топонимии. М., 1996.

1997

9. Ареальные связи топонимии Заволочья и географическая терминология Заволочской Чуди // Вопр. языкознания. 1997. № 6. С. 3–21.
10. «Географические» фамилии // Рус. речь. 1997. № 1. С. 72–75.
11. Две Неглинки // Материалы для изучения селений Москвы и Подмосковья: Докл. и сообщ. 5-й региональной науч.-практ. конф. Егорьевск 29–30 мая 1996. М., 1997. С. 144–149.
12. Древняя этническая граница в Северном Приладожье по данным топонимии // Исторический источник: человек и пространство: Тез. докл. и сообщ. науч. конф. (Москва, 3–5 февраля 1997 г.). М., 1997.
13. Исторические свидетельства и этимология топонимов Карелии // Исторический источник: человек и пространство: Тез. докл. и сообщ. науч. конф. (Москва, 3–5 февраля 1997 г.). М., 1997. С. 264–266.

14. К вопросу о дофинно-угорском субстрате в топонимии Карелии // Финно-угроведение. 1997. № 2. С. 17–29.
15. К происхождению гидроформанта *-ень(ь)га* в субстратной топонимии Русского Севера // Традиционная культура финно-угров и соседних народов. Петрозаводск, 1997. С. 63–66.
16. Москва... как много в этом звуке // Рус. речь. 1997. № 2. С. 93–102.
17. Москва... как много в этом звуке // Преподавание истории в школе. 1997. № 5. С. 5–8.
18. На байдарках по Карелии. М., 1997.
19. Паны на Русском Севере // Материалы для изучения селений России: Докл. и сообщ. VI Рос. науч.-практ. конф. Н. Новгород, ноябрь 1997 г. Ч. 2. М., 1997. С. 89–91.

1998

20. Заимствованные русские термины с «путевой» семантикой // Проблемы русской лексикологии и лексикографии: Тез. докл. межвуз. науч. конф. 13–15 октября 1998 г. Вологда, 1998. С. 46–47.
21. От волжского *Шелдомежа* до онежского *Шелтозера* // Ономастика Поволжья: Тез. докл. VIII междунар. конф. Волгоград, 8–11 сент. 1998 г. / Отв. ред. и сост. В. И. Супрун. Волгоград, 1998. С. 24–26.
22. Топонимия Карелии в аспекте проблем субстратной топонимии Русского Севера: к происхождению гидроформанта *-ен(ь)га* // Вопр. языкознания. 1998. № 3. С. 107–114.

1999

23. «Анатомические» географические термины в топонимии Карелии и Кольского полуострова // Изв. РГО. Т. 131. Вып. 4. СПб., 1999. С. 99–105.
24. Есть ли скандинавская топонимия в Карелии? (о топонимических свидетельствах в решении этноисторических проблем) // Вопр. языкознания. 1999. № 3. С. 122–131.
25. Заметки по исторической топонимике Русского Севера. М., 1999.
26. За ним кликну Карна... // Рус. речь. 1999. № 4. С. 122–124.
27. К происхождению гидронимических терминов *курья, пудас, режма* // Русская диалектная этимология: Тез. докл. и сообщ. Третьего научного совещания, 21–23 октября 1999 г. Екатеринбург, 1999. С. 79–82.
28. К стратификации дорусской топонимии Карелии // Вопр. языкознания. 1999. № 6. С. 100–114.
29. Название озера Селигер в контексте древней истории региона // Сельская Россия: прошлое и настоящее: Докл. и сообщ. 7-й российск. конф. Тула, ноябрь 1999. М., 1999. С. 158–160.
30. О названии Можайска // Изучаем историю Москвы и Подмосковья: Докл. и сообщ. шестой региональной науч.-практ. конф. «Проблемы изучения селений Москвы и Подмосковья». Красногорск, 26 сентября 1998 г. Москва, 1999. С. 213–215.
31. Place-name, geographic, and writing evidences and the etymology of some Russian geographic terms // XX Congreso Internacional de Ciencias Onomásticas. 20–25 Setembro 1999 (Santiago de Compostella) Resumos. P. 207–208.

2000

32. К реконструкции системы номинации порогов на реках Карелии и Кольского полуострова // Финно-угорское наследие в русском языке. Вып. 1. Екатеринбург, 2000. С. 68–78.

33. Русское диалектное *кортама* // Слова, слова, слова: К 65-летию И. Г. Добродомова: Межвуз. сб. науч. тр. Смоленск; М., 2000. С. 216–224.

2001

34. Вишера // Рус. речь. 2001. № 1. С. 99–101.

35. К происхождению севернорусских топонимов с основой *Анд-* // Этимологические исследования: Сб. науч. тр. Вып. 7 / Под ред. А. К. Матвеева. Екатеринбург, 2001. С. 154–160.

36. О мерянских топонимических индикаторах (голос в дискуссии) // Вопр. языкознания. 2001. № 6. С. 13–27.

37. О языковой принадлежности некоторых топонимов древней Новгородской земли // Историческая топонимика Великого Новгорода и Новгородской земли. Новгород, 2001.

38. Семантика термина «голова» в номинации географических объектов Русского Севера в контексте межэтнических контактов // Когнитивные сценарии языковой коммуникации: Докл. междунар. науч. конф. Симферополь, 2001. С. 87–88.

39. Соловки // Рус. речь. 2001. № 3. С. 87–90.

40. Топонимические кальки и этимология субстратных топонимов // Вопр. языкознания. 2001. № 1. С. 43–59.

2002

41. Битца и Гвоздянка // Рус. речь. 2002. № 6. С. 95–97.

42. Из наблюдений над берестяными грамотами // Финно-угорское наследие в русском языке: Сб. науч. тр. Вып. 2. Екатеринбург, 2002. С. 145–158.

43. Название «Волга»: критический обзор этимологий и новые альтернативы // Ономастика Поволжья: Тез. докл. IX Междунар. конф. Волгоград, 9–12 сентября 2002 г. Волгоград, 2002. С. 145–147.

44. Опыт историко-этимологического словаря топонимов Карелии // Русская диалектная этимология: Материалы IV Междунар. науч. конф. Екатеринбург, 22–24 октября 2002 г. Екатеринбург, 2002. С. 78–80.

45. Размышления над статьей Й. Койвулехто о прибалтийско-финских этнонимах // Финно-угорское наследие в русском языке: Сб. науч. тр. Вып. 2. Екатеринбург, 2002. С. 211–227.

46. Place-name, geographic, and writing evidences and the etymology of some Russian geographic terms // Biblioteca Filologica Galega. Actas de XX Congreso Internacional de Ciencias Onomásticas. Santiago, 1999. A Coruña. 2002. P. 1597–1601.

47. [Рец. на:] *Е. Л. Березович*. Русская топонимия в этнолингвистическом аспекте // Вопр. языкознания. 2002. № 3. С. 145–148.

2003

48. Географические реалии и топонимические этимологии (на примере топонимии Русского Севера) // *Вопр. языкознания*. 2003. № 1. С. 109–118.
49. Кадаши и Бараши — миф и реальность // *Рус. речь*. 2003. № 4. С. 91–95.
50. Некоторые вопросы интерпретации севернорусских диалектизмов // *Этимологические исследования: Сб. науч. тр. Вып. 8 / Под ред. Е. Л. Березович. Екатеринбург, 2003. С. 87–93.*
51. Окраины Москвы (От Аминьева и Бескудникова до Чертанова и Ясенева) // *Рус. речь*. 2003. № 3. С. 84–90.
52. Опыт историко-этимологического словаря топонимов Карелии (буква Б) // *Этимологические исследования: Сб. науч. тр. Вып. 8 / Под ред. Е. Л. Березович. Екатеринбург, 2003. С. 148–162.*
53. Топонимические модели и этимология субстратных топонимов // *Вопр. языкознания*. 2003. № 4. С. 29–42.
54. Улицы Москвы: Старые и новые названия (топонимический словарь-справочник). М., 2003.
55. Череповец: к этимологии названия (реализация древне-вепсской традиции номинации населенных пунктов) // *Локальные традиции в народной культуре Русского Севера (Материалы IV науч. конф. «Рябининские чтения-2003»): Сб. науч. докл. Петрозаводск, 2003. С. 346–348.*

2004

56. Московская Болвановка // *Рус. речь*. 2004. № 3. С. 78–83.
57. Номенклатурные термины в названиях порогов Карелии // *Вопр. ономастики*. 2004. № 1. С. 86–99.

2005

58. На байдарках по Карелии. 2-е изд. М., 2005.
59. Нахабино // *Рус. речь*. 2005. № 2. С. 104–111 (в соавт. с Р. А. Агеевой).
60. Ономастика берестяных грамот // *Лексический атлас русских народных говоров. (Материалы и исследования)*. 2005. СПб., 2005. С. 298–325.
61. Прибалтийско-финская лексика и восточнославянское языкознание // *Вопр. языкознания*. 2005. № 2. С. 7–28.
62. Топонимическая лоция реки Охта // *Ономастика в кругу гуманитарных наук*. Екатеринбург, 2005. С. 74–77.
63. Топонимические свидетельства присутствия в Подмосковье летописных восточнославянских племен (в свете идей О. Н. Трубачева) // *История и культура славян в зеркале языка: Славянская лексикография. III чтения памяти академика О. Н. Трубачева из цикла «Славяне: язык, история» (21–25 октября 2005 г., Москва): Тез. докл. и выступл.* М., 2005. С. 139–142.
64. Шлиссельбург, Кингисепп, Копорье // *Рус. речь*. 2005. № 6. С. 94–103.
65. [Рец. на:] С. А. Попов. Ойконимия Воронежской области в системе лингвокраеведческих дисциплин // *Рус. яз. в научном освещении*. 2005. № 1 (9). С. 291–295.

2006

66. Имена московских улиц: Топонимический словарь / Р. А. Агеева, Г. П. Бондарчук, Е. М. Поспелов, Т. П. Соколова, А. Л. Шилов, Д. Борко. М., 2006.
67. Кто такой *кобяжанин* берестяной грамоты № 831 // Лексический атлас русских народных говоров. (Материалы и исследования). 2006. СПб., 2006. С. 329–335.
68. Об интерпретации некоторых материалов полевых сборов // Вопр. ономастики. 2006. № 3. С. 116–120.
69. Образ Русского Севера на улицах Москвы // Рус. речь. 2006. № 4. С. 109–111 (в соавт. с Т. П. Соколовой).
70. Термин *чечора* в волжской гидронимии // Ономастика Поволжья: Мат-лы X Международ. конф. Уфа, 2006. С. 200–204.
71. Топонимические свидетельства языческого прошлого Москвы // Вопр. ономастики. 2006. № 3. С. 52–64.

2007

72. География и происхождение некоторых топонимических основ в Центральной и Южной России // И. И. Срезневский и история славяно-русской филологии: тенденции в науке, образовании и культуре: Мат-лы конф. Рязань, 2007.
73. Диалектные истоки омонимичных фамилий *Колмак*, *Колмаков* // Лексический атлас русских народных говоров. (Материалы и исследования). 2007. СПб., 2007. С. 322–328.
74. К географии и происхождению топонимии с элементами *haiša* и *aho* // Финно-угорская топонимия в ареальном аспекте: Материалы науч. симпозиума. Петрозаводск, 2007. С. 90–98.
75. О раннем бытовании пейоративных личных именованных с заимствованными основами на Русском Севере // Русское слово: язык и народные говоры : материалы науч. конф. Ярославль, 25–27 октября 2007. Ярославль, 2007.
76. Поклонная гора // Рус. речь. 2007. № 1. С. 106–112.
77. Саамские культовые комплексы Карелии по данным топонимии // Рябининские чтения: Материалы науч. конф. по изучению народной культуры Русского Севера / Отв. ред. Т. Г. Иванова. Петрозаводск, 2007.
78. Семантика ранних заимствований русских диалектов из прибалтийско-финских, саамских и чудских языков // Проблемы лингвистического краеведения: Материалы науч. конф. (Пермь, 27–29 ноября 2007 г.). Пермь, 2007.
79. [Рец. на:] *Вострышев М. И.* Москва. Большая иллюстрированная энциклопедия: Московведение от А до Я. // Мир имён и названий. М., 2007. № 16 (сентябрь). С. 2.

2008

80. Историко-географические комментарии к берестяным грамотам 248, 272 и 590 // Новгород и Новгородская земля. История и археология. Вып. 22. Великий Новгород, 2008. С. 133–142.
81. Комментарии и дополнения к «Словарю народных географических терминов» Э. М. Мурзаева // Изв. РАН. Сер. географ. № 4. Июль–август 2008 г. С. 125–132.

82. К происхождению диалектного термина *малег* «низкорослый нестройной лес; лес, выросший на подсеке» // Лексический атлас русских народных говоров. (Материалы и исследования). 2008. СПб., 2008. С. 504–512.

83. Материалы к словарю ранних прибалтийско-финских, чудских и саамских заимствований русского языка. М., 2008.

84. *Мехряков* и другие // Рус. речь. 2008. № 2. С. 84–89.

85. О саамской топонимии севера Карелии // Вопр. ономастики. 2008. № 5. С. 49–64.

86. Откуда Вы, любезнейший Колмак? // Рус. речь. 2008. № 1. С. 82–85.

2009

87. Два «кривых» диалектизма: *кареньга* и *кичига* // Лексический атлас русских народных говоров. (Материалы и исследования). 2009. СПб., 2009. С. 383–386.

88. Еще раз о названии реки Выг // Вопр. ономастики. 2009. № 7. С. 75–81.

89. Древняя Москва в мерянской перспективе // Вопр. уралистики 2009. СПб., 2009. С. 244–260.

90. Звенигород, Новгород, Белгород, Вышгород // Вопр. географии. Сб. 132: Современная топонимика. М., 2009. С. 193–206.

91. Звенигород: что звенит и звенит ли? // Рус. речь. 2009. № 1. С. 93–100.

92. К вопросу о наличии германских заимствований в языках создателей топонимии Заволочья // Этнолингвистика. Ономастика. Этимология: Материалы междунар. науч. конф. Екатеринбург, 8–12 сентября 2009 г. / Под ред. Е. Л. Березович. Екатеринбург, 2009. С. 291–293.

93. Несколько комментариев к первому выпуску нового «Русского этимологического словаря» // Рус. яз. в научном освещении. № 17. 2009. С. 277–288.

94. Субстратная топонимия Русского Севера в свете работ А. К. Матвеева // Вопр. языкознания. 2009. № 6. С. 76–101.

95. Топонимика на службе археологии (саамские культовые памятники и «сакральные» топонимы Карелии) // Вопр. уралистики 2009. СПб., 2009. С. 61–80.

2010

96. Топонимические маркеры путей экспансии восточных славян в Подмоскowie // Вопр. языкознания. 2010. № 2. С. 55–63.

97. Этнонимы и неславянские антропонимы берестяных грамот // Вопр. ономастики. 2010. № 1 (8). С. 33–54.

Новые книги*

2006

Onimizacja i apelatywizacja / Red. nauk. Z. Abramowicz, E. Bogdanowicz. — Białystok: Wydawnictwo Uniwersytetu w Białymstoku, 2006. — 655 s.

Статьи, собранные в сборнике «Онимизация и апеллятивизация», помимо проблематики, обозначенной его заглавием, касаются вопросов ономастики и глобализации, ономастических систем национальных меньшинств, а также функционирования имен собственных на пограничных территориях.

Rečnik osobnih imena / M. Šimundić. — 2 izd. — Zagreb: Matica hrvatska, 2006. — 571 s.

Словарь личных имен М. Шумундич содержит личные имена, собранные автором на территории Боснии и Герцеговины, Черногории, Хорватии и Сербии (отметим, что автор не включает мусульманские имена). Именник составлен по гнездовому принципу: в начале словарной статьи приводится основное имя, затем все его производные. Помимо объемного тезауруса, состоящего из двух частей — мужские и женские имена, — словарь содержит краткую характеристику фонетических и структурных особенностей личных имен, факторов, повлиявших на становление именника, а также индекс — алфавитный перечень сокращенных форм мужских и женских имен с указанием возможных полных имен, к которым они восходят.

2007

Warchoł S. Słownik etymologiczno-motywacyjny słowiańskiej zoonimii ludowej. T. 1. Słowiańskie nazwy własne zwierząt domowych i udomowionych zwierząt dzikich w środowiskach wiejskich. — Lublin: Wydawnictwo UMCS, 2007. — 304 s.¹

Этимолого-мотивационный словарь славянской народной зоонимии, подготовленный С. Вархолем, предлагает один из возможных вариантов комплексной обработки зоонимов, функционирующих в сельской среде на всей славянской территории. Как отмечает автор, многие из рассматриваемых современных имен являются продолжением праславянских зоонимов (в большей степени это касается имен коров, овец, собак и кур). Каждая словарная статья содержит зооним, «определение», или мотивацию, полученную от информанта, а также авторский этимолого-мотивационный комментарий. Кроме того, указывается частотность употребления зоонима и его географическое распространение.

* Информация подготовлена при участии сотрудников кафедры русского языка и общего языкознания Уральского государственного университета им. А. М. Горького: С. О. Горяева, Е. В. Поповой, К. В. Пьянковой (отв. за рубрику), М. Э. Рут, Е. В. Шабалиной.

¹ Использована информация сайта: www.press.umcs.lublin.pl.

2008

Многоаспектная характеристика топонимов в творческом наследии А. С. Пушкина: Словарь / Л. Ф. Фомина, Л. Н. Гукова. — Одесса: Астропринт, 2008. — 392 с.²

Словарь содержит 930 статей, посвященных топонимии пушкинских произведений — как реальным, так и восстановленным или перифрастическим (например, *Нюхчи, Источник Гипокрены, Ольгин город*). Авторы определяют свой словарь как произведение феноменологической лексикографии, служащее для отражения особенностей текстов А. С. Пушкина. В словарь включаются топонимы различных типов: например, макротопонимы (*Азия, Европа, Сербия, Санкт-Петербург*), гидронимы (*Каспийское море*), микротопонимы (*Волчьи Ворота, Еймонолореч*), мифотопонимы (*Аид, Коцит, Лета*), урбанонимы (*Кремль, Калинкина слобода*), эргонимы (*Опера, Академия*) и пр. Словарная статья имеет следующую структуру: топоним, краткая помета (ист., поэт., миф.), художественно-определяющая, пространственно-, историко-, логико-, номинативно-дифференцирующая характеристика, иллюстративный материал.

Шульгач В. П. Нариси з праслов'янської антропонімії. — Київ: Довіра, 2008. — (Бібліотека української ономастики). Ч. I. — 413 с.

Монография посвящена проблемам реконструкции праславянского антропонимического фонда и представляет собой попытку анализа праславянского антропонимикона в этимолого-словообразовательном ключе. В первом и втором разделах исследования рассматриваются архаичные префиксальные и суффиксальные модели базовой славянской антропонимической лексики. Третий раздел состоит из ряда лексико-словообразовательных этюдов, дающих представление об основных этимологических гнездах рассматриваемой ономастической подсистемы, а также о связи данной подсистемы с топонимией. Книга содержит богатый фактический материал всех славянских языков, иллюстрирующий реконструируемые модели. При этом автор не всегда учитывает возможность субстратного (неславянского) влияния и некоторые факты интерпретирует исходя исключительно из предпосылки их славянского происхождения.

Atti del XXII. Congresso Internazionale di Scienze Onomastiche. Pisa, 28 agosto — 4 settembre 2005. — 5 voll. Pisa. I (2007); II (2008); III (2006); IV (2008); V (2008).

В 2007–2008 гг. вышло пятитомное «собрание» материалов международной конференции по ономастическим наукам, состоявшейся в г. Пиза в 2005 г. Первый том включает тексты пленарных докладов по теме «Ономастика и лингвистика»: фонология и грамматика, семантика и этимология. Второй том состоит из двух разделов: «*Onomastica e Società*» посвящен проблемам исторического развития ономастической системы, ее современного состояния, «*Gli altri nomi*» содержит доклады, в которых рассматриваются наименования животных, различного рода объектов и организаций, тор-

² При составлении аннотации использована рецензия В. И. Супруна «Пушкинская ономастика в исследованиях одесских ученых» (Ялик: Научно-информационный бюллетень. № 79. Ноябрь 2009. С. 15–16).

говых марок. Третий том — «Onomastica litteraria» — затрагивает проблемы теории и методов исследования литературной ономастики, в том числе исследования имен собственных в различных литературных жанрах. В работах, собранных в четвертом томе — «Antroponomastica», анализируются коллективные прозвища и личные имена в их историческом развитии. Пятый том — «Toponomastica» — посвящен проблемам микро- и макротопонимии.

Lewicki R. Polsko-rosyjski słownik nazw własnych. — Lublin: Wydawnictwo UMCS, 2008. — 222 s.

Польско-русский словарь имен собственных Р. Левицкого базируется на материале современных текстовых корпусов. Он предлагает возможные варианты перевода на русский язык польских имен собственных, а также устойчивых сочетаний с ними и их дериватов: прилагательных, названий жителей различных стран и городов. Словарь содержит около 5 000 статей, в которых дается перевод не только «обычных» групп онимов (географических названий, личных имен), но и, например, заголовков литературных, музыкальных произведений, картин, фильмов, газет, торговых марок, имен известных людей — политиков, музыкантов, писателей, литературных героев и пр.

Šekli M. Zemljepisna in osebna lastna imena v kraju Livek in njegovi okolici. — Ljubljana: Založba ZRC, 2008. — 226 s.³

В монографии М. Шекли рассматриваются имена собственные, зафиксированные в говоре края Ливек и его окрестностях. Каждая из глав книги посвящена особому типу имен собственных: микротопонимам, ойконимам, гидронимам, прозвищам, фамилиям, личным именам, зоонимам и пр. Все группы онимов анализируются в этимологическом и функциональном аспектах. В приложении к книге помещена карта «Микротопонимы в регионе Ливек и его окрестностях».

2009

Керт Г. М. Саамская топонимная лексика. — Петрозаводск: КНЦ РАН, 2009. — 178 с.

В монографии Г. М. Керта рассматриваются особенности саамской топонимии Кольского полуострова. Во введении автор излагает основные сведения о саамах и их языке (соотношение между саамскими диалектами, социолингвистические сведения), в отдельной главе характеризует степень изученности саамской топонимии Кольского полуострова. Г. М. Керт выявляет особенности саамской топонимии, ее структурные типы, уделяя особое внимание специфике топонима по отношению к апеллятиву, затрагивает проблему освоения саамской топонимии русским и родственными языками. В Приложении содержится список рассмотренных топонимов, семантический тезаурус саамской топонимной лексики, списки саамской лексики, имеющей или не имеющей соответствия в финно-угорских и прибалтийско-финских языках, а также алфавитный реестр (на финском языке) прибалтийско-финских лексем в диалектах саамского языка.

³ Использована информация сайта: <http://zalozba.zrc-sazu.si>.

Николић В. Nomen est omen (ономастички прилози). — Ужице: Братис, 2009. — 248 с.

В книге «Nomen est omen (ономастические этюды)» В. Николича содержатся работы по ономастике, вышедшие за последние 10 лет. Книга состоит из трех разделов. В первом разделе опубликованы статьи «Дистрибуция основы *osat* в ономастике и лексике (этнолингвистическое и антропо-географическое исследование)», «Этнографические и ономастические аспекты изучения *Старо Ужице* Любомира Стояновича». Раздел «Вопросы антропонимии» включает статьи, посвященные судьбе имени *Ирина* в сербском языке, мотивации фамилий *Еветовић* и *Изрековић* в литературной ономастике, а также анализу фамилий *Самоуковић* и *Шестиновић* в ономастическом и этнолингвистическом аспектах. Раздел «Вопросы топонимии» содержит заметки об этнонимах *Чех* и *Бохем* в сербском языке, названиях отрицательно оцениваемых животных как номинативной основе некоторых сербских топонимов, анализ отдельных географических названий (*Дабар*, *Ораховица*, *Ма(р)жићи*, *Попов колац*, турецкого микропонима *Srb gazi*, *Srb sindigi*, топонимии окрестностей монастыря Увац и др.), а также работу об омонимии апеллятивов и топонимов в сербском языке.

Ономатолошки прилози. XIX–XX / Српска академија наука и уметности, одељење језика и књижевности, одбор за ономастику / Главн. уредн. А. Лома. — Београд, 2009. — 787 с.

В очередном томе сербского сборника «Ономастические заметки» опубликованы исследования и материалы по топонимии, гидронимии и антропонимии.

Раздел «Исследования и статьи» включает работы трех авторов. Статья *А. Ломы* посвящена проблеме функционирования суф. *-ска* в топонимии северо-западной Сербии; *Л. Неделькова* (Ль. Недельков) — методологии топонимических исследований северного Баната. *Б. Новакович* (Б. Новаковић) в работе «*Anagastum* или *Оногаште*» рассматривает историю имени *Анагаст*, которое, как заметил чешский историк Л. Иречек, похоже на старое название города Никшич — *Оногашт*, который, в свою очередь, в средневековых документах мог называться и *Anagastum*.

Раздел «Монографические исследования и материалы» содержит материалы *З. Павлович* (З. Павловић) по оронимии Сербии; обзор ономастики Црной Реки, подготовленный *Ж. Чупичем* (Ж. Ћупић) и включающий историко-географическое описание региона Доња Бела Река, Звездана и Сумраковац, характеристику особенностей говора, анализ топонимии, гидронимии и антропонимии. Работа *С. Пујића* (С. Пујић) «Ономастика Придвораца Требињских» также, помимо материалов по микропонимии и антропонимии, включает географические, исторические сведения о регионе, краткую характеристику его населения, экономики и культуры. В статье «Антропонимиа слива Грлишке реке» *Я. Динич* (Ј. Динић) рассматривает личные имена и фамилии жителей бассейна реки Грлишкой и приводит собранный антропонимический материал.

В конце сборника опубликованы рецензии на книги по ономастике.

Acta Albaruthenica, Rossica, Polonica: VIII Міжнародная наукова конференція «Беларуска-руська-польське супастаўляльнае мовазнаўства і літаратура»

знаўства»: У 2 ч., Віцебск, 22–24 кастрычніка 2009 г. / Віц. дзярж. ун-т / Адк. рэд. Г. М. Мезенка [і інш.]. — Віцебск: УА «ВДУ імя П. М. Машэрава», 2009. — Ч. 2. — 207 с.

Двухтомный сборник «Acta Albaruthenica, Rossica, Polonica» включает материалы докладов, прозвучавших на VIII Международной научной конференции «Белорусско-русско-польское сопоставительное языкознание и литературоведение», которая состоялась 22–24 октября 2009 г. в Витебске. В одном из разделов 2-го тома собраны работы, связанные с проблемами этнолингвистики, диалектологии и ономастики. Из них примерно 25 касается вопросов ономастики, преимущественно антропонимии. В историческом аспекте имена собственные рассматривают З. Абрамович («Метрические книги евреев как источник для ономастических исследований»), О. П. Голубович («К проблеме сословного именования жителей Полотчины в XVI в.»). Особо стоит отметить исследование А. М. Мезенко, посвященное изучению «числовых» фамилий в сопоставительном аспекте. Проблемы имянаращения затрагивают Т. В. Скребиёва («Характерные черты процесса реноминации в г. Витебске») и Ю. М. Галковская, рассматривающая теоретические проблемы имянаращения в русском и белорусском языкознании. С литературной ономастикой связаны работы И. А. Королевой об именах собственных у А. Т. Твардовского, О. Ю. Летошневой об антропонимах в произведениях Горация. Прецедентным именам в поэтонимных подсистемах посвящена работа А. Н. Дерезго, а классификации прецедентных имен — статья Г. В. Юдзянковой. Несколько авторов (В. М. Ляшкевич, А. А. Лукашенец, Г. К. Семянькова) характеризуют статус и специфику функционирования отдельных групп антропонимов (отчество, прозвищ, фамилий). Вопросы ойконимии затрагивают исследования Т. Ю. Васильевой, В. М. Генкина, А. В. Ковалевой; микропонимия Брестщины рассмотрена в работе Н. Р. Якубук. Городской ономастике посвящены работы А. Н. Соловьёва («Средневековые урбанонимы города Смоленска») и Ю. Л. Никитиной о восточнославянских годонимах. В сборнике можно также найти работы, посвященные названиям культовых сооружений (О. А. Борисевич), теонимии (А. Е. Парамонова), ономастике старообрядцев (И. Я. Кураш), особенностям китайской антропонимии (Ван Ли).

Λογος' ονομαστικη': Научный журнал / Гл. ред. Е. С. Отин. 2009. № 2. — 120 с.

Второй номер нового ономастического журнала можно с полным правом назвать многоязычным: здесь опубликованы статьи ономатологов не только на украинском и русском, но также на болгарском и словацком языках.

Естественно сложившиеся рубрики, выделяющие публикации по общетеоретическим проблемам и отдельным разрядам ономастики, заполнены достаточно разнообразно. Раздел «Теоретические вопросы ономастики» включает этюд К. Г. Исупова «Имя», посвященный онтологическим аспектам философии имени, и статью Т. А. Шкурко «Словообразовательный потенциал имен собственных в современном английском языке», где приводятся наблюдения за развитием апеллятивной семантики у собственных имен, основанном на коннотативных приращениях, связанных со спецификой восприятия именуемых онимами реалий. В разделе «Антропонимика» статья М. Ангеловой-Атанасовой посвящена болгарским фамилиям на *-олски/-улски*, статья Т. В. Буга — разговорно-обиходным вариантам женских имен в с. Мичурино Тельмановского района Донецкой

области; *Ю. А. Карпенко* предлагает оригинальный опыт футурологической ономастики, разрабатывая методику изучения динамики личных имен, основанную на мониторинге «симпатий», высказываемых респондентами по отношению к тем или иным мужским именам; *А. Ф. Михина* пишет о женских именовании в болгарских селах Запорожской области, *В. П. Шульгач* — о староукраинском имени *Сорьденко*.

В разделе «Топонимика» *В. А. Яций* представляет наименования населенных пунктов Ивано-Франковской области, мотивированные христианскими каноническими именами, а в разделе «Гидронимика» рассматриваются гидронимы Словакии (*А. Заводный*, *Ю. Гладкий*), Днестра (*С. А. Вербич*) и Дона (*Е. С. Отин*).

Обширен раздел поэтонимологии, где рассматривается литературная ономастика переводов цикла романов о Гарри Поттере (*Л. Л. Белей*), «Тараса Бульбы» (*Т. Н. Винтонов*), публицистики Олеса Гончара (*В. Н. Галич*), произведений Н. С. Лескова (*Н. В. Мудрова*). Теоретические проблемы поэтонимологии осмысляются *В. М. Калинкиным* в статье «Поэтонимология: из заметок о метаязыке науки». К публикациям этого раздела примыкает статья *К. В. Першиной*, анализирующая смысловое содержание названия фильма (идеонима) «Весна на Заречной улице».

Журнал поздравляет с 70-летием выдающегося украинского ономатолога Дмитрия Григорьевича Бучко. В разделе «Рецензии» представлена подготовленная *К. В. Першиной* и *А. Ф. Михиной* рецензия на книгу болгарского исследователя Людвиг Селимско-го «Этюды болгарской антропонимии: Личные имена», вышедшую в Болгарии в 2006 г.

Martin M. Des humains quasi objets et des objets quasi humains / Éditions L'Harmattan. — Paris, Collection Questions Contemporaines dirigée par Bruno Péquignot, juin 2009. — 176 p.

Книга французской исследовательницы Мерсьен Мартин «Люди — как бы вещи и вещи — как бы люди» посвящена проблематике, которую в отечественной терминологии назвали бы, в широком плане, ономаσιологической, исследуемой на ономастическом материале. Концепция автора заключается в том, что «существуют различные сферы перечисления объектов мира: при переходе из одной в другую объект вписывается в новую систему классификации и его основные свойства изменяются, подвергаясь гиперболизации или редукции». Таким образом «вещи» становятся как бы «людьми» и наоборот. Пример первого процесса — наречение подводного корабля собственным именем «Грозный», подчеркивающее его ожидаемые свойства. Пример второго — имена рабов, низводящие их до положения вещи, говорящего орудия: при отмене рабства в 1848 г. рабы должны были получить имена, но среди последних есть такие, как «Нога», «Грязь», «Страдание».

Разделы книги касаются разных разрядов собственных имен, укажем названия некоторых из них: «Именование и рабство», «Герои и святые: обычная история необычных людей», «Животные в баснях и гибридные сущности», «Мифические корабли: от пиратства до фантастики», «Между Бахусом и Бодлером: лексическое поле вина», «Колокола как объекты, якобы обладающие качествами новообращенных христиан», «Парадигматика запрета и появление табуированных территорий» и др.

Names: A Journal of Onomastics. Journal of the American Name Society. 2009. № 54 (December)⁴.

«Names» («Имена»), журнал Американского ономастического общества (American Name Society), — одно из ведущих мировых периодических изданий по изучению ономастики. Со времени первого выпуска в 1952 г. в журнале были опубликованы сотни статей, обзоров и заметок, посвященных различным аспектам изучения имени собственного и процесса именования, а также исследованию культурного наследия, истории населенных пунктов и языковых особенностей, отраженных в именах собственных. Журнал выпускается 4 раза в год.

В последний номер «Names» вошли статьи *Метью Эдни* («Англофонные топонимы, входящие в состав “Описания” Джона Смита и отраженные на карте Новой Англии»), *Дениса Хушки*, *Юргена Герхардса* и *Герта Вагнера* («Различия в процессе именования в разделенной Германии»), *Априла Маршалла* («Ономастическая выразительность» в романе Джулии Альварес “Спасая мир”»), *Сьюзен Мередит Берм* («Переименование и самоименование у представителей народности хмонг, проживающих в США»), *Тимоти Фрейзера* («Названия местностей в Иллинойсе»).

Onomastica Canadiana: Journal of the Canadian Society for the Study of Names. 2009. № 91 (June)⁵.

«Onomastica Canadiana», официальный журнал Канадского общества по изучению имен собственных (Canadian Society for the Study of Names), издается с 1951 г. (изначально под названием «Onomastica») с периодичностью 2 раза в год. В журнале представлены статьи, заметки и обзоры ономастологов, топонимистов, исследователей в области литературной ономастики, лингвистических, психологических и социологических аспектов номинации.

В последнем номере журнала опубликованы статьи *Жана-Франсуа Карона* («Улица Saint-Louis в Квебеке: Луи IX или XIII?»), *Татьяны Храмовой* («Чем интересна литературная ономастика?»), *Ариан Норман* («Обозначение медикаментов во взаимодействии акушерка/пациентка: названия товарных марок и другие номинации»), а также книжное обозрение, выполненное *Кароль Жан Леонард*.

Slovník pomístních jmen v Čechách. IV. Bíg—Bož / Pod ved. Jany Matúšové. — Praha: Academia, 2009. — 220 s.; V. Bra—Buc / Pod ved. Jany Matúšové. — Praha: Academia, 2009. 196 s.⁶

В 2009 г. вышли IV и V тома словаря микротопонимов Чехии. Словарь включает названия полей, лугов, гор и гидрообъектов. Более подробную информацию о концепции издания и структуре словарных статей см. в журнале: *Вопр. ономастики* № 5 (2008). С. 179.

⁴ Информация о журнале представлена на сайтах: <http://maney.co.uk/index.php/journals/nam> ; <http://www.ingentaconnect.com/content/maney/nam/latest>.

⁵ Информация о журнале представлена на сайтах: <http://geonames.nrcan.gc.ca/>; <http://catalogue.nla.gov.au/Record/1580706>; <http://linguistlist.org/pubs/journals/get-journals.cfm?JournalID=2731>.

⁶ Использована информация сайта: www.academia.cz.

Warchoł S. Słownik etymologiczno-motywacyjny słowiańskiej zoonimii ludowej. T. 2. Krowy. — Lublin: Wydawnictwo UMCS, 2009. — 296 s.

Этимолого-мотивационный словарь славянской народной зоонимии, подготовленный С. Вархолем, предлагает один из возможных вариантов комплексной обработки зоонимов — имен домашних и прирученных диких животных, функционирующих в сельской среде на всей славянской территории. Если первый том посвящен кличкам буйволов, быков, коней и волов, то во втором томе автором собраны исключительно имена коров. Как отмечает автор, многие из рассматриваемых современных имен являются продолжением праславянских зоонимов (в большей степени это касается имен коров, волов, овец, собак и кур).

2010

Суперанская А. В. Словарь народных форм русских имен. — М.: Книжный дом «Либроком», 2010. — 368 с.

В словарь вошло свыше 25 000 форм русских имен. Здесь читатель может найти информацию о том, какие народные формы русских имен существуют, каким «паспортным» именам они соответствуют, с какими церковными именами они связаны, как пишутся и произносятся официальные и неофициальные формы имен. Словарь помогает соотнести разные варианты одного и того же имени и различить похожие формы разных имен. Издание может быть полезно не только лингвистам, но и, например, нотариусам, работникам паспортных столов и ЗАГСов.

Харченко В. К., Черникова Е. М. Лингвогенеалогия: Имя собственное в жанре семейных родословных. — М.: Книжный дом «Либроком», 2010. — 192 с.

Объектом изучения авторов является функционирование имени собственного в повествованиях об истории семьи (термин «родословная» понимается авторами довольно широко — как «свободные по композиции устные рассказы о семье»). Основная часть исследования состоит из трех глав. В первой — «Имена собственные в родословном дискурсе» — рассматривается состав имен собственных в семейных родословных, особенности функционирования прозвищ, фамилий, имен известных людей, прецедентных имен в семейном дискурсе. Вторая глава посвящена проблемам именования, выявлению языковых и внеязыковых факторов, влияющих на имянаречение. В третьей главе — «Названия в жанре семейных родословных» — определяются особенности употребления топонимов, названий мест учебы, работы и других групп онимов в семейном дискурсе.

ИЗ ИСТОРИИ ОНОМАСТИКИ

Г. Б. Мадиева

ОНОМАСТИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ В КАЗАХСТАНЕ

Казахская ономастика, как и ономастика других тюркских народов на территории бывшего Советского Союза, зарождалась в недрах российской лингвистики. Начальные сведения о тюркских именах собственных (прежде всего топонимах) можно найти в трудах известных русских ученых Н. А. Аристова, В. В. Бартольда, Г. Е. Грум-Гржимайло, Г. А. Левшина, П. Мелиоранского, П. Палласа, Г. Н. Потанина, В. В. Радлова, С. М. Тянь-Шанского и др., научные интересы которых в той или иной степени были связаны с изучением тюркских земель. Большой вклад в изучение тюркских имен собственных (далее — ИС) внесли такие ученые-тюркологи, как В. А. Баскаков, Д. Д. Васильев, Б. Я. Владимирцов, С. Г. Кляшторный, А. Н. Кононов, С. Е. Малов, Д. Насилов, Е. Д. Поливанов, А. М. Щербак и др., занимавшиеся изучением тюркских языков. В середине XX в. к фактам родной ономастики обращаются и казахские лингвисты.

У истоков казахской ономастики

Осмывая труды предшественников казахской ономастики как самостоятельной научной области, необходимо прежде всего обратиться к трудам известных казахских лингвистов А. Байтурсынова, К. Жубанова, С. Аманжолова, А. Искакова и др. Именно они в 1930–50-е гг. стали обращать пристальное внимание на ономастический материал при описании фонетических изменений в слове, изучении истории казахского языка и его диалектных особенностей, этимологизации родо-племенных названий, исторически характерных для иерархически организованной родовой структуры казахского общества и т. п.

Так, в научном наследии выдающегося казахского ученого Ахмета Байтурсынова приводятся общие правила написания казахских слов, которые иллюстрируются на материале не только нарицательной лексики, но и собственных имен. В частности, А. Байтурсынов отмечает, что если сингармонизм компонентов парного слова совпадает, то оно пишется слитно (*Балжан, желкесер*), если парное слово состоит из компонентов с разным сингармонизмом, то оно пишется через дефис (*жел-бау, торе-тай, Мурат-бек*); различаются основа слова и его форма, так как при наличии единой основы слова могут иметь разную форму. В этом случае А. Байтурсынов имеет в виду орфографические и орфоэпические нормы, когда при произнесении слова под действием фонетических

законов наблюдается изменение его внешней (звуковой) оболочки, но на письме необходимо соблюдать орфографическую норму, т. е. пишется та основа, от которой произошло слово (слово *жуг-аяк* нужно писать как *жук-аяк*, *Кара-гоз* как *Кара-коз*) [Байтурсынов, 1992].

Однако А. Байтурсынов не учитывал специфику онимов, которые не всегда подчиняются правилам написания нарицательной лексики. Расхождения орфоэпических и орфографических норм могут быть обусловлены тем фактом, что имя собственное, изначально состоящее из нескольких слов, в дальнейшем стремится к цельнооформленности. По этой причине приведенные А. Байтурсыновым имена собственные, состоящие из двух основ (например, *Мурат-бек*, *Кара-коз*), в которых не соблюдается закон сингармонизма, принято писать не через дефис, как предлагает ученый, а слитно. Кроме того, в антропонимике такие имена, как *Ботагоз*, *Бахытгельды* и др., сохраняют на письме орфоэпическую норму, являющуюся результатом ассимиляции (ср. апеллятивные конструкции *бота коз* «глаз верблюжонка»; *бакыт кельди* «счастье пришло» и т. п.).

Интересны наблюдения А. Байтурсынова над уменьшительными и неполными формами казахских личных имен, в частности образованными с помощью суффикса *-еке* со значением уважительности (*Ысмайыл* — *Ыс-еке*). Кроме того, им отмечено, что суффикс *-еке* в основном употребляется по отношению к взрослым людям, а в разговоре с младшими по возрасту к личному имени прибавляются иные суффиксы, например *ман*, *ан*, *ш*, *жан*: *Турмагамбет* — *Турман*, *Ермагамбет* — *Ержан*, *Космагамбет* — *Косан*, *Жумагали* — *Жумаш* [Байтурсынов, 1992, 215]. Некоторые из этих уменьшительно-ласкательных или неполных форм имен в настоящее время употребляются как самостоятельные личные имена и утратили первичное значение (*Ержан*, *Жумаш* и др.).

В комментариях А. Байтурсынова можно увидеть истоки современных функционально-прагматических исследований ИС. Так, важное значение имеет изучение прагматического значения вариантов имен с суффиксами субъективной оценки, которое проявляется в определенном коммуникативном контексте.

А. Байтурсынов обращает внимание на синтаксическую функцию имен собственных: в зависимости от позиции в предложении и смысловой нагрузки имя собственное может выступать как в функции подлежащего, так и в функции определения. Этот факт демонстрирует способность ИС выполнять прагматическую функцию уточнения, дифференциации и идентификации. Кроме того, такие компоненты, как *хан*, *батыр*, *бек*, *би*, используемые в дополнение к основному имени, являются сословными титулами, своего рода маркерами социального статуса личности и определяют иерархически организованную структуру общества до XX в. Титул с течением времени вошел в состав ИС и, превратившись в его неотъемлемый компонент, стал писаться слитно: *Темирхан*, *Болатбек*, *Есбатыр*, *Курманбай* и др. Однако многие исторические имена с сословными титулами пишутся раздельно: *Абылай хан*, *Касым хан*, *Айтеке би*, *Кобланды батыр* и др. Личные имена, имеющие при себе подобные компоненты, являются социально маркированными, хранятся в памяти казахского народа и поэтому легко узнаваемы носителем языка.

При исследовании начальной стадии формирования казахской ономастики невозможно не отметить деятельность казахского лингвиста Сарсена Аманжолова, в трудах которого определяются истоки нескольких проблемных направлений, сыгравших важ-

ную роль в становлении этнонимии, антропонимии, топонимии и актуальных в настоящее время проблем образования, мотивации имен собственных, их этимологического анализа (в том числе проблемы происхождения казахских (тюркских) родо-племенных названий), диалектных особенностей ИС, перевода и транслитерации иноязычных ИС, функционирования ИС в межкультурной коммуникации. Это не весь перечень проблем, намеченных С. Аманжоловым, решение которых способствовало развитию ономастической мысли в Казахстане. Отметим несколько ключевых моментов в научной деятельности ученого, касающихся имен собственных.

В одном из его основных трудов — «Вопросы диалектологии и истории казахского языка», посвященном этногенезу казахского народа и его языка, — детально рассматриваются как история самих племен, вошедших в состав казахской нации, так и их названия. Казахские этнонимы и генонимы образуют значительный пласт лексики и практически не изучены, так как в казахской (шире — тюркской) ономастике нет специальных исследований по тюркской этнонимии (не считая отдельных работ). Опираясь на труды Рашид-Эд-дина, А. Левшина, Н. Аристова, В. Бартольда, В. Радлова, Н. Катанова и др., С. Аманжолов критически подходит к их изысканиям и представляет свое видение общественных отношений родовой и патриархально-феодальной организации прошлого казахов. К своему исследованию ученый привлекает родовые тамги как важные указатели этнического состава племен и родов [Аманжолов, 2001, 20; первое издание — 1935 г.].

Помимо тамговых знаков, у каждого рода или племени были ураны (уран — боевой клич), которые имели названия: *канглы* — *Айырылмас (Байтерек)*, *ысты* — *Жауатар, найман* — *Кантағай* и т. д. Эти названия можно считать именами собственными, поскольку они идентифицируют определенный род или племя, дифференцируют его на фоне других племен.

По мнению Е. А. Керимбаева, названия уранов (уранонимы) можно квалифицировать как онимические историзмы, характеризующие родо-племенную организацию казахов и их военно-политическую атрибутику. Они являются вербальным кодом традиционной народной культуры, своего рода магическим символом, обладающим объединяющей силой. Неслучайно в качестве уранонимов используются как имена предков, так и имена людей, которые в силу своих организаторских способностей, героических поступков или мудрых деяний были возведены в ранг героев, святых. Такие уранонимы, кроме объединяющей, должны были выполнять и охранительную функцию (заступническую, дающую мощь, силу в боевых действиях, в ситуациях, опасных для жизни целого родового коллектива или его представителя). Название урана должно было быть связано с именем патрона, что обусловлено мифологическими представлениями о сакральности ИС, в данном случае — личного имени [Керимбаев, 1995, 144–145].

Интересны наблюдения С. Аманжолова относительно географических названий, которые ученый привлекает в качестве неоспоримых доказательств сходства орхонских надписей с современными казахскими диалектами, например: «В Казахстане, где расположены многие древние племена, сохранилась окостенелая форма окончаний географических названий типа *Алматы* (вместо *Алмалы, Алмалык*); это напоминает устойчивое окончание глаголов в орхонских памятниках: *барты, алты* (вместо *барды* «пошел», *алды* «пришел»)). Или же, опираясь на данные С. Малова, автор пишет: «Известно, что почти во всех тюркских языках топоним *Иртыш* произносится через *ш*, а в казахском

и в орхоно-енисейском через *с*», — и приводит целый ряд параллельно существующих слов, в том числе диалектизм, которые обуславливают вывод о происхождении казахского языка.

Ученый обращает внимание на окончания географических названий типа *Мойынты*, *Буланты*, которые являются окостенелыми, застывшими и способны пролить свет на историю языка.

Тонкие наблюдения над географическими названиями (топонимами), привлечение их к анализу в качестве фактов языка способствовали повышению внимания к именам собственным, к их важной роли в разрешении различных вопросов происхождения, образования языка, смешения языков и др. Так, доказать тюркское происхождение найманов — одного из крупных родов Среднего жуза родо-племенной организации казахов — позволило привлечение С. Аманжоловым данных антропонимии. Скрупулезный анализ личных имен в исторических документах дал ученому возможность утверждать, что «не только имена и титулы ханов найманских оказались тюркскими, но и имена женщин, названия местностей и т. д.» [Аманжолов, 2001, 74].

Исследуя проблемы словообразования казахского языка, С. Аманжолов не оставил в стороне и образование онимов. Работы современных ономастов Казахстана подтверждают мнение ученого о том, что основным способом образования казахских топонимов и антропонимов является словосложение. Наибольшее количество антропонимов и топонимов представляют собой определительную конструкцию, которая в момент своего появления могла характеризовать конкретный признак объекта. С течением времени в результате топонимизации или антропонимизации эта конструкция превращалась в двух-, трех- и более компонентные модели сложных онимов.

Анализируя казахские личные имена, С. Аманжолов выделяет 9 мотивов, действующих при их создании: пожелание прожить хорошую, счастливую жизнь (*Омар*, *Оспан*); пожелания долголетия (имена-обереги *Шулгау* «портянки», *Ултарак* «стелька»); пожелание, чтобы у ребенка был хороший характер (*Жибек* «шелк»); пожелание, чтобы ребенок был почитаем, как хан (бай) (*Омархан*); указание на определенное природное явление (*Айтуар* «луна взойдет», *Кунтуар* «солнце взойдет»); указание на какое-либо событие, произошедшее в данном ауле, доме (*Аманкелды* «благополучно вернулся»); указание на обстоятельства рождения ребенка (*Сурабалды* «выпросил»); связь с названиями местности, рек, гор (*Алтай*, *Орал*); имя, данное после Октябрьской революции (*Роза*, *Марат*, *Тельман* — имена, имеющие интернациональное значение) [Аманжолов, 2002¹, 76]. Проведенная классификация может по праву считаться одной из первых семантических классификаций казахских имен.

Интересны суждения С. Аманжолова о переводе имен собственных. В частности, он полагает, что географические названия вообще не следует переводить, для перевода же географических терминов необходимо использовать богатые ресурсы казахского языка (*полуостров* — *тубек*, *дельта* — *атырау*). По мнению ученого, необходимо узаконить правописание слова *Алма-Ата* в виде *Алматы*, как пишут и произносят казахи;

¹ Статья впервые напечатана в журнале «Пионер» (1949, № 4) и вошла в сборник статей С. Аманжолова, изданный в 2002 г. его сыном — д-ром филол. наук, проф. А. С. Аманжоловым.

следует вернуть исконный облик географическим названиям, искаженным в годы царизма (*Кустанай, Тургай* и т. д. на *Костанай, Торгай* и т. д.) [Аманжолов, 2002, 214–216].

Крайне важными для становления ономастики в Казахстане являются положения, рассматриваемые виднейшим казахским лингвистом Худайбергеном Жубановым. В своем труде «Из истории порядка слов в казахском предложении» Х. Жубанов значительное место отводит исследованию собственных имен.

Наблюдения над структурой казахских предложений и словосочетаний позволили автору сделать существенные выводы относительно образования казахских личных имен и сочетаемости определительных элементов в их структуре. Так, говоря о существовании незыблемого, на первый взгляд, закона строго фиксированного порядка слов, ученый отмечает, что «этот порядок ... не был изначальным. Ибо в самом современном казахском языке налицо значительные перебои, что заставляет задумываться над причинами подобного нарушения норм существующего синтаксиса языка и видеть в них образцы норм, некогда господствовавших, но затем вытесненных новыми», т. е. «казахский язык, вернее языки, из которых он слагался, знал такой порядок размещения членов предложения, который был диаметрально противоположным теперешнему» [Жубанов, 1966, 33–34]. Прежде всего, это утверждение касается таких сочетаний в функции онимов, как *Кун сулу* «солнце + красивый», *Ай сулу* «луна + красивый», *Кун жарык* «солнце + яркий» или «день + светлый, ясный», которые в современном казахском антропонимиконе пишутся слитно, так как с течением времени произошло сращение двух компонентов в единое целое, воспринимаемое в настоящее время как неделимая антропонимическая единица.

В именах, образованных на основе словосочетаний, определение следует за определяемым словом, что не соответствует нормам современного казахского языка. Здесь важно замечание автора о том, что «личные имена, будь они простые или сложные, безразлично, представляют собой выражение либо атрибута некоей субстанции, либо же предиката некоего субъекта. В первом случае субстанцией, во втором — субъектом мыслится лицо, носящее имя. Так что полный перевод вложенных в вышеперечисленные имена (имеются в виду имена *Кун сулу, Тан жарык*. — Г. М.) мыслей может быть таков: (это) — красивое солнце, (это) — светлое солнце и т. д.». Имена, образованные по этой модели, заключает Х. Жубанов, «не могут быть синтаксически расшифрованы в пределах современных норм». Такие образования «можно отнести к тем отложениям, которые своим строением сохранили старый порядок слов, где определяемое предшествует определению» [Там же, 38, 44].

Для развития ономастической мысли ценны замечания Х. Жубанова о порядке следования таких компонентов, как *бай* ‘богатый’, ‘богач’, *батыр* ‘богатырь’, *сулу* ‘красивый’, *кул* ‘батрак, слуга’ и др. Анализируя ряд примеров (*Койлыбай* «баран + богатый», *Сырбай* «корова + богатый», *Итбай* «собака + богатый» и др.), Х. Жубанов делает вывод о том, что «эти определители обладают силой свободно располагаться по обеим сторонам своих определяемых». Подобная неустойчивость компонентов и, на первый взгляд, хаотичность их расположения могут быть объяснены исторически: «Единственно правильным подходом к решению вопроса может быть только признание исторической реальности существования в прошлом такого синтаксиса, который знал обратный современному или не свойственный современному порядок слов» [Там же, 55].

Сочетаемость компонентов сложных личных имен Х. Жубанов сравнивает с сочетаемостью чисел и приходит к выводу о том, что «слова, в отдельности имеющие известное непосредственное значение, находясь в сочетании, вступают в определенные отношения друг с другом и в зависимости от этого приобретают дополнительно относительное значение, что, в конечном счете, определяет, уточняет самое собственное значение слова».

Анализируя синтаксис сложных имен, Х. Жубанов отмечает, что в них «имеет место некоторая образность — словесная невысказанность всей мысли, какая вкладывается в имена... Имена, в составе которых имеются географические названия, вроде *Едил* (Волга), даются для того, чтобы отметить этим место рождения ребенка. В действительности же состав слова *Едилбай* недостаточен, чтобы выразить эту мысль, полным выражением которой было бы *Едилде туган бай* “богач, родившийся на берегу Волги”» [Жубанов, 1966, 53]. Необходимо отметить, что компонент *бай*, по нашему мнению, в подобных именах теряет первичное значение и становится имяобразующим суффиксоидом, который, вероятно, означает ‘обладание, наличие’ (ср. *Жолдыбай*, где *жол* ‘дорога’ + *-ды* ‘аффикс обладания или наличия чего-либо’ + *бай* ‘богатый’, ‘богач’; *Жетписбай*, где *жетпис* ‘семьдесят’ + *бай* ‘богатый’, ‘богач’).

По мнению ученого, каждое имя при классификации должно быть рассмотрено индивидуально, дифференцированно, поскольку не всегда имена создаются по единой, универсальной модели и у каждого из них своя история создания. Кроме того, необходимо помнить, что личные имена — это образные выражения, в которых информация не дана «прямо и полностью». Его высказывание заставляет вспомнить о разрабатываемой в современной ономастике идее топонима как свернутого текста [см., например: Горбаневский, 1994]. Эта концепция применима и к антропонимам, поскольку и в них человек вкладывает определенное содержание, способствующее не только выполнению номинативной функции, но и выражению определенных интенций (например, убеждение новорожденного от жизненных невзгод, дурного глаза и т. п.). Как видим, Х. Жубанов, не развивая дальше этой идеи, высказывает мысль о том, что имена могут развиваться до полного выражения их содержания.

В этих и других комментариях ученого можно увидеть истоки таких направлений ономастики, как синтаксис имен собственных; лексическая сочетаемость компонентов ИС; морфология ИС; происхождение ИС; этимология ИС; когнитивная ономастика и т. д.

Рассматривая сложные личные имена, Х. Жубанов упоминает названия родов и племен, которые являются одним из источников идентификации как целой группы людей, так и отдельного человека, принадлежащего к этой группе. Он подчеркивает, что «возникновение личных имен — явление позднее. До возникновения же личных имен отдельные личности носили общее имя племени или рода... При новых обстоятельствах, вызвавших более сложные взаимоотношения между членами общества, возвысивших значение личности, старый способ обозначения индивидуумов по имени всего коллектива был недостаточно выразительным, и возникла необходимость уточнить общее племенное или родовое название новыми, долевыми названиями — личными именами» [Жубанов, 1966, 48]. Это замечание правомерно соотносить с образованием географических названий, когда в начальный период формирования появлялись топонимы, обозначающие географические реалии по их главному геоморфологическому при-

знаку, т. е. *река, гора, море* и т. п.; затем, по мере познания мира, назрела потребность в дифференциации однопорядковых объектов, более конкретном членении объективной действительности. Подобным образом появились названия типа *Балыксу* «рыбная река или река, которая богата рыбой», *Шыбындысу* «река, где изобилуют мухи», *Аккол* «белая река», *Узынкол* «длинная река» и т. п.

Мысли первых казахских ученых-лингвистов об именах собственных нашли и находят свое развитие и продолжение в ономастической науке Казахстана.

Развитие ономастических исследований в Казахстане

В современной парадигме казахстанской лингвистики ономастика функционирует как отдельная научная дисциплина, имеющая свои собственные основания (историю развития, предмет, цель и задачи), свой обширный ономастический материал, разрабатывающая общую теорию предмета и включающая частные (региональные) исследования, необходимые для построения общей теории имени собственного, а также проблемные области и перспективные направления. Свой научный статус казахская ономастика получила благодаря систематизированным исследованиям таких ученых, как А. А. Абдрахманов, Т. Д. Джанузаков, А. Т. Кайдаров, Г. К. Конкашпаев, Е. К. Койшубаев, В. Н. Попова, О. А. Султаньяев.

Первое системное топонимическое исследование было проведено в 1949 г. Г. К. Конкашпаевым, географом по образованию, который дал глубокий анализ большого массива топонимического материала с выявлением различных по происхождению топонимов Казахстана и роли географических терминов в их составе. Им же в 1963 г. выпущен первый топонимический труд — «Словарь казахских географических названий».

В 1981 г. в Институте языкознания им. А. Байтурсынова Академии наук Казахстана по инициативе Т. Д. Джанузакова был открыт отдел ономастики, успешно функционирующий и в настоящее время. За период существования сотрудниками отдела собрана богатейшая картотека онимов, основу которых составляют географические названия различных регионов Казахстана. На базе данной картотеки выпускается серия словарей.

В 1949–2010 гг. в Казахстане защищено более 50 докторских и кандидатских диссертационных исследований по ономастике (Г. К. Конкашпаев [1949], А. А. Абдрахманов [1954; 1991²], Т. Д. Джанузаков [1960; 1976], В. Н. Попова [1966; 1997], Е. К. Койшубаев [1967], О. А. Султаньяев [1969], В. У. Махпиров [1980; 1998], Е. А. Керимбаев [1988; 2002], Б. К. Бектасова [1989], М. Кожанов [1989], Г. Б. Мадиева [1990; 2005], К. К. Рысбергенова, [1993; 2010], Г. Сагидолда [1993], Б. Тлеубердиев [1994; 2006], М. А. Диарова [1999], С. К. Иманбердиева [2001], М. Е. Какимова [2004], Ж. Б. Кошпанова [2006], А. Б. Смаилова [2007], Т. М. Абдрахманова [2007] и др.).

В основном работы казахстанских ономастов были направлены на исследование антропонимов и топонимов, а также этнонимов, космонимов, зоонимов. Наиболее изучены терминологический (казахская народная географическая терминология), лексико-семантический, словообразовательный, стратиграфический аспекты казахских собственных имен.

² Первые цифры — год защиты кандидатской диссертации, вторые — докторской.

В последние годы объектом исследований казахстанской ономастики стали периферийные разряды ономастики (собственные имена в художественных текстах различных жанров, имена мифологических объектов, названия периодических изданий, названия производственных предприятий и др.), обладающие своей спецификой, своими структурными типами, моделями, принципами номинации и характеризующиеся определенной системностью. Можно отметить работы Г. К. Ихсангалиевой [2000], С. К. Иманбердиевой [2001], М. Е. Какимовой [2004], С. А. Керимбаевой [2004], Ж. Б. Кошпановой [2004] и др.

Анализ научных исследований различных разрядов ономастического пространства Казахстана в хронологическом порядке представлен в таблице, данные которой наглядно демонстрируют невысокую интенсивность ономастических исследований, а также хронологический и тематический дисбаланс при анализе имен собственных в ономастическом пространстве Казахстана. Таблица составлена на основе данных о защитах докторских и кандидатских диссертаций по ономастике; в ней приняты следующие сокращения: о — общетеоретические работы, а — антропонимы, т — топонимы, з — зоонимы, к — космонимы, э — эргонимы, и — идеонимы, м — мифонимы, ло — литературные онимы, п — прагмонимы, си — сопоставительные исследования антропонимов и топонимов (см. таблицу на с. 165).

На наш взгляд, низкая интенсивность ономастических исследований обусловлена следующими причинами: ограниченным числом исследователей, занимающихся анализом имен собственных, кажущейся бесперспективностью ономастических исследований, сложностью сбора ономастического материала, который в основном производится в полевых условиях, слабой материальной базой (если в первые годы развития ономастики ономастические экспедиции субсидировались государственными научно-исследовательскими фондами, то в настоящее время инвентаризация онимов выполняется за счет самих исследователей).

Вместе с тем количественный анализ позволяет сделать вывод о том, что современная казахстанская ономастика характеризуется активизацией рефлексии относительно состояния и перспектив развития ономастических исследований, основным объектом которых и по сей день являются топонимы различных регионов Казахстана. Начиная с 1991 г. в Казахстане, т. е. за 18 лет, выполнено 46 исследований, что почти в три раза больше, чем за предшествующие 40 лет.

Анализ исследований, проведенных в Казахстане, дает основание условно выделить 3 этапа становления казахстанской ономастики:

— первый этап (с 1949 по 1970-е гг.) характеризуется созданием казахстанской ономастической школы, исследованием казахских топонимов и антропонимов, выявлением их этимологии, структурных и лексико-семантических типов, разработкой стратификации топонимической системы, определением роли географических терминов в образовании топонимов;

— второй этап (с 1970 по 1995-е гг.): происходит активизация региональных топонимических исследований, определение проблем теории ономастики, формирование этнолингвистического направления исследований топонимов и антропонимов, расширение объекта исследований за счет космонимов, зоонимов, а также русских топонимов, функционирующих на территории Казахстана; выявляются основные мотивы топонимической и антропонимической номинации; устанавливаются тюрко-монгольские

Распределение ономастических исследований Казахстана в хронологической последовательности в зависимости от научного объекта (1949–2005 гг.)

Год	Разряд имен собственных											
	о	а	т	а + т	з	к	э	и	м	ло	п	си
1949			1									
1954			1									
1960		1										
1961												
1966			1									
1967			1									
1969			1									
1976	1											
1980												
1988			1							1		
1989			2				1					
1990			1									
1991			2									
1992						1						
1993			1									1
1994			1									
1995		1										
1996												1
1997	1		1									
1998	1		1									
1999			1									
2000			1					1		1		1
2001	2	1	1				1					
2002	1	1										
2004	1		1				1		2	1		
2005	1	2	1									
2006	2		1	1							1	
2007	1	1								1		
2008	2		1									
2009												
2010			1									

топонимические параллели; разрабатываются прикладные аспекты ономастики (совершенствуются основы транскрипции и транслитерации, стандартизации имен собственных, создаются ономастические словари);

— третий этап (с 1995 г. по настоящее время): продолжают региональные исследования топонимов; разрабатываются ономастические словари (топонимов и антропонимов); развивается сопоставительное изучение топонимов и антропонимов; объектом ономастических исследований становятся эргонимы, идеонимы, мифонимы; начинается поиск новых методик и направлений в исследовании имен собственных.

Основными направлениями изучения имен собственных в Казахстане по-прежнему остаются историко-этимологическое (этимологизация географических названий, выявление субстратных топонимов), системное лексико-семантическое, мотивологическое и структурно-словообразовательное, этнолингвистическое (отражение этнокультурных кодов в антропонимике и топонимике). Фрагментарно дается описание онимов с позиций лингвокультурологического и функционального подходов.

Отрадно отметить, что казахстанская ономастика в последние годы пополнилась рядом работ, исследующих важные проблемы функционирования имен собственных. Так, А. Б. Смаиловой рассмотрены иноязычные имена собственные, участвующие в различных видах дискурса. Особый интерес вызывают иноязычные онимы, употребляющиеся в текстах газет. Проблема функционирования этих имен собственных активно разрабатывается в зарубежной ономастике, эпизодически она затрагивалась в отечественных работах, посвященных исследованию иноязычной лексики, но не была объектом специального исследования в казахской ономастике на материале казахских текстов. В то же время проблемы, возникающие при передаче иноязычных онимов, рождают новые, связанные с идентификацией объекта, о котором идет речь, с появлением различных вариантов имен собственных, затрудняющих дифференциацию объектов. Поэтому своевременное исследование этих проблем способствует решению задач нормирования передачи иноязычных онимов с позиций их унификации, стандартизации и кодификации.

Проблемы, которые решаются А. Б. Смаиловой в связи с лингвоконцептологическим подходом к имени собственному, можно обозначить как восприятие иноязычного имени собственного членами казахского языкового социума; функционирование этих единиц в коллективном сознании; определение корпуса онимов, активно функционирующих в газетном тексте, репрезентация и изучение проблемы их вариантного употребления. В результате представлен алгоритм адаптации иноязычных онимов, который является определенным вкладом в развитие переводоведческой ономастики [Смаилова, 2007].

Не менее значимым является и исследование имен собственных в сопоставительном плане. Так, изучению структуры и семантики неофициальных личных имен казахского, русского и немецкого языков посвящена диссертационная работа Т. М. Абдрахмановой. Неофициальные личные имена, как и некоторые другие периферийные сферы ономастики, относятся к числу наиболее подвижных, мобильных, быстро обновляемых разрядов онимии. При этом возникают не только новые единицы, но и не встречающиеся ранее типы и модели. Они являются наиболее интересным с точки зрения номинации и более прозрачным семантическим пластом антропонимии. Эти имена обладают частотностью использования в коммуникации. В результате исследования обоснована

зависимость неофициальных личных имен от интра- и экстралингвистических факторов [Абдрахманова, 2007].

Аналитический обзор и обобщение основных результатов ономастических исследований позволяет отметить значительные успехи в казахстанской ономастике. Тем не менее, можно сделать вывод и о том, что современное состояние ономастики в Казахстане характеризуется отсутствием генеральной координации исследований как по общетеоретическим, так и частным проблемам ономастики, преобладанием историко-лингвистических, этимологических, структурно-семантических исследований имен собственных, прежде всего топонимов. В настоящее время исследования имен собственных в русле таких направлений, как лингвокультурология, коммуникативная лингвистика, прагмалингвистика, когнитивная лингвистика, психолингвистика и др. представлены единичными трудами. Тем не менее, работа в этих направлениях ведется, и это не может не радовать, поскольку ономастические исследования на современном этапе должны получить новый импульс в связи с антропо- и этноцентрической парадигмой в науке.

Таким образом, современная казахстанская ономастика располагает богатым фактическим материалом ИС различных разрядов, теоретическим и методологическим арсеналом, основанным на достижениях общей лингвистики и ономастики, которые могут способствовать углублению изучения как корпуса антропонимов и топонимов, так и других разрядов онимов.

-
- Абдрахманова Т. М.* Структура и семантика неофициальных личных имен казахского, русского и немецкого языков: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Алматы, 2007.
- Аманжолов С.* Вопросы диалектологии и истории казахского языка. Алматы, 2001.
- Аманжолов С.* Казак тили теориясынын негиздери. Основы теории казахского языка. Алматы, 2002.
- Байтурсьнов А.* Тил тагылымы. Алматы, 1992.
- Горбаневский М. В.* Русская городская топонимия: проблемы историко-культурного изучения и современного лексикографического описания. Дис. ... д-ра филол. наук. М., 1994.
- Жубанов Х.* Исследования по казахскому языку. Алма-Ата, 1966.
- Иманбердиева С. Қ.* Каладағы тағамхана атаулары: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Алматы: КазНУ, 2001.
- Ихсангалиева Г. К.* Функционально-прагматический анализ заголовков (на материале казахстанских газет и телепрограмм): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Алматы: КазНУ, 2000.
- Какимова М. Е.* Типология эргонимов Северо-Казахстанской области: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Алматы: КазНУ, 2004.
- Керимбаев Е. А.* Казахская ономастика в этнокультурном, номинативном функциональном аспектах. Алматы, 1995.
- Керимбаева С. А.* Ономастическая экспликация мифологической модели мира в казахском языке: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Алматы, 2004.
- Коштанова Ж. Б.* Номинация в прагматике // Вестник КазНУ. Сер. филол. 2004. № 6 (78). С. 187–189.
- Лезина И. Н., Суперанская А. В.* Ономастика. Словарь-справочник тюркских родоплеменных названий (из двух частей). М., 1994.
- Машлова А. Б.* Адаптация иноязычных онимов в казахском тексте: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Алматы, 2007.

СЛОВО ОБ УЧЕНОМ

ЮРИЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ КАРПЕНКО AD MEMORIAM

Юрий Александрович Карпенко любил рассказывать о том, как он стал филологом. И изящные филологические изыски, и строгая математическая логика манили его в равной степени. Не в силах отдать предпочтение ни тому, ни другому, выпускник 1948 г. Радомышльской средней школы № 2 доверил выбор случаю. Юрий написал два заявления о поступлении на филологический факультет и математический, запечатал в два конверта и отправился искать свою Судьбу. Ею оказалась секретарь приемной комиссии Львовского государственного университета им. Ивана Франко, молодая и симпатичная особа. Когда юный выпускник школы попросил ее выбрать один из конвертов, девушка раздраженно бросила: «Ну, этот!». «Ну-этот» конверт и привел будущего ученого на филологический факультет. Юра Карпенко был в школе награжден серебряной медалью, что давало ее владельцу право поступления в советские высшие учебные заведения без вступительных экзаменов. Так он и стал студентом русского отделения филологического факультета, познакомился с Музой, тратил всю стипендию на книги, играл на лекциях в буриме и постепенно превращался в подающего надежды круглого отличника филологического фронта. Дипломная работа Юрия Карпенко, которую он защитил на отличную оценку в 1953 г., была посвящена изучению функционирования имени прилагательного в романе П. А. Павленко «Счастье». Далее последовала аспирантура в Черновицком государственном университете при кафедре украинского языка, увенчанная успешным написанием диссертации «История форм количественных числительных в украинском языке», выполненной под руководством доц. И. Г. Чередниченко. Работа была защищена в Харьковском государственном университете 2 июля 1956 г. А уже 29 мая 1967 г. на заседании объединенного совета Отдела литературы, языка и искусствоведения АН УССР состоялась публичная защита его докторской диссертации «Топонимия Буковины», написанная в стенах Черновицкого государственного университета на кафедре общего языкознания. В 1968 г. Юрий Александрович Ученым советом Черновицкого государственного университета был избран профессором.

Учебная и научная деятельность Юрия Александровича, его заслуги перед Отечеством нашли широкое общественное признание и были высоко отмечены: 6 декабря 1996 г. он становится академиком Академии наук Высшей школы Украины, 6 мая 2006 г. членом-корреспондентом Национальной академии наук Украины, 30 ноября 2009 г.

заслуженным деятелем науки и техники Украины. Юрий Александрович Карпенко мог сделать еще очень многое...

Однако 10 декабря 2009 г. нам осталась только память.

Е. Ю. Карпенко

* * *

Впервые про Юрия Александровича Карпенко я услышал от своих товарищей с параллельного курса украинского отделения в далеком 1973 г. Филологический факультет тогда находился в доме № 7 в проулке Маяковского, в дворике с чудесным платаном, дворике, ностальгически незабываемом для сердца каждого, кому там довелось работать или учиться. Но мы тогда были еще первокурсниками, про будущую ностальгию и не думали, а просто стояли в перерыв под платаном и о чем-то разговаривали, когда мои товарищи дружно обратились с приветствием к невысокому плотному человеку с умными глазами за стеклышками очков. «Карпенко, заведующий кафедрой», — сказал кто-то минуткой позднее. Плюс чья-то реплика: «Хороший дядька!» Так это и запомнилось: платановый дворик, вдумчивый взгляд, приветливый добрый человек. Так в мою жизнь вошел Юрий Александрович, будущий мой научный руководитель, мой Учитель...

Многие из нас, его учеников, даже не знакомы между собой. Но всех нас объединяет Юрий Александрович, который помнил каждого, потому что в каждого из нас вложил частичку своей жизни, своих знаний, своего сердца. И каждый из нас несет в себе образ своего Юрия Александровича, образ неповторимый в каждом отдельном случае и все-таки образ единый. Главным в Юрии Александровиче было его умение организовать работу и поддержать тех, кто делает дело. Это умение зародилось со времен школьных и студенческих компаний, было перенято от его учителей, это умение подарил он и нам. Каждый из нас помнит не один случай его дружеской поддержки: организация публикаций, участие в конференциях, научная опека руководителя, моральная поддержка в пору личных неурядиц или неуверенности в себе, даже организация защиты диссертации. Все это или что-либо подобное испытал на себе каждый из его учеников. И случалось это не раз и не два... Можно сказать, что Юрий Александрович многим из нас проложил путь в науку, и мы вечные его должники. Особенно про себя могу от всей души сказать: не всякий отец сделает для сына столько, сколько сделал он для меня. Сыновнее спасибо Учителю за все его добро, низкий поклон и вечная память!

Н. И. Зубов

* * *

В пору завершения моего аспирантства пришла из Одессы открытка (как жаль, что тогда не пришло в голову сохранить ее!). Трудночитаемым (прямо скоропись XVIII в.), но очень живописным почерком там было написано примерно следующее: «Узнал, что Вы занимаетесь названиям звезд и созвездий, значит, мы в известной степени соратники. Присылайте автореферат, напишу обязательно отзыв». И подпись: «Ю. Карпенко». Мы так никогда и не встретились, но мне всегда казалось, что мы хорошо знакомы: и потому, что Александр Константинович Матвеев нам, еще студентам, а потом аспирантам много о нем рассказывал как об одном из «разумных» (так он говорил про своих

единомышленников) топономастов; и потому, что хорошо знаю многочисленные публикации Юрия Александровича, посвященные украинской и славянской астронимии; и потому, что мы, можно сказать, «наперегонки» описывали названия звезд и созвездий (и он, конечно, меня легко обогнал, выпустив великолепную книгу «Названия звездного неба» — своеобразную астронимическую энциклопедию, которую я совсем недавно снова внимательнейшим образом читала, составляя словарь русской народной и научной астронимии, прообраз которого предложен в виде словника в этой самой книге); и потому, что отзыв на автореферат, конечно, был — краткий, но очень конструктивно критический и при этом очень доброжелательный, а через несколько лет уже я писала отзыв на автореферат диссертации его ученицы, капитально проработавшей использование астронимов в древнерусских текстах; и потому, что его ученики приезжали на всесоюзные студенческие конференции «Ономастика и диалектная лексика», которые наша кафедра регулярно проводила в 1970–1980-е гг. — и это всегда были очень интересные ребята: с четкими конкретными докладами и неутомимой жаждой нового, что проявлялось прежде всего в десятках задаваемых ими вопросов. И всегда хотелось познакомиться воочию, увидеться или в Одессе, или у нас на Урале. Не получилось...

М. Э. Рум

СОКРАЩЕНИЯ

В названиях географических объектов

нп	населенный пункт
рчк	речка

В названиях языков и диалектов

арх.	архангельские говоры русского языка
вв.	верхневыхегодский диалект коми-зырянского языка
вепс.	вепсский язык
вод.	водский язык
вс.	верхнесыольский диалект коми-зырянского языка
гот.	готский язык
дигор.	дигорский диалект осетинского языка
доперм.	допермский язык
др.-исл.	древнеисландский язык
др.-прусс.	древнепруссский язык
др.-сканд.	древнескандинавский язык
др.-фин.	древнефинский язык
др.-чуваш.	древнечувашский язык
иж.	ижемский диалект коми-зырянского языка
ирон.	иронский диалект осетинского языка
коми-перм.	коми-пермяцкий литературный язык
ливв.	ливвиковский диалект карельского языка
ливск.	ливский язык
люд.	людиковский диалект карельского языка
люд.	людиковский диалект карельского языка
нв.	нижневыхегодский диалект коми-зырянского языка
ненец.	ненецкий язык
общеперм.	общепермский язык-основа
парф.	парфянский язык
печ.	печорский диалект коми-зырянского языка
приб.-фин.	прибалтийско-финские языки
саам. кильд.	кильдинский диалект саамского языка
саам. Луле	диалект Луле саамского языка
саам. норв.	саамский норвежский язык
саам.	саамский язык
скр.	присыктывкарский диалект коми-зырянского языка
согд.	согдийский язык
сс.	среднесыольский диалект коми-зырянского языка
ст.-фин.	старофинский язык
уд.	удорский диалект коми-зырянского языка
хот.-сакс.	хотаносакский язык

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Атрошенко Ольга Валерьевна, аспирант кафедры русского языка и общего языкознания Уральского государственного университета им. А. М. Горького (Екатеринбург).

Афельтович Беата (Afeltowicz Beata), кандидат гуманитарных наук, доцент кафедры современного польского языка Щецинского университета (Польша).

Березович Елена Львовна, доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка и общего языкознания Уральского государственного университета им. А. М. Горького (Екатеринбург).

Зеленцов Леонид Сергеевич, краевед (г. Камышлов, Свердловская обл.).

Зубов Николай Иванович, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой общего и славянского языкознания Одесского национального университета им. И. И. Мечникова (Украина).

Карпенко Елена Юрьевна, доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой грамматики английского языка Одесского национального университета им. И. И. Мечникова (Украина).

Кузьмин Денис Викторович, кандидат филологических наук, младший научный сотрудник Института языка, литературы и истории Карельского научного центра РАН (Петрозаводск).

Лома Александар, член-корреспондент Сербской академии наук, научный сотрудник этимологического отдела Института сербского языка, ординарный профессор кафедры классической филологии философского факультета в Белграде (Сербия).

Мадиева Гульмира Баянжановна, доктор филологических наук, профессор кафедры общего языкознания Казахского национального университета им. аль-Фараби (Алматы, Казахстан).

Макарова Анна Андреевна, аспирант кафедры русского языка и общего языкознания Уральского государственного университета им. А. М. Горького (Екатеринбург).

Матвеев Александр Константинович, член-корреспондент РАН, доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка и общего языкознания Уральского государственного университета им. А. М. Горького (Екатеринбург).

Муллонен Ирма Ивановна, доктор филологических наук, директор Института языка, литературы и истории Карельского научного центра РАН, профессор кафедры финского языка и литературы Петрозаводского ГУ (Петрозаводск).

Рут Мария Эдуардовна, доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой русского языка и общего языкознания Уральского государственного университета им. А. М. Горького (Екатеринбург).

Цыпанов Евгений Александрович, доктор филологических наук, заведующий отделом языка Института языка, литературы и истории Коми научного центра Уральского отделения Российской академии наук (Сыктывкар).

Чижмарова Либуше (Čižmárová Libuše), научный сотрудник отдела диалектологии Института чешского языка Академии наук Чешской республики (Брно).

Шилов Алексей Львович, доктор химических наук, ведущий научный сотрудник Института общей и неорганической химии РАН, член Русского Географического Общества (Москва).

Шипкова Милена (Šipková Milena), научный сотрудник отдела диалектологии Института чешского языка Академии наук Чешской республики (Брно).

SUMMARY

A. Loma. Looking for the land of the Boudinoi. A toponomastic research in ancient Scythia

Key words: historical geography, toponymy; Scythia, Russia; Herodotus; Boudinoi, Melanchlainoi, Borystheneitai.

The old Russian town of Kursk, mentioned since 1035 (*Kurbьskъ*), seems to be named after a small creek *Kur*, joining there the river Tuskar'. Without a convincing etymology, this name is suspected of Non-Slavic origin. Indeed, Kursk lies in the area of Baltic hydronymic substrate and of the Iron age Yuchnov archaeological culture, attributed to the ancient Balts and, more precisely, to the supposedly baltophone Boudinoi of Herodotus. In view of these facts, the identification of *Kurbьskъ* with *K̄ariskos* may be proposed, which, according to a fragment from Aristotle, was an inhabited place in the land of the Boudinoi. The *-u-* of Slavic form could be explained by the change of *ā* to *ō* that occurred in most of Baltic dialects early enough to be reflected in the substrate river-names on Russian soil, e.g. *Užepa* ~ Latvian *Āžupe* 'Goat's river'. Consequently **Kurbь*, **Kurbьskъ* may be traced back to **Kāros*, **K̄ariskos* via Baltic **Kōr-(as, -iskas)*, the secondary suffix **-isko-* being a common Indo-European heritage in Baltic, Slavic, Germanic and Celtic. Apart from the ultimate etymology of the stem **Kār-*, the topographical continuity proposed here finds an additional support in reconsidering some problems concerning the historical geography of Scythia. It has already been observed, that the hardly believable extension of Darius' campaign against the Scythians beyond the Don, as reported by Herodotus, must be due to the confusion of *Vāru-* 'Dnieper' with Volga; the same may be true of him placing the land of the Boudinoi between Don and Volga, which contradicts his own statement implying that they were eastern neighbours of the Neuroi. With the Boudinoi situated on the territory of the Yuchnov culture in the modern regions of Kursk, Brjansk, Orlov and Chernigov, all pieces fit together: the Neuroi in the west, identified with the bearers of the Milograd culture in southern Belarus and eastern Ukraine, the Dnieper-Scythians, Gr. *Borystheneitai*, Old Iranian **Varu-skula-* (whence the river name *Vorskla*) in the south and the Melanchlainoi, 'Black-cloaks', Old Iranian *Sau-dar-ata-*, in the east. As the borderland to the latter, the region of Kariskos/Kursk was known for breeding only black sheep, which ought to have been somehow connected with the black (wool) clothing characteristic of the Melanchlainoi.

D. V. Kuzmin. On the problem of the origin of names containing formants *-ngV/-н(ь)zV* in Karelian toponymy

Key words: etymology, Finno-Ugric languages, Karelian language, toponymy.

The article views geographic names containing formant *-ngV/-н(ь)zV* which occur in the Republic of Karelia. The author gives detailed analysis of areal, phonetic and structural peculiarities of Karelian toponyms of this type, marks their correlation with analogous names in Finland, Kola Peninsula and Russian North. While characterizing Karelian toponyms ending with *-ngV/-н(ь)zV* from etymological and ethnolinguistic points of view, the author considers various possibilities, but clearly shows that at a certain historical level formant *-ngV/-н(ь)zV* became independent and sufficiently productive means of toponymic nomination in Karelian language.

A. L. Shilov. Ethnonyms and non-slavic anthroponyms in the writings on birch bark

Key words: anthroponymy, Baltic-Finnish languages, ethnonymy, etymology Old Russian writings on birch bark.

The article presents historical-linguistic analysis for the number of ethnonyms and anthroponyms discovered in the writings on birch bark of Novgorod, Pskov and Staraya Russa. The author offers new comments to existing etymologies and suggests his own etymological solutions for 31 names. Basing

upon the analysis presented the author concludes that in the majority of cases ethnonyms and anthroponyms of writings on birch bark indicate Baltic-Finnish and Sami population of the region and in some cases — Baltic and German population.

M. Shipkova. Anoikonymic Dictionary of Moravia and Silesia: Theoretical and Interpretative Aspects

Key words: Czech language, onomastic lexicography, Slavic languages, toponymy.

In the first part, the author informs on the new digital project *Dictionary of Moravian and Silesian Anoikonyms* that has been compiled in the Brno Department of Dialectology, Academy of Sciences of the Czech Republic since 2005, mentions its aims and conception. She lists the impulses leading to this project as well as the reasons for the existence of two similar dictionaries within the Czech territory — one in Bohemia, one in Moravia and Silesia. In the second part she demonstrates the mentioned theoretical and interpretative aspects on examples.

L. Chizhmarova. Methodological Principles of the Dictionary of Moravian and Silesian Anoikonyms (Minor Place Names)

Key words: Czech language, onomastic lexicography, Slavic languages, toponymy.

The routines used by Brno linguists working on the *Dictionary of Moravian and Silesian Anoikonyms* (conceived in the shape of an alphabetical inventory not of individual anoikonyms but of collective entries introduced by abstract headwords) are described. All the collected material is gradually being put into the digital database of the program which automatically creates a primal form of the entries (headword with certain characteristics, enumeration and sequence of the respective anoikonyms and objects). The main task of the authors is then to formulate the explicatory section of each entry. At the same time, the program offers the possibility of generating various maps (for individual entries or several connected entries, on various backgrounds — administrative districts, river networks, vertical model, Google map). The output will then be not only a classical paper dictionary, but — in the first place — a digital product offering innumerable possibilities to search for needed information and to depict it on maps.

O. V. Atroshenko. On the composition of the Dictionary of Russian National Chrononyms

Key words: Slavic languages, Russian language, chrononymy, onomastic lexicography, ethnolinguistics.

The article demonstrates composition principles of the *Dictionary of Russian National Chrononyms*, which is getting compiled by the chair of the Russian Language and general linguistics at the Ural State University. The object for description in the Dictionary is Russian nationwide (*Пасха, Благовещенье*) and dialect names of the (*Афанасий-Ломонос* 'January 18/31') yearly time units, as well as their derivatives (*афанасий-ломонос* 'frost on January 18/31'). Microstructure of the dictionary is viewed: explicative part containing chrononyms in the alphabetic order and ideographic part containing calendar dates and their names. Examples of explicative and ideographic entries are presented in the appendix. Particular attention is given to the structure of explicative entry containing head chrononym, definition, area, illustrations, sources, "antonymous" chrononyms, derivatives. The problems appeared in the process of making the Dictionary (such as the problem of selecting of head items and illustrations from the ethnographic sources, difficulties while describing lexical systematicity) are also mentioned.

E. A. Tsypanov. Dog names in the Komi language

Key words: distribution, etymology, Finno-Ugric languages, Komi language, motivation, zoonymy.

The article is devoted to the brief view of dog names in the modern Komi language, as well as to the description of the main groups of aboriginal names from the standpoint of motivation and distributive characteristics (all-national, regional and individual names).

Научное издание

ВОПРОСЫ ОНОМАСТИКИ

2010. № 8

Редакторы	<i>Е. Ф. Васюта</i> <i>Л. А. Феоктистова</i>
Редактор перевода	<i>Е. В. Шабалина</i>
Корректор	<i>К. В. Пьянкова</i>
Компьютерная верстка	<i>Л. А. Хухарева</i>

Свидетельство о регистрации ПИ № ФС11-0310 от 15.07.05.

Учредители: Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН.
121019, Москва, ул. Волхонка, 18/2;

ГОУ ВПО «Уральский государственный университет им. А. М. Горького».
620083, Екатеринбург, пр. Ленина, 51.

План выпуска 2010 г., поз. 27.

Подписано в печать 18.06.2010. Формат 70 × 100 ¹/₁₆.

Уч.-изд. л. 14,0. Усл. печ. л. 14,5. Бумага офсетная. Гарнитура Times New Roman.

Печать офсетная. Тираж 250 экз. Заказ

Издательство Уральского университета. 620083, Екатеринбург, пр. Ленина, 51.

Отпечатано в ИПЦ «Издательство УрГУ». 620083, Екатеринбург, ул. Тургенева, 4.

В СЛЕДУЮЩЕМ НОМЕРЕ

СТАТЬИ

Ахметова М. В. Неофициальная русская урбонимия

Разумов Р. В. Географические термины в системах урбанонимов провинциальных городов

Фролова О. Е. Библейские антропонимы в паремиях

Фомин А. А., Баранова К. И. *Кысь* в «Кыси»: смыслообразующий потенциал литературного онима и механизмы его реализации

СООБЩЕНИЯ

Алпатов В. В. Английские метафорические топонимы с христианскими ассоциациями

МАТЕРИАЛЫ

Кривошапова Ю. А., Макарова А. А., Шабалина Е. В. Из материалов к словарю оттопонимических дериватов в русской языковой традиции: *Сибирь*

ТРИБУНА ОНОМАТОЛОГА

Лабунец Н. В. Новое в урбанонимии Тюмени (из опыта работы Топонимической комиссии)

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Рецензии

Рут М. Э. [Рец. на:] Вопросы географии. Сб. 132: Современная топонимика

Книжная полка

Ономастика за рубежом

Жетельска-Фелешко Э. В мире имен собственных (перевод с польского избранных глав)

ПАМЯТКА АВТОРАМ

Требования к авторскому оригиналу

- Авторский оригинал предоставляется в электронной версии (на дискете или электронной почтой) с одной распечаткой текста. Параметры: Word 6.0/7.0 (формат *doc* или *rtf*), шрифт *Times New Roman*, кегль основного шрифта — 14-й, сноска — 12-й, интервал — 1,5, абзац 0,7 (установка через меню: *Формат — Абзац — Отступ — Первая строка 0,7*).
- Примечания — подстрочные, нумерация сквозная.
- Библиографические ссылки — затекстовые (алфавитный список). Форма связи ссылки с основным текстом — с помощью фамилии автора (названия книги) и года издания (страницы, если это прямая цитата) в квадратных скобках.
- При наличии в статье авторских сокращений после списка литературы приводится их перечень.
- Языковой иллюстративный материал выделяется в тексте работы курсивом. Для выделения лексического значения используются одинарные кавычки (‘ ’), при цитировании — угловые («»), смысловые выделения можно подчеркнуть.
- Объем статей — до 1 уч.-изд. (авт.) листа (40 000 знаков).
- Резюме на русском и английском языках (от 500 до 1 000 знаков, считая пробелы); ключевые слова (не более 10).

Оформление библиографических ссылок

Оформление ссылок с помощью фамилии автора и года издания может различаться для разных видов цитируемых изданий. Например:

- Книга или статья одного, двух авторов: [Степанов, 1989, 28]; [Мамонтова, Муллонен, 1991, 52].
- Несколько работ одного автора, опубликованные в одном и том же году, оформляются добавлением буквенного индекса к году (как в самой ссылке, так и в списке литературы): [Михайлов, 1993а, 101].
- Сборник, коллективный труд, словарь, атлас и т. д. (в том числе — сокращенное название): [Уральские имена, 73], [МДС, 81], [ААЕ, 9].
- Архивные материалы: [ГААО, ф. 198, оп. 7, д. 68, 22] — курсивом выделен лист документа, все остальные элементы ссылки (указание на фонд, описание, дело) даются сокращенно и разделяются запятой.
- Карты, словники, картотеки и т. п. — с помощью сокращенного названия: [КСГРС].
- Многотомные издания и издания из нескольких выпусков: [СРНГ, 12, 270].
- Перечень библиографических ссылок дается в конце статьи в алфавитном порядке. Для сокращенных названий сначала приводится аббревиатура, а затем полное описание работы.

Общие правила

- К статье прилагаются краткие сведения об авторе (ФИО, место работы, должность и ученое звание, почтовый адрес, телефон, при наличии — электронный адрес).
- Статьи, уже опубликованные или направленные автором в редакции других журналов, не принимаются.
- Статьи не рецензируются и не возвращаются.
- Редколлегия письменно извещает автора о решении, касающемся публикации статьи.
- Денежное вознаграждение за публикацию не предусматривается.

Адрес редколлегии и редакции журнала

- 620000, г. Екатеринбург, ул. Ленина, 51, Уральский государственный университет им. А. М. Горького, редакция журнала «Вопросы ономастики». Электронный адрес: fasmer@yandex.ru.
- Электронная версия журнала размещается на сайтах:
Института русского языка им. В. В. Виноградова — <http://www.ruslang.ru/agens.php?id=onomastica>,
научной библиотеки УрГУ — <http://elar.usu.ru/handle/1234.56789/786>.